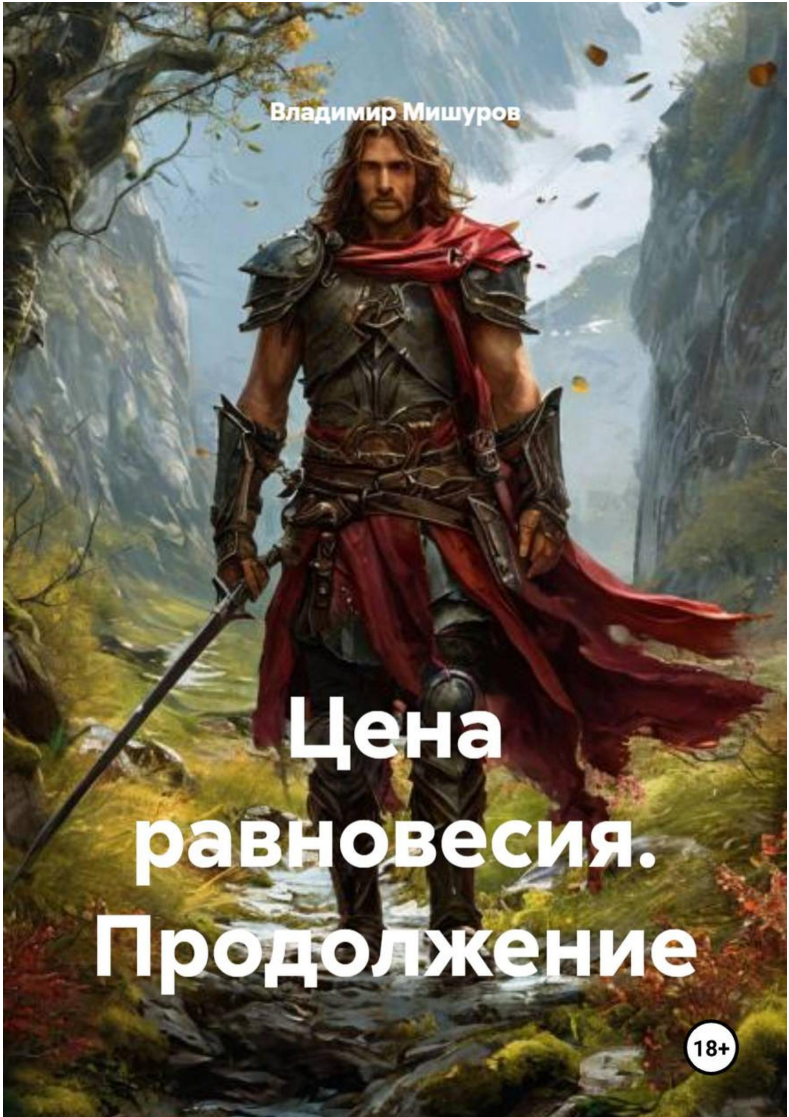

Владимир Мишуров
Цена равновесия. Продолжение
18+

Владимир Мишуров

Цена равновесия. Продолжение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73214728
SelfPub; 2026

Аннотация

После стабилизации «Сердца» герои расколоты горем и недоверием. Вернувшиеся чувства стали проклятием, а Александр, обладающий силой «стирать» реальность, медленно разрушается сам. Его дар грозит разорвать хрупкий союз: одни видят в нём оружие, другие – угрозу.

Путь к Последнему Узлу ведёт через враждебные Зыбучие Топи, где древняя магия и предательство испытывают их на прочность. Александру открывается страшная истина, и он оказывается перед выбором: пожертвовать невольным предателем или обречь всех на гибель.

Это история о цене силы и внутренней битве, где главный враг – не Тень, а демоны внутри каждого.

Владимир Мишуров
Цена равновесия. Продолжение

Ирина невольно подошла к статуе женщины в доспехах, с лицом, скрытым шлемом. Она держала в руках не меч, а сверток, похожий на карту.

– *Покой,* – прозвучал тихий, материнский голос. – *Не для себя. Для них. Для всех, кто тебе дорог. Гарантия, что они будут в безопасности. Навсегда. Никаких тревог. Никаких ночных дозоров. Просто… тишина и уверенность.*

Ирина почувствовала, как с ее плеч спадает невидимая, давящая тяжесть. Она видела лица своих солдат – не искаженные болью, а умиротворенные. Смеющихся. *Спасенных*. И все, что для этого нужно было сделать – просто протянуть руку.

Даже Рунар попал в сети. Его привлекла статуя старого мага с длинной бородой и пустыми глазницами, держащего раскрытую книгу.

– *Знание,* – прошептал голос, звучавший как его собственные, давно забытые мысли. – *Не обрывки, не намёки. Полная картина. Понимание того, что такое Тень, откуда она при-*

шла и как ее остановить. Без риска, без жертв. Просто… истина.

Искушение было мучительным. Ведь он шел сюда именно за этим. Чтобы исправить свою ошибку. И вот она – панацея. Лежащая на блюдечке.

Александр стоял в центре зала, и шепот атаковал его со всех сторон. Он слышал десятки голосов, обещавших десятки благ.

– Свобода от бремени… Отдай Ключ, он станет просто камнем… Забудь…

– Власть… С ним ты сможешь диктовать свою волю мирам… Заставь их слушать!

– Прошлое… Мы вернем тебе отца… живым… таким, каким ты его помнишь…

Это был оглушительный хор искушений, каждое из которых било в его самую большую боль. Он видел лица статуй, искажающиеся, подстраиваясь под его тайные желания. Одна из них на мгновение стала вылитым отцом, с улыбкой и протянутыми руками.

И тут его взгляд упал на Скрига.

Гоблин стоял перед самой маленькой и невзрачной статуей – сгорбленным стариком с пустыми руками. Скриг смотрел на него с тем же отрешенным любопытством, с каким

наблюдал за сдвигающимися стенами.

– И что же ты обещаешь мне? – тихо спросил Скриг у статуи.

Ответный шепот был едва слышен, но Александр, благодаря Ключу, уловил его.

– *…ничего…*

Скриг наклонил голову.

– Ничего?

– *…совершенную пустоту договора… ни долгов… ни обязательств… ни смысла… ни боли… просто… тихий конец…*

И Скриг… улыбнулся. Это была не радостная улыбка. Это была улыбка человека, нашедшего наконец товар, который ему подходит.

– Честно, – прошептал он в ответ. – Очень честно.

Этот странный диалог стал для Александра ледяным душем. Он вырвался из паутины сладких обещаний и крикнул, вкладывая в голос всю свою волю, искаженную потерей времени, но оттого звучавшую еще громче:

– Это ловушка! Она не дает! Она только берет! Она смотрит в вашу душу и показывает вам пустышку!

Его голос прокатился по залу, и шепот на мгновение стих. Краг, Ирина и Рунар отшатнулись от статуй, как от раскаленного железа, с лицами, покрасневшими от стыда и осознания. Они едва не купились. Едва не отдали что-то неизвестное за обещание, которое никогда не будет выполнено.

Они отступили к двери, их сердца бешено колотились. Искушение прошло, но осадочек остался. Теперь они знали, чего хочет каждый из них. И это знание висело между ними тяжелым, невысказанным грузом, угрозой будущего раскола.

Шёпот завладел Крагом полностью, заглушая стоны умирающих братьев и чавканье пожирающей памяти трясины. Он стоял перед статуей воина-орка, но это был не безликий идол. Черты камня плавились, образуя лицо его деда – старого Улграга Железная Челюсть, чьи рассказы о Единой Орде грели ему душу в детстве.

– *Армия,* – голос был не просто шепотом. Он был гулом тысячи оркских гортаней, слившихся в один мощный хор. – *Не эта жалкая горстка кланов, грызущихся за клочок выжженной земли. Не наемники и не союзники, что смотрят на тебя с презрением. Настоящая армия. Речная сталь, что сметает врагов. Твоя сталь. Твоя воля, воплощённая в десятках тысяч воинов, готовых умереть за твое слово.*

Краг не просто слышал это. Он *видел*. Равнину, черную от доспехов. Поднятые топоры, отбрасывающие тень на солнце. Лица – не искаженные яростью, а одухотворенные единой целью. *Его* целью. Он чувствовал мощь, исходящую от это-

го войска, как жар от кузнечного горна. Это была не просто сила. Это была *справедливость*. Возможность никогда больше не хоронить своих. Возможность диктовать условия миру, который веками отталкивал его народ.

– *Они придут к тебе,* – шептали каменные уста, и Краг видел, как вожди самых гордых и диких кланов Северных Хребтов склоняют перед ним головы, признавая его Верховным Варгом. – *Все. Пятнистый Клан Снежного Медведя. Молотобойцы с Огненных Пиков. Все. И больше никто не посмеет тронуть твой народ. Никто не отнимет у тебя семью.*

Искушение было физическим. Он чувствовал, как его ладонь сама тянется к каменному топору статуи. Казалось, стоит только прикоснуться, и эта мощь хлынет в него, наполнит его, сожжет дотла всю боль потерь и унижений. Он будет не просто воином. Он будет *символом*. Спасителем.

– Краг! – чей-то голос, резкий и чуждый, попытался прорваться через хор обещаний. Это был человек. Александр.

Ярость, старая и знакомая, клокотнула в Краге. Человек. Чьи сородичи столетиями теснили орков к горам. Кто смеет мешать ему сейчас?

– Это ложь, брат! – это был уже голос другого орка. Сородича. Но и он звучал слабо, как писк мыши на фоне грозового грома.

Они боятся, – пронеслось в сознании Крага. *Боятся твоей силы. Боятся, что ты станешь тем, кем должен быть.*

Его пальцы были в сантиметре от холодного камня. Он уже почти чувствовал шершавость рукояти, которая должна была стать его…

И тут из хора обещаний вырвался другой звук. Тихий, едва слышный *чавкающий* звук. Тот самый, что издавала черная трясина, пожирающая память Борна.

Этот звук был каплей ледяной воды. Он на мгновение прорезал дурман, и Краг увидел не Единую Орду, а пустые глаза Борна. Не мощь, а безвольную пустоту.

Он рванул руку назад, как от раскаленного металла. Его могучая грудь вздымалась, из горла вырвался хриплый, яростный рев – но на этот раз не от соблазна, а от стыда и осознания. Он едва не попался. Едва не стал пищей.

– Никто… ничего… не дает даром, – прохрипел он, отступая от статуи, которая снова замерла в своем безжизненном уродстве.

Но образ Единой Орды уже поселился в нем. Искушение не исчезло. Оно просто затаилось, показав ему, чего он на самом деле хочет. И теперь этот образ будет терзать его, в каждом споре с союзниками, в каждом моменте слабости. Крепость не просто пыталась его съесть. Она посеяла в нем семя будущего предательства.

Пока Краг боролся с призраком абсолютной власти, Рунар стоял как вкопанный перед другой статуей. Она не была воином или королем. Это был старый, сгорбленный маг с лицом, изъеденным не временем, а, казалось, самим знани-

ем. Его пустые глазницы были обращены вниз, на раскрытую каменную книгу в его руках, на страницах которой мерцали таинственные руны.

И шепот, который услышал Рунар, был не гулом и не обещанием силы. Он был тихим, ясным и безжалостно логичным. Он звучал как его собственный внутренний голос, каким он был много лет назад – полным уверенности и голода.

– *Знание,* – шептал голос, и каждое слово падало в душу Рунара, как камень в глубокий колодец. – *Не обрывки, которые ты собирал всю жизнь. Не намёки, что привели тебя сюда, к этому жалкому концу. Полная картина. Истина.*

Перед внутренним взором Рунара вспыхнуло видение. Он видел себя не старым и уставшим, а молодым, с горящими глазами, сидящим в своей башне. Но на этот раз – не над рискованными чертежами, а над совершенной схемой мироздания. Он видел Тень – не как слепую стихию, а как уравнение. Сложное, но решаемое. Он понимал ее природу, источник, ее слабые места.

– *Ты увидишь каждую свою ошибку,* – обещал голос, и в этом не было упрека, лишь констатация. – *Каждую развилку, где ты свернул не туда. И ты поймешь, как все исправить. Без новых жертв. Без этой отчаянной авантюры.*

Это было самым сладким ядом. Исправить все. Стереть ту роковую ошибку молодости, что запустила маховик нынешнего кошмара. Не кровью и потом, а чистым, ясным знанием. Он мог вернуться героем, а не кающимся грешником.

– Ты будешь не просто знать, Рунар. Ты будешь понимать. *Законы, что управляют тьмой. И светом. Ты станешь не мастером-магом, жалующимся на усталость. Ты станешь… архитектором реальности.*

Он видел это. Свою руку, проводящую по воздуху и исправляющую трещины в ткани бытия. Он видел лица тех, кто погиб из-за его старой ошибки – не мертвыми, а живыми, смотрящими на него с благодарностью.

Его рука, старая и покрытая прожилками, дрогнула и потянулась к каменной книге. Пальцы жаждали прикоснуться к этим мерцающим рунам, впитать обещанное знание. Это было так просто. Просто протянуть руку…

И в этот момент его взгляд, затуманенный видениями, упал на Александра. Молодой человек стоял, сжав голову руками, его лицо было искажено не соблазном, а болью – он слышал все их искушения сразу, и они разрывали его на части. И Рунар увидел в его глазах не осуждение, а… предупреждение. И надежду. Надежду на него, старого, сломленного мага.

Голос в его голове настойчивее:

– Они – инструменты. Неуклюжие и хрупкие. Ты же можешь стать разумом, что направит их. Но для этого тебе нужно знать. *Все.*

«Инструменты». Это слово резануло его сильнее любого упрека. Он смотрел на Ирину, видевшую спасение для своих

солдат, на Крага, мечтавшего защитить свой народ. Они были не инструментами. Они были живыми людьми, доверившимися ему.

С нечеловеческим усилием Рунар отдернул руку. Он не просто отступил – он мысленно возвел стену, отсекая сладкий, отравленный шепот.

– Нет, – выдохнул он, и его голос прозвучал хрипло и тихо, но с непоколебимой твердостью. – Знание, купленное такой ценой… это не знание. Это еще одна сделка с темнотой. И цена всегда одна – душа.

Он отвернулся от статуи, чувствуя, как с него градом льет холодный пот. Искушение отступило, оставив после себя не пустоту, а странную, горькую ясность. Он не получил ответов. Но он понял, что некоторые вопросы важнее любых ответов. И что его искупление, если оно вообще возможно, лежит не в прошлом, а здесь, в этом аду, вместе с этими людьми.

Пока Рунар боролся с демонами знания, а Краг – с призраком абсолютной власти, Ирина стояла перед своей статуей. Это была не воительница и не королева, а женщина с мягкими, печальными чертами лица, держащая в руках не оружие, а нечто, напоминающее то ли ладонь, то ли щит. И шепот, который коснулся ее разума, был тихим, убаюкивающим и бесконечно желанным.

– *Покой,* – звучал он, и в этом слове не было эха. Оно было

мягким, как пух, обволакивающим каждую ее тревогу. – *Не для себя. Ты никогда не искала его для себя. Для них. Для всех, чьи лица ты видишь перед сном.*

И она видела. Не сон, а ясную, как день, реальность. Она стояла на стене своего родного форпоста, но не того, что лежал в руинах. Он был целым, отстроенным заново. Солнце светило на отполированные доспехи стражников. Внизу, на плацу, ее солдаты – не изможденные и испуганные, а упитанные, смеющиеся. Она видела молодого новобранца, которого когда-то не смогла уберечь, – он был жив, шутил с товарищем. Она видела своего старого капитана, того, чье лицо стерла черная слизь, – он стоял, гордо подняв голову, и кивал ей с одобрением.

– *Никаких тревог,* – шептал голос, и Ирина чувствовала, как каменная глыба вечной ответственности наконец-то сдвигается с ее плеч. – *Никаких ночных дозоров, где ты вслушиваешься в каждый шорох, боясь услышать звон стали. Никаких прощальных писем, которые ты никогда не отправишь. Просто… тишина. Уверенность.*

Это было так реально. Она почти чувствовала теплый ветерок на своей коже, которой больше не могла ощущать прикосновений. Она слышала смех. Настоящий, беззаботный смех, а не хриплые крики в агонии. Это было все, о чем она когда-либо мечтала. Не слава, не победа. Просто знать, что все, за кого она в ответе, – в безопасности.

– *Один шаг,* – ласково убеждал голос. – *Всего один шаг,*

одно прикосновение, и это станет реальностью. Навсегда. Разве не ради этого ты здесь? Ради них?

Ее рука, не чувствующая веса собственного меча, сама потянулась к каменному щиту в руках статуи. Казалось, стоит только коснуться его, и эта идиллия материализуется. Боль, потери, страх – все это останется в прошлом, как страшный сон.

И в этот миг ее взгляд, блуждавший по лицу каменной женщины, упал на ее руки. Они держали щит. Но приглядевшись, Ирина увидела не защиту. Она увидела… клетку. Идеальную, безопасную, непробиваемую клетку. И всех тех, кого она любила – ее солдат, ее друзей – запертыми внутри. Живыми, улыбающимися, но… статичными. Застывшими в одном, идеальном, неизменном моменте. Без будущего. Без роста. Без риска. Без жизни.

Это был не покой. Это была консервация. Окончательная и бесповоротная.

Она резко отдернула руку, как от пламени. Сердце ее бешено колотилось, хотя грудь была онемевшей.

– Нет, – выдохнула она, и ее голос дрожал. – Их безопасность… не может быть куплена ценой их свободы. Их жизни.

Шепот на мгновение стал настойчивее, почти раздраженным:

– Это единственный способ! Ты не сможешь защитить

их в настоящем мире! Он слишком жесток!

– Тогда я буду защищать их в жестоком мире! – прошептала она в ответ, отступая. – А не хоронить в каменном саркофаге твоего спокойствия.

Искушение отступило, оставив после не сладкую грусть, а леденящий ужас. Она едва не совершила самое страшное предательство – предательство ради тех, кого любила. И теперь этот образ идеального, безопасного форпоста будет преследовать ее, как укор, в каждом трудном решении, в каждой новой потере. Крепость не просто пыталась ее съесть. Она показала ей глубину ее собственного отчаяния и ту ужасную цену, которую она была готова за него заплатить. Тишина, последовавшая за тем, как каждый из них отверг свои личные кошмары, была напряженной и хрупкой, словно тонкий лед над черной водой. Они переводили дух, избегая взглядов друг друга, стыдясь той легкости, с которой они почти предали все ради призрачного обещания. Именно тогда шепот изменился. Он стал тише, но острее. Он больше не обращался к их личным демонам. Он начал нашептывать на старые, знакомые раны, которые они носили в себе как расы. Краг, все еще чувствуя жгучий стыд за свою слабость, услышал новый голос. На этот раз – скрипучий, похожий на скрежет гномьих шестеренок.

– *Зачем тебе их знание, орк?* – шипел он. – *Они веками прятали его в своих библиотеках, пока твои братья гибли в*

невежестве. Они никогда не делились. А теперь этот старик… он знает пути. Знает, как обезвредить угрозу. Но поделится ли? Или снова оставит тебя с твоей яростью наедине, пока сам ищет спасения для своих? Краг непроизвольно сжал кулаки. Это была правда. Горькая, уродливая правда. Он посмотрел на Рунара, и в его взгляде снова вспыхнула знакомая подозрительность. Одновременно Рунар услышал новый шепот – легкий, как шелест эльфийского шелка, но ядовитый.

– Он смотрит на тебя и видит чудовище, маг. Видит того, кто своей жадностью развязал эту Тень. Доверишь ли ты ему свою спину? Доверишь ли знание, которое может обратить его ярость против тебя же? Проще… уйти. Найти путь в одиночку. Без этого грубого ярма. Рунар почувствовал, как холодная волна страха пробежала по его спине. Он посмотрел на мощную спину Крага и представил, как тот оборачивается, и в его глазах – не союзник, а враг, которого он ненавидел всю жизнь. Даже Ирина, все еще содрогаясь от образа каменной клетки, услышала новый, жесткий голос, похожий на удар стали о сталь.

– Ты – солдат. Твоя задача – защищать своих. А они? – Шепот скользнул в сторону эльфийки и гнома. *– Они веками смотрели свысока на твоих павших. Их магия, их инженерное чудо… разве они спасли твой форпост? Нет. Они спаса-*

ли себя. И спасают сейчас. Этот союз – цепь на твоей ноге. Сбрось ее. Иди своей дорогой. Спасай своих. Это проще. Это вернее. Ирина закрыла глаза, чувствуя, как старые обиды, как ядовитые ростки, начинают прорастать сквозь почву ее воли. Это БЫЛО проще. Не нужно никому доверять. Не нужно ни с кем договариваться. Воздух в зале сгустился, наполнившись невысказанными обвинениями и старым, как мир, недоверием. Хрупкий обет, данный в Зале Совета, трещал по швам. Статуи не предлагали им власти или знаний. Они предлагали им самый легкий выход – вернуться к старой вражде. К привычному, понятному одиночеству. И в этот момент Александр, для которого весь этот зал был оглушительным хором искушений и страхов, сделал шаг вперед. Его лицо было искажено болью, но голос, пробиваясь через искаженное время, прозвучал с ледяной ясностью.

– Они хотят, чтобы мы выбрали старую ненависть, – сказал он, и его слова, медленные и тяжелые, падали, как камни. – Потому что это знакомо. Потому что это легко. Разойтись по углам и умереть порознь – это ОНИ уже умеют. – Он обвел взглядом статуи. – А вот попытаться выжить ВМЕСТЕ… для них это страшнее любой магии. Он посмотрел на Крага, потом на Рунара, на Ирину.

– Они боятся не нашего гнева. Они боятся нашего молчаливого согласия идти дальше. Потому что это – единственное, что может их сломать. Его слова не растворили недове-

рие. Но они вонзились в него, как клин. Они напомнили им не о дружбе, а о простом, циничном расчете. Враг предлагал им легкую смерть. Они же, вопреки всему, выбрали трудную жизнь. И сейчас, в этом зале, им предстояло подтвердить этот выбор не клятвами, а молчаливым, тяжелым шагом вперед – прочь от статуй, прочь от легких путей, вглубь общего кошмара. Пока другие боролись с призраками власти, знаний и безопасности, на Александра обрушилось самое коварное искушение. Оно не гремело и не сверкало. Оно стелилось тихим, усталым шепотом, который звучал не из одной статуи, а из самой темноты между ними, из самой глубины его собственной измотанной души.

– *Довольно,* – шептали ему. Голос был похож на его собственный, каким он был до всего этого – обычным, без груза чужих жизней на плечах. – *Ты не для этого создан. Ты не герой. Ты просто человек, который заблудился.* И он видел это. Не видение, а воспоминание, выхваченное из самого светлого уголка его прошлого. Он видел себя не в этом каменном аду, а в своей старой мастерской. Запах дерева и лака, а не крови и страха. Тепло солнечного луча на лице, а не леденящий холод Ключа на груди. Он держал в руках не артефакт, грозящий разорвать его рассудок, а простую, почти готовую деревянную игрушку. Для чьего-то ребенка. Для кого-то, чье имя ему не нужно было знать.

– *Отдай его,* – настаивал шепот, и в нем слышалась не злоба, а почти жалость. – *Положи его на камень и уйди. Ты уже*

сделал достаточно. Ты привел их сюда. Дальше они справятся сами. Или нет. Но это будет уже не твоя вина. Никто не сможет тебя в этом упрекнуть.

Соблазн был мучительным, потому что он не сулил ни власти, ни славы. Он сулил покой. Забвение. Возможность снова дышать полной грудью, не чувствуя, как в тебе копошатся чужие страхи. Возможность проснуться утром и знать, что самый страшный твой выбор – это какой чай заварить.

– *Они сильные,* – убеждал голос, и Александр видел, как Краг ломает преграды мышечной силой, как Рунар разгадывает загадки магией. – *У них есть свои цели, свои армии, свои знания. Им не нужен уставший мальчик с горящим камнем. Они используют тебя, а когда Ключ выполнит свою работу… он станет им не нужен. И ты тоже.*

И это была правда. Горькая, но правда. Он был инструментом. Временным координатором. Слугой, которого терпят, пока он полезен.

Его рука дрогнула и потянулась к Ключу на его груди. Не чтобы воспользоваться им, а чтобы сорвать. Отшвырнуть. Ощутить головокружительную легкость освобождения. Он почти чувствовал, как тяжесть уходит с его плеч, как перестает болеть голова, как искаженное время наконец выравнивается.

И в этот миг его взгляд, затуманенный тоской по нормальной жизни, упал на Скрига. Гоблин сидел на полу и смотрел на него своими большими, невыразительными глазами. И в

них не было ни осуждения, ни надежды. Было лишь простое наблюдение.

– *Он понимает,* – прошептал внутренний голос. – *Он давно все понял. Все это – просто шум. И ты для него – часть шума.* И это стало последней каплей. Мысль о том, чтобы стать просто «шумом» в чужом восприятии, частью фона этого безумия, оказалась невыносимой. Если он сдастся сейчас, то не просто вернется к нормальной жизни. Он станет ничем. Пустым местом. Исчезнет, как Борн, только не физически, а духовно. С рычанием, полным не столько ярости, сколько отчаяния, он убрал руку от Ключа. Он не оттолкнул искушение – он впитал его в себя, как яд, с которым придется жить.

– Нет, – прохрипел он, обращаясь к шепчущей тьме. – Эта «нормальная жизнь»… ее больше нет. Ее съела Тень. И если я сейчас уйду, то мне некуда будет возвращаться. Только в кошмар наяву. И я буду знать, что сбежал. Он не чувствовал себя героем. Он чувствовал себя загнанным зверем, у которого просто не осталось других нор. И в этом не было ничего возвышенного. Была лишь голая, животная необходимость идти дальше, потому что остановка – это смерть, а отступление – смерть вдвойне. Шепот отступил, оставив его в гробовой тишине зала, но теперь эта тишина была внутри него. Он сделал свой выбор. И этот выбор был тяжелее самого Ключа. После зала искушений кошмар коридоров, ка-

залось, пошел на убыль. Стены перестали дышать, пол больше не проваливался. Они шли по прямому, неестественно гладкому тоннелю, который вел вниз, в самое нутро горы. Эта тишина и стабильность были почти страшнее предшествующего хаоса – как затишье перед самой бурей. Тоннель вывел их в помещение, от которого перехватило дыхание даже у Крага. Это был не зал, а гигантская геодезическая полость. Ни потолка, ни стен в привычном понимании не было – только бесконечное переплетение светящихся силовых линий, уходящее ввысь и вглубь, словно они стояли внутри нервной системы планеты. Воздух гудел от низкочастотного гудения, которое ощущалось не ушами, а костями. И в самом центре этого немыслимого пространства, в точке, где сходились все светящиеся нити, висело Оно. Это не был кристалл. Это было нечто большее. Гигантское, пульсирующее образование, напоминавшее одновременно и мускулистое сердце, и раздувшийся светящийся плод. Оно было полупрозрачным, и внутри него клубились сгустки энергии – то кроваво-багровые, то мертвенно-бледные. С каждым ударом-пульсом по силовым линиям расходилась волна света, озаряя их потрясенные лица.

– Великие пещеры… – выдохнул кто-то из гномов, роняя оружие. Звук стал громоподобным в оглушительной тишине. Рунар подошел ближе, его лицо было серым. Он поднял дрожащую руку, ощущая исходящую от «Сердца» мощь.

– Это не артефакт, – прошептал он, и его голос был полон благоговейного ужаса. – Это… узел. Один из тех, что держит реальность. Здесь сходятся линии жизни и смерти, магии и материи. Здесь… все. Ирина, не чувствующая прикосновений, тем не менее, ощутила леденящий холод, исходящий от этого зрелища. Это была не физическая температура. Это был холод бесконечности, холод весов, на которых взвешиваются миры. Краг стоял, вперившись в пульсирующий комок. Его обещанная армия, его власть – все это было пылью перед лицом *этого*. Здесь нечего было завоевать. Здесь можно было только служить. Или умереть. И тогда из самого «Сердца», беззвучно, но с невероятной силой, в их сознании пронеслись не слова, а чистая информация, образ. Они увидели крепость не как каменное строение, а как живой организм. Ловушки, меняющиеся коридоры, тварь, пожирающую память, статуи-искусители – все это была иммунная система. Защитный механизм, отторгающий неподходящих. Слабых. Нерешительных. Тех, кто не готов был заплатить цену. А цена была одна. Новый образ заполнил их разум. Они увидели не сундук с сокровищами и не оружие против Тени. Они увидели пустоту. Пустую нишу, вырезанную в основании «Сердца», куда сходились самые яркие, самые важные силовые линии. И они поняли. Чтобы получить контроль, чтобы стабилизировать узел или направить его силу против Тени, эта ниша должна быть заполнена. Не артефактом. Не энергией. Волей. Живым, разумным существом. Доброволь-

ным Стражем. Тем, кто навечно станет частью этого механизма, проводником его силы, его разумом и его тюремщиком в одном лице. Тот, кто войдет в эту нишу, не умрет. Он станет вечным. И одиноким. Он будет чувствовать каждый содрогающийся нерв планеты, каждую рождающуюся и умирающую жизнь, каждую каплю магии и тьмы. И навсегда останется здесь, в этой каменной утробе, поддерживая хрупкий баланс, став еще одним винтиком в машине мироздания. Контроль над артефактами был не в том, чтобы получить жезл власти. Он был в том, чтобы принести в жертву свою свободу. Стать живым топливом для древнего, голодного бога-машины. Тишина, повисшая после этого откровения, была оглушительной. Они дошли до цели. И цель эта оказалась не спасением, а еще одной, более страшной пропастью. Откровение, вбитое в их мозг, повисло в воздухе тяжелым, ядовитым туманом. Никто не кричал. Не возмущался. Шок был слишком глубоким, слишком полным. Они пролили кровь, отдали части себя, прошли через ад личных кошмаров – и все ради того, чтобы узнать, что сокровище в конце пути это не меч, а петля. Рунар первым нарушил молчание. Его голос был хриплым, лишенным всяких эмоций, словно он читал вслух текст судебного приговора.

– Энергетическая сигнатура… она повреждена, – он указал на темные, хаотичные всполохи внутри «Сердца». – Узел нестабилен. Именно это и привлекло Тень. Она питается

этим дисбалансом. Стабилизировать его… значит лишить ее источника пищи. Возможно, даже ослабить.

– Ослабить? – голос Крага прозвучал глухо. – Ценой одной из наших жизней?

– Не жизни, – поправил Рунар, и в его глазах отразилась бездна. – Человек, вошедший в нишу, не умрет. Он… перестанет быть человеком. Он станет слугой. Вечным смотрителем этого места. Ирина медленно покачала головой, ее взгляд был прикован к пустой нише у основания Сердца.

– Нет, – прошептала она. – Это не решение. Это… еще одно поражение. Мы просто сменим одну тюрьму на другую. Одну форму рабства на другую. Но даже протестуя, она понимала – Рунар прав. Это был механизм. Древний и безжалостный. Как рычаг. Чтобы что-то поднять, нужно надавить. Чтобы что-то спасти – нужно что-то отдать. Навсегда. Именно в этот момент Александр почувствовал, как Ключ на его груди… затих. Не просто перестал жечь или вибрировать. Он стал холодным и инертным, как обычный булыжник. И в этой внезапной тишине внутри него самого пришло странное, ужасающее спокойствие. Он смотрел на пульсирующее Сердце и видел не чудовище, а больной, измученный орган. И он понимал его боль. Потому что сам был таким же – сосудистой системой, через которую перекачивалась чужая агония. Он был «координатором». Его миссия была вести их. К

чему? К победе? Нет. К этому выбору. Он сделал шаг вперед. Все взгляды устремились на него.

– Я… – его голос сорвался. Он сглотнул и начал снова, глядя не на них, а на нишу. – У меня нет крепости, которую нужно защищать. Нет народа, который ждет моего возвращения. – Это была горькая правда. Он был никем. Человеком без прошлого и, как ему казалось, без будущего. – У меня есть только это. – Он коснулся холодного осколка Ключа. – И долг. Я привел вас сюда.

– Нет, – резко сказала Ирина. – Мы не примем эту жертву.

– Это не жертва, – тихо ответил Александр. – Это… логическое завершение. Ключ привел меня сюда не для того, чтобы я что-то нашел. А для того, чтобы я что-то оставил. Он посмотрел на их лица – на уставшую мудрость Рунара, на яростную преданность Ирины, на суровую честь Крага. Они были нужны миру. У них были причины сражаться дальше. А у него была только пустота, которую он нес в себе. И он мог заполнить ее этим. Стать не никем, а Стражем. Частью чего-то большего. Пусть и ценой вечного одиночества.

– Я сделаю это, – сказал он, и в его голосе не было героизма. Лишь усталая, безграничная решимость. – Не как герой. Как… решение. Как самый простой выход из тупика. Он сделал еще один шаг к пульсирующему Сердцу, к той самой нише, что ждала своего добровольного узника. И в этот

момент крепость, почувствовав его решение, содрогнулась. Свет силовых линий вспыхнул ярче, и низкий гул превратился в торжественный, похоронный гимн, звучащий в самой их крови. Церемония уже начиналась. Слова Александра повисли в воздухе не как клятва, а как приговор, вынесенный самому себе. И крепость услышала их. Торжественный гимн, звучавший в их костях, стал громче, а пульсация «Сердца» – ровнее, словно голодный зверь, учуявший долгожданную пищу.

– Это безумие, – прошептала Ирина, но в ее голосе не было сил для протеста. Был лишь леденящий душу ужас от осознания, что он прав. Это *был* самый простой выход. Самый логичный. И оттого самый чудовищный. Рунар смотрел на Александра не как на героя, а как на пациента, добровольно ложащегося на алтарь хирурга, не обещающего исцеления, лишь вегетативное существование.

– Ты понимаешь, что это значит? – его голос был сухим и безжизненным. – Ты не просто останешься здесь. Ты станешь частью системы. Ты будешь чувствовать каждый сбой, каждую попытку Тени проникнуть сюда. Это будет вечная боль. Вечная борьба. Без надежды на победу, лишь на… поддержание статус-кво.

– Я уже часть системы, – тихо ответил Александр, все так же глядя на нишу. – С того момента, как надел это. – Он коснулся Ключа. – Я уже чувствую вашу боль. Чужие

страхи. Еще немного… и я перестану отличать их от своих. Может, так даже лучше. Здесь будет только одна боль. Одна цель. Это было не самопожертвование. Это была капитуляция. Признание того, что его человечность – та хрупкая вещь, что делала его Александром, – уже разъедаема изнутри. Он просто выбирал ту форму не-существования, которая имела хоть какой-то смысл. Краг молчал. Его оркская натура, видевшая честь в славной смерти на поле боя, не могла примириться с этой участью. Смерть была концом. Это же… это было бессмертием в аду. Он смотрел на Александра, и впервые за долгое время в его взгляде не было ни ярости, ни подозрения. Было нечто вроде ужасающего уважения к тому, кто решился на то, на что он, Краг, никогда бы не отважился. Александр сделал последний шаг. Он стоял на краю ниши. Из «Сердца» к нему потянулись тонкие, светящиеся щупальца энергии, похожие на нервные окончания. Они коснулись его кожи, и он вздрогнул. Это не было больно. Это было похоже на… подключение. Его сознание на мгновение расширилось до невыносимых пределов. Он увидел – нет, *почувствовал* – всю крепость, каждый ее камень, каждую ловушку. Он ощутил дрожащие силовые линии мира, как натянутые струны, и темное, липкое пятно Тени, пытающееся их порвать. Это было одновременно и ужасно, и прекрасно. Он терял себя, но становился частью чего-то грандиозного. Он обернулся, чтобы посмотреть на них в последний раз. Его глаза были полны не слез, а странного, пустого спокойствия.

– Найдите другой способ, – сказал он. Его голос уже звучал иначе – эхом, идущим не только из его гортани, но и из камня вокруг. – Используйте время, которое я вам куплю. Он отступил назад, в нишу. Свет поглотил его. Не ослепительная вспышка, а мягкое, неумолимое свечение, которое обволокло его фигуру, впитывая ее, как воду впитывает губка. Они видели, как его силуэт растворяется, сливается с пульсирующей материей «Сердца». Через мгновение ниша перестала быть пустой. В ней стояла фигура из чистого света, угадывались лишь контуры человека. «Сердце» крепости вздохнуло с глубоким, удовлетворенным гулом. Темные всполохи внутри него утихли, его пульсация стала ровной и мощной. Баланс был восстановлен. В воздухе повисла тишина. Тишина не просто отсутствия звука, а отсутствия *него*. Александра больше не было. Был Страж. Они получили свой «ключ». Они стабилизировали узел. Они выиграли время. И проиграли человека. Тишина после поглощения Александра длилась ровно столько, сколько требовалось «Сердцу» для завершения процесса. Ровный, мощный гул заполнил зал, и свет силовых линий стал стабильным, почти умиротворенным. Крепость насытилась. Кошмар был временно отложен. И в этой новой, купленной ценой одной души тишине, взорвалась Ирина.

– Нет! – ее крик был сдавленным, хриплым, полным такой naked агонии, что даже Краг отшатнулся. Она сделала шаг к

нише, где секунду назад стоял Александр, но теперь там была лишь статуя из света. – Это неправильно! Мы не для этого шли! Мы не можем просто… принять это! Ее голос сорвался. Она смотрела на них, и в ее глазах, лишенных возможности чувствовать прикосновения, горел огонь абсолютного, непримиримого отрицания. Она была солдатом. Она видела смерть. Но это было нечто иное. Это было хуже.

– А что ты предлагаешь? – раздался спокойный, циничный голос. Это говорил Бордуг. Его механический глаз щелкнул, изучая стабилизировавшееся «Сердце» с видом инженера, оценивающего эффективность ремонта. – Рыдать и биться головой о камень? Он сделал выбор. Твердый выбор. Мы получили то, за чем пришли – стабильность узла. Теперь у нас есть время. Ресурс. Это не поражение. Это тактическая победа.

– Победа? – Ирина задохнулась от ярости. – Ты называешь это победой? Мы скормили его этому… этому *месту*! Он был одним из нас!

– Он был носителем Ключа! – парировал Бордуг, его голос зазвучал жестче. – И Ключ привел его к его предназначению. Мы все платим цену. Я отдал обоняние. Ты – осязание. Он отдал больше. Таков был договор!

– Это не договор, это проклятие! – выкрикнула она. Краг молча слушал этот спор, его массивные руки сжимались и разжимались. Его оркская натура бунтовала против такого конца. Смерть в бою – да. Но эта… эта вечная служба. Это

было чуждо и отвратительно.

– Гном прав, – прохрипел он наконец, заставляя Ирину замолчать от шока. – Это была цена. Тяжелая. Но он заплатил ее добровольно. Оспаривать его выбор – значит плевать на его память.

– Какая память?! – голос Ирины снова взлетел до визга. – Его больше нет! Он не умер, он… он стал этим! – она отчаянно ткнула пальцем в светящуюся фигуру. – И вы хотите просто развернуться и уйти? Как будто так и надо? Рунар стоял в стороне, его лицо было маской. Он смотрел на «Сердце», и в его глазах читалась не просто печаль, а тяжелая, гнетущая вина.

– Он был прав, – тихо сказал маг, и его слова перерезали спор. – У него не было ничего, что держало бы его во внешнем мире. Только долг. И он его исполнил. До конца. – Он посмотрел на Ирину, и в его взгляде была усталая мудрость. – Наша задача теперь… оправдать его жертву. Не обесценивать ее рыданиями. Ирина отшатнулась, словно ее ударили. Она смотрела на них – на прагматичного гнома, на орка, принявшего жестокую логику войны, на мага, видевшего во всем высший смысл. Они образовывали стену. Стену холодного, безжалостного принятия. И она осталась за этой стеной одна. Со своим горем, своим ужасом и своим отказом принять эту «необходимую цену». Впервые с момен-

та заключения хрупкого союза между ними пролегла настоящая, не залеченная трещина. Не из-за расовых обид или старых обид. А из-за фундаментального расхождения в том, что они считали приемлемым. Одни видели в жертве Александра инструмент для победы. Другая – величайшую потерю, которая эту победу обесценивала. Они выиграли битву за крепость. Но в этой тишине, под ровный гул насытившегося «Сердца», их союз дал первую, громкую трещину. Тишина после оглашения цены была густой и тягучей, как кровь. Пустота ниши у основания «Сердца» зияла не просто отверстием в камне, а провалом в вечность, и каждый чувствовал ее леденящее дыхание на своей душе. Ирина сжала кулаки, ее пальцы, не чувствующие ничего, бешено дрожали.

– Нет, – выдохнула она, но это был уже не крик, а хриплый, беспомощный протест против неумолимой механики мироздания. – Не может быть, чтобы это был единственный путь. Краг стоял, как каменный идол. Его черные глаза были прикованы к пульсирующему «Сердцу». Он думал о своей чести. Об акте высшей жертвы, который навеки вписал бы его имя – нет, имя его клана! – в легенды. Но мысль о вечности, проведенной в неподвижности, в служении, а не в битве, была для орка хуже самой ужасной смерти. Это была не честь. Это было пленение души. И тогда вперед шагнул Рунар. Он не выглядел героем. Он выглядел… сломленным. Его плечи, обычно прямые, несмотря на возраст, сгорбились

под тяжестью невыносимой правды.

– Я, – произнес он, и его голос был тихим, но он прозвучал громче любого крика. Все взгляды устремились на него.

– Рунар, нет… – начала Ирина, но он поднял руку, останавливая ее.

– Моя ошибка, – сказал он, глядя на «Сердце» с горькой, почти нежной улыбкой, – положила начало этому кошмару. Моя гордыня разбудила то, что лучше было оставить спать. – Он повернулся к ним, и в его глазах горел странный, почти безумный огонь искупления. – Это не жертва. Это… долг. Шанс заплатить по счету. Не смертью – смерть была бы слишком легкой. А служением. Вечным заточением, чтобы искупить свое кратковременное высокомерие. Это было так логично. Так чудовищно логично. Он, архитектор катастрофы, становился ее вечным смотрителем. В этом был свой ужасный, извращенный смысл. И в этот момент, когда решение, казалось, было принято, свой голос подал Краг.

– Стой, маг, – прорычал он. – Твоя ошибка – ошибка разума. Ее нельзя искупить еще большим разумом, даже заточенным в камне. – Орк сделал шаг вперед, его массивная грудь вздымалась. – Это… дело воина. Не для искупления. Для долга. Он, – Краг кивнул в сторону застывшей в свете фигуры Александра, – вел нас. Он был вожаком. И если вожак пал… честь воина – занять его место. Чтобы его жертва не

была напрасной. Это была не жалость. Не дружба. Суровая, оркская логика чести и стаи. Вождь пал – следующий по рангу занимает его пост. Даже если этот пост – вечное проклятие. Напряжение достигло пика. Два добровольца. Две разные правды. Ирина смотрела на них, разрываясь между ужасом и лучом безумной надежды – может, они передумают, может, найдется другой путь… И тогда вперед вышел Скриг. Все замерли. Маленький гоблин, до этого бывший лишь тенью, проскользнул между орком и магом и остановился перед нишей. Он смотрел на нее не с ужасом и не с решимостью, а с тем же практичным любопытством, с каким изучал все в этой крепости.

– Вы все неправы, – просипел он. – Вы думаете о чести. Об искуплении. О долге. – Он покачал головой. – Это не то. Он обернулся к ним, и в его больших глазах не было ничего, кроме пугающей, отрешенной ясности.

– Он, – Скриг кивнул на Александра, – был якорем. Он держал ваши страхи. Без него… вы разорвете друг друга. Орк будет рваться к власти. Маг – к знанию. Человек-воин… она уже на грани. – Он посмотрел на Ирину. – Вы сломаетесь. И его жертва будет напрасна. Он повернулся к нише.

– А я… я уже ничто. Грань между сном и явью стерта. Для меня нет разницы между этим залом и улицей моего города. Одиночество? Я всегда был один. – Он пожал плечами. –

Так что это не жертва. Это… логичный вывод. Самый практичный. Я ничего не теряю. А вы… вы сохраняете шанс. И прежде чем кто-либо успел что-то сказать, прежде чем Рунар или Краг успели его оттащить, Скриг шагнул в нишу. Свет поглотил его так же быстро и беззвучно, как и Александра. Две светящиеся фигуры теперь стояли рядом, безликие и вечные. Зал содрогнулся, и на этот раз в его гуле послышалась не удовлетворенность, а… странное, леденящее равновесие. Жертва была принесена. Но цена оказалась не в величии подвига, а в тихом, практичном отчаянии того, кому уже нечего было терять. И от этого было еще страшнее. Решение Скрига повисло в воздухе – не героическим актом, а леденящей душу арифметикой, от которой у Ирины свело желудок. Но крепость уже не интересовали их моральные терзания. Ровный гул «Сердца» сменился пронзительным, нарастающим визгом. Свет силовых линий заморгал, как испорченная неоновая вывеска, заливая зал судорожными вспышками. Каменный пол под их ногами затрясся, но это была не вибрация – это было похоже на конвульсии гигантского тела.

– Она не насытилась! – закричал Рунар, едва удерживая равновесие. – Двух стражей недостаточно! Узел слишком поврежден, или… или она хочет больше! Она хочет всех! Из стен зала, из самых теней, куда не достигал свет «Сердца», поползла та самая черная, маслянистая слизь, что пожирала память. Но теперь она не капала – она *хлестала* ручьями, как

черная кровь из вскрытых артерий. Пол в дальнем конце зала уже превратился в зыбучее болото, медленно, но неумолимо расползаясь в их сторону. Краг отступил, впервые за долгое время на его лице появился не гнев, а животный страх перед тем, что нельзя разбить топором.

– Слизь! Держись подальше! Одновременно с этим потолок начал «плакать» уже не отдельными каплями, а целыми струями прозрачной жидкости. Одна из них хлестнула по руке гнома-инженера. Он не вскрикнул от боли. Он замер с широко раскрытыми глазами.

– Я… я кто? – прошептал он, глядя на свои руки. – Где я? Что это за место? Он забыл всё. Свое имя, свою миссию, своих товарищей. Он стоял, беспомощный и потерянный, пока черная слизь подбиралась к его сапогам. Ирина рванулась к нему, но Рунар грубо оттащил ее назад.

– Бесполезно! Он уже не с нами! Хаос нарастал. Казалось, сама реальность в зале начала расслаиваться. Осколки прошлого, которые они видели на подступах, теперь материализовались – призрачные фигуры сражающихся воинов, плачущих эльфов, бегущих в панике людей – все они метались по залу, проходя сквозь живых, смешиваясь с ними, создавая невыносимую какофонию из прошлого и настоящего. Воздух гудел от воплей, которых не существовало, и звенел от

ударов мечей, которые никого не касались. Они оказались в самом сердце бури. Крепость, не получив добровольной жертвы всех, решила взять их силой, растворить их личности в своем ненасытном голоде, сделать их всех частью своего безумного механизма. – Мы не выберемся! – крикнул кто-то, и в его голосе слышалась полная капитуляция. Именно в этот момент, глядя на приближающуюся стену забвения и безумия, видя, как рушится всё, Ирина поняла. Они не умрут. Они исчезнут. Станут пустыми оболочками, как Борн, или навсегда застрянут в петле чужих воспоминаний. И это осознание было страшнее смерти. Взгляд ее упал на две светящиеся фигуры в нише – Александра и Скрига. Они были спокойны. Они были в безопасности от этого хаоса. Они заплатили ужасную цену, но купили себе… что? Вечность служения. Но также и вечную стабильность. И тогда до нее дошла вся чудовищная ирония их положения. Чтобы выжить, им нужно было бежать. Но чтобы спасти хоть что-то, им, возможно, нужно было последовать их примеру. Цена была неприемлема. Но альтернатива была полным уничтожением.

– Двери! – внезапно рявкнул Краг, указывая своим огромным топором на противоположный конец зала. – Появились двери! И правда, в стене, где секунду назад была лишь грубая порода, теперь зияли три арочных прохода. Но это не было спасением. Это была насмешка. Три пути, уводящие в разные стороны в бесконечном лабиринте. Новые ловушки. Новые испытания. Крепость предлагала им выбор: при-

нести себя в жертву или бежать, обреченные на гибель в ее бесконечных чревах. И времени на раздумья не оставалось. Черная слизь была уже в нескольких шагах, а призраки прошлого хватали их за одежду ледяными пальцами. Хаос достиг апогея. Черная слизь была уже в паре шагов, ее сладковато-гнилостный запах заполнял легкие. Призрачные фигуры проходили сквозь них, оставляя за собой ледяную тоску и обрывки чужих предсмертных криков. Три арки в стене манили в неизвестность, обещая лишь продолжение кошмара. И в этот момент абсолютной безысходности, когда воля уже была на грани слома, Рунар не закричал и не бросился к выходу. Он закрыл глаза. Он отбросил страх. Отбросил ярость. Отбросил саму мысль о выживании. Он думал только об одном – о стабильности. О тишине. О том ровном, мощном гуле, что исходил от «Сердца» всего несколько минут назад. Он представлял себе не победу, а лишь… прекращение этого ада. И «Сердце» услышало его. Не его слова, а его отчаянную, молчаливую капитуляцию перед необходимостью. Гулкий, беззвучный удар прокатился по залу. Свет силовых линий, бывший секунду назад хаотичным, вдруг погас, а затем вспыхнул снова – ровным, чистым, почти белым светом. И все остановилось. Черная слизь замерла в сантиметре от сапога Ирины, превратившись в безжизненную, матовую корку. Призраки растаяли, как дым. Содрогания пола прекратились. В воздухе повисла оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая лишь ровным, как биение здорового сердца,

гулом «Сердца». Это была не победа. Это была передышка, купленная ценой двух душ. И тогда знание пришло к ним. Не как голос или видение. Как внезапная, абсолютная уверенность, вбитая в самое их естество, как гвоздь. Они узнали, где находится Последний Узел. Это не было точкой на карте. Это было… чувством. Внутренним компасом, стрелка которого безошибочно указывала направление. Где-то далеко, за пределами этого безумия, лежало место, где сходились все нити. Место принятия окончательного решения. И они узнали кое-что еще. Способ его активации. Или, вернее, его призыва. Для этого не требовался ритуал или жертва. Требовалось собрать там все Осколки Ключа. Не для того, чтобы сложить их воедино, а чтобы использовать как проводники, как антенны, чтобы «позвонить» в дверь мироздания и потребовать внимания тех, кто его охраняет. Или тех, кто его создал. «Сердце» крепости, стабилизированное двумя Стражами, выполнило свою часть работы. Оно указало путь и дало инструмент. Оно больше не было врагом. Оно стало… ориентиром. Могильным камнем, под которым были похоронены их товарищи, и путеводной звездой, ведущей к финальной битве. Свет в нише, где стояли Александр и Скриг, мягко погас. Теперь там были две застывшие каменные фигуры, почти слившиеся со «Сердцем». Их лица были спокойны и пусты. Они не смотрели на уходящих. Они смотрели в вечность. Ирина медленно опустилась на колени. Она не плакала. Слез не было. Была лишь огромная, давящая

пустота там, где всего час назад была ярость и решимость. Краг тяжело дышал, его кулаки были сжаты. Он смотрел на каменные изваяния, и в его взгляде бушевала война между облегчением и стыдом. Рунар стоял, опустив голову. Он получил знание, за которым гнался всю жизнь. И теперь это знание жгло его изнутри, как раскаленный уголь. Они сделали это. Они прошли крепость. Они получили то, за чем пришли. И проиграли так много, что эта победа отдавалась в душе горьким пеплом. Они повернулись и молча пошли к одной из арок, даже не глядя, какая именно. Это уже не имело значения. Путь был один. Их утраты молча шли за ними, незримые, но ощутимые, как холодный ветер в спину. Три арки вели не в разные лабиринты, а к одной-единственной, низкой и сырой расщелине, за которой виднелся бледный свет раннего утра – или вечера? Они уже потеряли счет времени. Они шли, не оглядываясь, плечом к плечу, но разделенные пропастью молчания. Спины у них были напряжены, будто они ждали удара сзади. И когда последний из них, Краг, переступил порог расщелины, это случилось. Это было не яркое возрождение, а тихий, почти постыдный щелчок в сознании. Как будто с глаз сняли толстые, мутные линзы, а с ушей – ватные тампоны. Рунар вздрогнул и закашлялся, зажимая нос. В его легкие ворвался шквал запахов, от которых он отвык за казавшиеся вечности часы в крепости. Запах влажной хвои, грибов и гниющих листьев. И под ним – едкий, невыносимый смрад его собственного немыто-

го тела, пота и страха. Он почувствовал это с такой силой, что у него закружилась голова. Знание, добытое ценой потери обоняния, теперь пахло гнилью и потом. Ирина ахнула, когда ее тело снова ожило. Она почувствовала грубую ткань своей одежды, впившуюся в кожу, холодную рукоять меча в ладони, каждый камушек под тонкой подошвой сапога. Но самое главное – она почувствовала тяжесть. Не физическую. Давящую тяжесть потери, которая легла на ее плечи настоящим, физическим грузом. И боль. Не раны, а та самая, душевная, что теперь обрела плоть и гнелась в висках тупой, ноющей болью. Возвращение осязания вернуло ей и всю гамму физических страданий, что до этого были лишь картинкой. Краг сглотнул, и его лицо исказила гримаса. Его язык, бывший до этого куском старого мяса, вдруг ожил и передал в мозг всю палитру вкусов – горькую слюну, привкус крови от прикушенной в ярости щеки, и главное – вкус пыли и поражения, въевшийся в зубы. Еда снова обрела вкус, но аппетита не было. Была лишь тошнота. Даже те, кто отдал что-то менее очевидное, почувствовали возвращение дара как проклятие. Гном, вернувший себе чувство равновесия, теперь ощущал, как мир неустойчив и шаток. Эльфийский лучник, снова видящий цвета, смотрел на лес и видел не жизнь, а увядание – каждый бурый и желтый лист был напоминанием о тлении и смерти. Они стояли, молча, вдыхая воздух свободы, который обжигал им легкие, как яд. Они были целы. Почти целы. Они вернули себе чувства. Но с ними вернулась и

полная, нефильтрованная мера того, что они только что пережили. И того, что оставили behind. Ирина посмотрела на вход в расщелину. Он был просто дырой в скале. Никакой пульсации, никакого шепота. Просто камень. Александр и Скриг остались там, по ту сторону этого камня. Не как павшие герои, а как детали механизма. Навсегда. Она обернулась, чтобы посмотреть на других. И увидела то же самое в их глазах. Не радость спасения. Не торжество. Пустоту, заполненную новыми, куда более страшными чувствами – виной, стыдом и леденящим душу вопросом: «А был ли иной путь?» Они выиграли. Они выжили. Они получили знание. И теперь им предстояло нести этот груз по лесам и горам, к Последнему Узлу. И самый страшный кошмар заключался в том, что, возможно, следующий шаг потребует от них жертвы, по сравнению с которой заточение в камне покажется милостью.

Они не говорили ни слова, пока не выбрались из зловещего ореола крепости, пока под ногами не зашуршала хвоя, а не камень, искажающий реальность. Лес вокруг был обычным – шум ветра, щебет птиц, запах сырой земли. Но эта обыденность казалась им теперь чужой и обманчивой, как декорация, наброшенная на бездну. Ирина остановилась, прислонившись лбом к шершавой коре старой сосны. Она чувствовала ее текстуру – каждую трещинку, каждую чешуйку. Возвращенное осязание было не благословением, а жестоким напоминанием. Оно говорило: «Ты жива. А они – нет». Она

сжала ладонь в кулак, и боль от впивающихся ногтей была странно приятна. Это была единственная боль, которая принадлежала только ей. Краг стоял поодаль, его могучая спина была напряжена. Он смотрел в чащу, но видел не деревья, а каменную нишу и две застывшие фигуры. Он отдал вкус и получил его обратно, но теперь его рот навсегда запомнил привкус их жертвы – пепельный и металлический, как кровь на языке. Его честь, которую он считал несокрушимой, дала трещину, и в эту трещину затекал холодный ветер стыда. Рунар, уставший до глубины души, механически развернул кожаную карту. Его палец, дрогнув, ткнул в точку, которая теперь горела в его сознании ярче любого маяка. Последний Узел. Место, где все должно было решиться. Но взгляд его был пуст. Он нашел знание, но потерял нечто большее – веру в то, что какая-либо цена может быть оправдана. Он смотрел на карту и видел не путь к спасению, а маршрут к новому алтарю. Александр… Александр стоял в стороне от всех. Он не смотрел на карту. Он смотрел на осколок Ключа, лежавший на его ладони. Камень был холодным и безжизненным. Он не жал, не пел, не показывал видений. Он просто был. Молчаливый свидетель. Соучастник. Он сжал его в кулаке, и костяшки побелели. Камень не стал тяжелее физически. Но его метафизический вес, вес памяти, ответственности и отнятых жизней, давил на руку, словно гиря. Этот осколок был не ключом к победе. Он был счетчиком, безжалостно отсчитывающим цену, которую они платили за каждый шаг

вперед. Цену, которая уже казалась неподъемной. Он поднял голову и посмотрел на своих спутников – на сломленную решимость Ирины, на помутненную честь Крага, на выжженную мудрость Рунара. Они выиграли битву. Они получили знание. И от этого знания в груди у него застыл комок льда. Потому что он понимал – самое страшное ждало их впереди. И следующий шаг, тот, что вел к Последнему Узлу, потребует от них не жертвы чувств или даже свободы. Он потребует жертвы души. И тихий, беззвучный шепот в глубине его сознания, тот, что остался от крепости, подсказывал, что они уже к этому готовы.

1

Сцена 1: Тень крепости

Лес был тихим. Слишком тихим. Казалось, сама природа затаила дыхание, почуяв, что прошлое через них несет нечто тяжелое и неестественное. Они нашли поляну – случайный разрыв в сплошной стене стволов, залитый бледным, безразличным светом луны. Никто не предложил остановиться. Они просто рухнули там, где стояли, как марионетки с перерезанными нитками. Костер развели молча. Краг сломал сухие ветки оглушительным хрустом, который заставил всех вздрогнуть. Пламя занялось жадными, пляшущими языками, но тепло от него не шло. Вернее, шло, но не могло пробиться сквозь ледяную скорлупу, в которую каждый был закован. Ирина сидела, обхватив колени, и смотрела в огонь. Но видела она не его. Она видела холодное, пульсирующее

свечение «Сердца» и две силуэта, растворяющиеся в нем. Ее пальцы, которые снова чувствовали текстуру кожи и шершавость ткани, теперь ощущали и призрачное касание каменной пыли, оседающей на пустых глазницах Стражей. Она машинально потерла запястье – то самое, на которое упала капля, стиравшая память. Теперь оно чувствовало все, но самая главная боль была не физической, а дырой в самой ее сути, которую не заполнить никакими ощущениями. Рунар сидел поодаль, его старческие руки лежали на коленях ладонями вверх, как будто в молитве или в ожидании кандалов. Он смотрел не на огонь, а в темноту между деревьями. Он вернул себе обоняние, и теперь воздух был переполнен информацией – запах хвои, влажной земли, дыма. Но сквозь все это он улавливал другой запах – сладковатый и гнилостный, призрачный шлейф черной слизи. Он знал, что его нет, что это галлюцинация травмированного разума. Но от этого не мог перестать его чувствовать. Знание о Последнем Узле лежало в его уме холодным, тяжелым слитком. Оно не горело откровением. Оно давило. Александр прислонился к дереву на краю поляны, в тени, будто стараясь стать невидимым. Осколок Ключа на его груди был мертвым и тяжелым, как надгробный камень. Он сжимал и разжимал ладонь, чувствуя, как мышцы obediently сокращаются и расслабляются. Но это были просто сигналы тела. Суть его, его «я», была там, в каменном зале, заперта в вечном молчании вместе с Скригом. Он был сбежавшим заключенным, который вынес тюрьму с

собой, в самой своей душе. Никто не говорил. Звуки леса – редкий шелест, уханье совы – пролетали над ними, не задевая. Они были как выброшенные на берег после кораблекрушения, их уши все еще оглушены ревом бури, которая уже отгремела, но не отпускала. Костер трещал, отбрасывая на их лица неспокойные тени. Они ели безвкусную похлебку, глотая ее комьями, не чувствуя голода. Они были живы. Они дышали. Они двигались дальше. Но в этой поляне, в этом молчании, витала тень крепости. И она была тяжелее, чем все их снаряжение, вместе взятое. Они оставили в каменных стенах не только двух товарищей. Они оставили там часть своей веры в то, что у жертвы может быть смысл. А то, что они вынесли наружу, – было грузом бессмысленности, который мог раздавить их вернее любой армии Тени.

Пламя костра было живым, оно плясало и извивалось, языки его лизали почерневшие поленья, вырываясь в ночь оранжевыми когтями. Но для Ирины в этом живом огне не было тепла. Было лишь напоминание. Всего несколько дней назад она смотрела на другое пламя. Оно пожирало бревенчатые стены ее форпоста, ворота, склады. Оно пожирало людей, с которыми она делила паек и тяготы службы. Оно трещало, и этот треск сливался с хрипами умирающих. И она ничего не могла поделать, кроме как стоять и смотреть, впитывая каждый оттенок этого ада – багровый, ядовито-желтый, ослепительно-белый в самом ядре жара. А потом, в крепости, она увидела иной огонь. Холодный. Безжиз-

ненный. Пульсирующий свет «Сердца», что выжег изнутри Александра и Скрига, не оставив и пепла. Он не горел – он *существовал*, с безразличной, механической регулярностью, как бьющееся сердце спящего великана. И этот холодный свет был страшнее любого костра. Потому что от обычного огня можно убежать. От того, что выжигает тебя изнутри, стирая память и волю, спасения нет. И вот теперь, сидя у костра, она пыталась заставить себя смотреть в пламя. Солдатский инстинкт требовал оценить угли, убедиться, что они не выдадут их. Но её взгляд соскальзывал. Он цеплялся за край горящего полена, и ей чудилось, что она видит не дерево, а обугленную балку казармы. Она слышала не тихий шелест ночного леса, а далекий, приглушенный вопль. Она зажмурилась, но образы не уходили. Они жгли её изнутри, тем самым холодным огнём крепости. Она чувствовала, как по её спине, под грубой тканью плаща, бегут мурашки – не от холода, а от ужаса. Её пальцы, снова обретшие осязание, непроизвольно сжались, и она почувствовала под ногтями не воображаемый пепел, а самое настоящее, липкое ощущение сажи и гари, будто она только что отползла от горящих развалин. Она резко встала, отряхивая руки, хотя на них ничего не было. Её движение было настолько порывистым, что Краг поднял на неё взгляд из-под своих насупленных бровей. В его глазах она прочла не вопрос, а то же самое, знакомое напряжение. Он понимал. Не конкретно её боль, а сам её вид – вид человека, который пытается стряхнуть с себя невиди-

мую паутину кошмара. Ирина отошла от костра вглубь поляны, в прохладную тень. Но и здесь её преследовало зарево. Оно отражалось в луже, в широко раскрытых глазах ночной птицы, в блеске глядящего на неё металла пряжки на её же ремне. Она поняла, что от этого огня не убежать. Он горел теперь внутри неё. И вопрос был не в том, как его потушить. А в том, сколько ещё времени пройдёт, прежде чем этот внутренний пожар поглотит всё, что от неё осталось, и она сама станет таким же холодным, пульсирующим светильником, отмечающим чью-то очередную утрату.

Пока Ирина боролась с призраками огня, Краг устроил свою собственную войну. Он сидел на обомшелом валуне в отдалении, положив свой боевой топор на колени. Но это не был ритуал ухода за оружием. Это была казнь.

Ш-ш-шип… ш-ш-шип… ш-ш-ШИП!

Звук точильного камня, скользящего по стали, был резким, настойчивым, почти яростным. Он резал тишину, как нож сало. Каждый взмах его мощной руки был отточенным, перегруженным неистовой энергией. Он точил топор не для того, чтобы его заострить. Он точил его, чтобы содрать с лезвия невидимую пленку – пленку стыда.

Внутри него бушевал конфликт, чужой и отвратительный для орка. С одной стороны – честь. Железный закон предков: сильный выживает, слабый умирает. Он был сильным. Он выжил. Логично. Но с другой стороны – образ. Образ Борна, его сородича, чью душу выскоблили дочиста, пока он, Краг,

стоял и смотрел. И еще один образ – двух светящихся фигур в нише. Они не были слабыми. Они выбрали свой путь. А он… он выбрал бегство.

Ш-Ш-ШИП! Камень впивался в сталь с таким свирепым давлением, что мог бы сточить лезвие до основания.

Честь воина диктовала: пал вожак – займи его место. Он должен был остаться. Он должен был стать Стражем. Это был бы акт высшей доблести, песнь, которую пели бы у костров его клана веками. Но инстинкт выживания, древний и безжалостный, оказался сильнее. Он сбежал. Как трус? Нет. Но и не как герой.

Он чувствовал себя не живым воином, а пустой оболочкой, в которую заложили чужой, постыдный груз. И этот груз нужно было выжечь. Выточить. Высечь искрами из стали.

Его мускулы вздувались от напряжения, челюсть была сжата так, что, казалось, треснут зубы. Он представлял себе, как с каждым движением камня он стачивает не сталь, а свою собственную память. Стирает пустые глаза Борна. Стирает холодный свет «Сердца». Стирает собственное малодушие.

Но память не была сталью. Она была живой, кровавой тканью. И чем яростнее он точил, тем ярче вспыхивали эти образы. Ему начинало казаться, что он точит не топор, а собственные кости, и скрежет слышится не снаружи, а изнутри его черепа.

Он издал низкий, гортанный рык, короткий и полный такого бессилия, что сам испугался. Его рука на мгновение за-

мерла. Он посмотрел на лезвие. При тусклом свете луны и далекого костра оно блестело идеально, смертельно остро. Оно было готово рубить, крушить, убивать.

Но оно было бесполезно против врага, который был уже внутри. Против тихой, разъедающей гнили вины выжившего. Краг понял, что он может наточить этот топор до бритвенной остроты, но он никогда не сможет им разрубить те невидимые цепи, что сковали его душу в каменных стенах проклятой крепости.

Пока Краг вел свою войну со сталью, а Ирина – с огнем, Рунар сидел в неподвижной позе, уставившись в потрескавшуюся корку земли у своих ног. Его пальцы, казалось, пытались вычертить на ней руны, но замирали в воздухе, бессильно опускаясь.

Внутри него бушевала тихая, безмолвная буря. Знание о Последнем Узле было там – холодное, четкое, неоспоримое, как математическая формула. Он мог ощутить его местоположение, как собственную конечность. Он понимал его природу – не артефакт, не существо, а *точка сингулярности*, место, где сходятся все причинно-следственные связи, все линии судьбы и магии. Кран, который можно повернуть, чтобы остановить потоп Тени.

Но между ним и этим знанием стояла стена. Не из страха или сомнений. Из камня.

Каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на тончайших энергетических паттернах Узла, его внутренний взор за-

тягивало мраком каменного зала. Он снова видел ту самую нишу у основания «Сердца». Он чувствовал не холод камня, а нечто худшее – *искушение*. Тихий, беззвучный зов вечности.

Его старый, уставший разум, измученный виной за разбуженную Тень, видел в этой ниши не тюрьму, а… решение. Избавление. Вечный покой, в котором не будет ни ошибок, ни ответственности, ни этой давящей тяжести знаний, что не приносят утешения. Он мог бы стать Стражем. Неподвижным, вечным, свободным от боли выбора.

И это искушение было таким же реальным, как и знание об Узле. Они сплетались в его сознании, как две ядовитые змеи. Чтобы добраться до инструмента спасения, ему приходилось пробиваться сквозь сладкий, усыпляющий яд собственного отчаяния.

Он попытался проанализировать Узел с точки зрения магической теории. Каков принцип его работы? Какие силы… И снова – образ. Руки, сложенные на груди, как у покойника. Вечная тьма за закрытыми веками. Тишина.

Рунар вздрогнул, ощутив на своей коже призрачное прикосновение того самого холодного света, что выжег Александра. Ему показалось, что его пальцы начинают неметь, превращаясь в камень. Это была галлюцинация, конечно. Просто память тела, травма. Но она ощущалась настолько ярко, что он с трудом удержался от того, чтобы не потереть руки.

Он смотрел в ночь, но вместо звезд видел мерцающие силовые линии «Сердца». Вместо шелеста листьев слышал его ровный, безжалостный гул. Крепость не отпускала. Она оставила в нем свою занозу – не боль или страх, а тлетворное семя соблазна. Соблазна сдаться.

Он был хранителем знаний. А что может быть проще, чем хранить вечность в каменной тишине, не делая больше никаких выборов?

Рунар закрыл глаза, пытаясь отгородиться от этого кошмара. Но он понял главное: чтобы вести их дальше, к Последнему Узлу, ему сначала предстояло выиграть битву в самом себе. Битву между долгом мага и усталостью старого человека, который уже отдал миру слишком много и теперь с тоской смотрел в бездну вечного покоя, зная, что она готова его принять.

Пока другие были скованы своими кошмарами, Александр был заключен в тюрьму собственного молчания. Он стоял в тени, на самом краю поляны, где свет костра угасал, превращаясь в багровый отсвет на стволах деревьев. Он не чувствовал ни усталости, ни голода. Только тяжесть.

Осколок Ключа на его груди был холодным и немым. Он не жужжал, не излучал тепла, не показывал видений. Он был просто куском камня. Но его вес… его вес был невыносим. Это была не физическая тяжесть, а моральная. Гиря, прикованная к самой его душе. Каждый раз, когда он делал вдох, ему казалось, что он приподнимает эту гирю, и она с глухим

стуком обрушивается обратно, отзываясь тупой болью в грудине.

Он смотрел на своих спутников, но видел не их, а их призраков – тех, кого они оставили в каменных стенах. Он видел, как Ирина отводит взгляд от огня, и знал – она видит не пламя, а холодное свечение «Сердца», поглотившее его и Скрига. Он слышал яростный скрежет точильного камня Крага и понимал – орк пытается заточить свою вину, стереть память о том, что он выжил, в то время как другие принесли себя в жертву.

Он был живым напоминанием об их общей потере. Его существование здесь, на этой поляне, было оскорблением памяти тех, кто остался там. Он был дезертиром с поля самой странной битвы, где победителем становился тот, кто соглашался на вечное заточение.

Его пальцы сжались в кулаки. Он хотел закричать. Сказать им, что он не хотел этого. Что это Ключ повел его, как марионетку. Что в тот последний миг, когда свет поглощал его, он чувствовал не решимость, а животный, всепоглощающий ужас. И что единственной мыслью было: «Я НЕ ХОЧУ!»

Но он не произнес ни звука. Потому что крик означал бы, что их жертва была напрасна. Что Скриг, этот странный, практичный гоблин, ошибся, видя в нем «якорь». Что он, Александр, был просто испуганным мальчишкой, который по воле случая нашел опасную игрушку.

Он прикоснулся к осколку. Холодный камень обжигал его

кожу ледяным ожогом вины. Он был не ключом. Он был надгробием. На нем не было имен, но он чувствовал их – Александр, тот, кем он был когда-то. И Скриг. И все те, чьи жизни были положены на алтарь этого безумного путешествия.

Тяжесть на его груди сжималась, становясь почти физической. Ему казалось, что вот-вот, и он рухнет на колени, раздавленный этим невыносимым грузом. Он был свободен. Он мог дышать, мог идти. Но эта свобода была иллюзией. На самом деле он был прикован к каменному сердцу в горе цепями, которые никто, кроме него, не видел. И каждый шаг вперед, к Последнему Узлу, отзывался в нем глухим, больным эхом из той каменной глотки, что навсегда стала его второй могилой.

Покой поляны был внезапным и абсолютным. Даже треск костра и скрежет камня Крага смолкли, поглощенные натянутой, как струна, тишиной. Птицы не пели. Не шелестели листья. Воздух застыл, густой и тяжелый, словно его выкачали из легких утопленника.

Ирина первой вскочила на ноги, ее рука сама потянулась к мечу. Она ничего не видела, но спина ее помнила этот леденящий холод – тот самый, что предшествовал атаке в ее сгоревшем форпосте.

– Они здесь, – прошептала она, и ее голос прозвучал оглушительно громко в этой тишине.

Из теней между деревьями они выплыли. Не с рыком или воплем, а с тихим, маслянистым шорохом, словно по сухим

листьям ползли десятки мокрых тряпок. Это были не очертания, а скорее *отсутствия* их – клубящиеся сгустки тьмы, у которых были лишь когти и слишком много глаз, мерцающих тусклым, больным светом. Запах, знакомый им по крепости – озон и гнилые яйца – ударил в нос, заставив Рунара закашляться.

Бой начался без слов. Краг, с облегчением вернувшийся к знакомому языку насилия, обрушил на ближайшую тварь свой только что заточенный топор. Сталь вошла во тьму с глухим чавкающим звуком, и тварь не закричала, а издала нечто вроде влажного всхлипа. Но на месте раны мгновенно набухла новая, костяная щупальце, пытаясь схватить его за руку.

Ирина сражалась с отточенной, безжалостной эффективностью, но каждый блок ее меча отзывался в онемевшей когда-то руке ледяным ударом. Она чувствовала не просто силу противника, а его *суть* – голодную, пустую, бесконечно чужеродную.

Рунар пытался соткать защитный барьер, но его разум, затуманенный образом каменной ниши, был медлителен. Нити магии рвались, едва успев возникнуть, и сквозь них прорывались когтистые лапы, рвавшие плащи и кожу.

Это была не битва, а избиение. Они были истощены не физически, а душевно. Тень, казалось, питалась их апатией, их травмой. Она не пыталась их быстро убить. Она медленно, методично перемалывала их волю. Один из гномов, от-

брошенный ударом, упал и не поднялся, просто лежа и смотря в ночное небо пустыми глазами, будто видя в нем то же самое, что и Ирина в костре – свое личное проклятие.

Краг, окруженный тремя тварями, отбивался с яростью обреченного. Его топор, такой острый, что мог рассечь ветер, казался бесполезным против этой жидкой тьмы. Он ревел – не от ярости, а от бессилия.

Ирина, прижатая к скале, с выбитым из рук мечом, видела, как одна из тварей, бесформенная и многоокая, протягивает к ней костяной шип, целясь в горло. Она знала, что не успеет увернуться. И в этот миг ее взгляд встретился с взглядом Александра.

Он все еще стоял на краю поляны, не двигаясь, с лицом, застывшим в маске безразличия. Но его глаза… в его глазах бушевала буря. Он смотрел на нападающую на Ирину тварь, и в его взгляде не было страха. Было нечто иное. Отвращение. И абсолютная, безоговорочная ярость.

И тогда осколок Ключа на его груди, бывший до этого холодным и мертвым, *вздохнул*.

Это не был свет. Не был звук. Это было ощущение, что сама реальность вокруг Александра содрогнулась, как поверхность воды, в которую бросили камень. Воздух заволокло маревом, будто от палячего жара.

Александр не крикнул. Не сделал жеста. Он просто посмотрел на тварь.

И тварь… перестала существовать.

Она не испарилась. Не рассыпалась. Она просто исчезла. Слово ее никогда и не было. На том месте, где она только что была, висел в воздухе легкий, переливающийся дымок, который медленно рассеялся, не оставив и следа.

Наступила тишина. Еще более гробовая, чем прежде. Все, включая тварей Тени, замерли, ощутив сдвиг в самой ткани бытия.

Время замедлилось, загустело, как патока. Краг, могучий орк, чья ярость была легендой, теперь лежал на земле, прижатый лапой твари к липкой от чего-то темного хвое. Его броня была смята, как фольга, из разбитого рта текла кровь, смешиваясь с грязью. Он не стонал. Он просто смотрел в бездонные, мерцающие глазницы существа, нависшего над ним, чувствуя на своем лице ледяное, мертвое дыхание, пахнущее пустотой между звездами.

Вторая тварь, похожая на сплетение черных, скользких щупалец, подняла костяной шип, готовясь обрушить его на горло орка. Удар был рассчитан точно. Смертельно.

Ирина, сама истекающая кровью из раны на боку, попыталась рвануться вперед, но ее ноги подкосились. Ее крик застрял в горле. Она видела, как Рунар, бледный как смерть, пытался что-то соткать, но его пальцы дрожали, и магия рассыпалась, не успев родиться.

И в этот миг абсолютной, кристаллической безысходности, когда смерть Крага казалась не вероятностью, а уже свершившимся фактом, Александр перестал думать.

Мысли, страх, вина – все это сгорело в одно мгновение, оставив после себя лишь чистый, животный импульс. *НЕТ*.

Его рука сама рванулась к осколку Ключа на его груди. Он не хотел его использовать. Он боялся его. Но сейчас это был единственный камень, который можно было швырнуть в надвигающегося хищника.

Его пальцы сомкнулись на холодном камне.

И мир… *взвыл*.

Это был не звук, который можно услышать ушами. Это был визг самой реальности, впивающийся прямо в мозг. Осколок Ключа, бывший до этого холодным и инертным, вспыхнул ослепительной, *неправильной* белизной. Это был не свет, а его противоположность – нечто, что выжигало цвет, звук, саму материю, оставляя после себя лишь идею пустоты.

Александр не направлял силу. Он просто, с тем же отчаянным ревом в душе, уставился на тварь со щупальцами.

И она… не исчезла.

С ней произошло нечто худшее.

Она *остановилась*. Ее движение, ее сама ее сущность замерли в полной, абсолютной стазисе. Она была не как статуя. Она была как фотография, вклеенная в реальность. Затем, без единого звука, она начала не рассыпаться, а *стираться*. Сперва исчез костяной шип, потом щупальца, потом туловище. Все это обратилось в мельчайшую, серебристую пыль, которая не упала на землю, а просто перестала быть, оста-

вив после себя лишь идеально чистый, пустой участок воздуха. Не было взрыва, не было вспышки. Был лишь тихий, беззвучный акт аннигиляции.

Вторая тварь, что держала Крага, отпрянула с шипящим звуком, полным не ярости, а первобытного страха. Ее мерцающие глаза на мгновение встретились с горящим взглядом Александра, и она отступила в тень, растворяясь в ней.

Наступила тишина. Такая оглушительная, что в ушах звенело.

Александр стоял, все еще сжимая пылающий осколок. От него шел не жар, а леденящий холод. По его лицу из носа и ушей струилась алая кровь. Он дрожал мелкой, неконтролируемой дрожью, словно его тело било током. Он смотрел на то место, где только что была тварь, и видел не пустоту, а нечто иное – тончайшую, дрожащую *трещину* в воздухе, сквозь которую проглядывало нечто старое, темное и бесконечно голодное.

Он только что спас Крага. Но в его душу заглянуло нечто, от чего не было спасения.

В тот миг, когда пальцы Александра сомкнулись на Ключе, знакомой боли не последовало. Вместо нее пришло ощущение головокружительной, тошнотворной *пустоты*. Не внутри него, а снаружи. Казалось, мир вокруг стал бумажным, хрупким, ненастоящим. Звуки боя – хрип Крага, шипение твари, собственное учащенное сердцебиение – отступили, словно кто-то выкрутил регулятор громкости вселенной.

Он видел все в мельчайших деталях: каждую каплю пота на виске Ирины, каждую зазубрину на топоре Крага, каждый мерцающий глазок твари. Но все это было лишено substance, как дешевые декорации.

И тогда, движимый не мыслью, а слепым, инстинктивным порывом – тем же, что заставляет человека отшатнуться от края пропасти, – он мысленно *оттолкнул*. Не тварь. Не ее тело. А саму ее *идею*. Само ее *право быть здесь*.

Эффект был мгновенным и бесшумным.

Тварь не взорвалась. Не испарилась с шипением. Не превратилась в пепел.

Она просто… перестала.

Одна секунда – она была там, извивающееся скопище тьмы и кости, с поднятым для смертельного удара шипом. Следующая секунда – ее не было. Совсем. Не осталось ни клубка черного дыма, ни пятна на земле, ни запаха озона. Воздух на том месте даже не дрогнул, чтобы заполнить пустоту. Он просто был. Как будто ничего и не занимало его все эти миллиарды лет.

Это было не насилие. Это было редактирование. Словно невидимый палец провел по реальности и стер ошибку. Самую уродливую, самую чужеродную ошибку.

Наступила тишина. Но это была не тишина шока или страха. Это была тишина глубокого, фундаментального нарушения. Тишина, в которой слышалось, как законы мироздания тихо поскрипывают, пытаясь осознать, что только что один

из них был грубо нарушен.

Все замерли. Краг, все еще прижатый к земле, перестал дышать. Его оркский мозг, привыкший к ясной физике боя – удар, кровь, смерть, – отказывался обрабатывать то, что он только что видел. Исчезновение. Неубийство. *Аннулирование*.

Александр стоял, и его рука все еще сжимала Ключ. Камень был холодным. Абсолютно холодным. И безмолвным. Слово он и не делал ничего особенного. Просто… поправил кое-что.

И в этой леденящей тишине, в этом отсутствии чего бы то ни было на месте твари, таился ужас куда более глубокий, чем от любого вопля или когтя. Потому что это значило, что все, что они знали, все, что они есть, – столь же хрупко и может быть стерто одним тихим, отчаянным желанием.

Тишина длилась ровно столько, сколько требовалось сознанию, чтобы переварить невъяснимое. Сначала было облегчение. Давящая лапа, прижимавшая Крага к земле, исчезла. Угроза миновала. Инстинкт выживания, тупой и настойчивый, кричал: «ЖИВ!»

Краг судорожно вдохнул, откашлялся, выплюнув сгусток крови и грязи. Он отполз на локтях, его глаза, полные животного страха, были прикованы к тому месту, где только что была тварь. Он водил взглядом по пустоте, словно пытаясь найти спрятавшегося врага, не в силах принять, что врага больше нет. Воину, чья жизнь была построена на ударе и от-

ветном ударе, на плоти и крови, эта бесшумная ликвидация была так же чужда, как дыхание под водой.

Затем облегчение сменилось шоком. Мозг, отставший на несколько ударов сердца, начал обрабатывать случившееся.

Ирина медленно поднялась, ее рана на боку ныла, но она почти не чувствовала боли. Она смотрела на Александра. Не на его окровавленное лицо или дрожащие руки, а на то пустое место, куда он смотрел сам. Она, солдат, знала все виды смерти – от быстрой и чистой до медленной и грязной. Но это… это было не убийство. Это было *отмена*. Словно тварь была опечаткой в книге бытия, и Александр взял ластик и стер ее. От этого по спине побежали ледяные мурашки. Если можно стереть тварь… что еще можно стереть?

И наконец, пришел ужас. Тихий, глубокий, проникающий в кости.

Рунар стоял, не двигаясь. Его лицо было пепельным. Он, маг, потративший жизнь на изучение законов мироздания, только что увидел, как эти законы были не просто нарушены, а выставлены насмешкой. Это не была магия в его понимании – не преобразование энергии, не призыв стихий, не иллюзия. Это было нечто, действующее на несколько порядков выше. Это было вмешательство в саму ткань сущего. И оно исходило от измученного юноши с окровавленным лицом и куском камня на груди.

– Что… что ты сделал? – прошептал кто-то из оставшихся в живых гномов. Его голос дрожал.

Александр не ответил. Он смотрел на свою руку, все еще сжатую в кулак вокруг Ключа, будто впервые видя ее. Потом его взгляд медленно поднялся и встретился с их взглядами.

И в этот момент они увидели в его глазах не триумф, не мощь, а тот же самый, зеркальный их собственному, ужас. Он не понимал, что произошло. Он боялся этого так же, как и они.

И это было самым страшным. Сила, способная стирать реальность, была не в руках бога или демона. Она была в руках испуганного человека. И она была дикой, непредсказуемой и, судя по крови, текущей из его носа, столь же опасной для него самого, как и для врагов.

Воздух снова зашевелился, но это был не ветер. Это было ощущение, что невидимые барьеры, отделявшие их от чего-то древнего и безразличного, стали тоньше. И теперь они все стояли по эту сторону, глядя на Александра, который больше не был просто их проводником. Он стал живым воплощением вопроса, на который никто не хотел знать ответ: «А что, если в следующий раз он сотрет не тварь?»

Облегчение длилось ровно до того момента, пока Александр не разжал пальцы. Осколок Ключа, выполнивший свою чудовищную работу, снова стал просто холодным камнем. И тогда цена за эту работу предъявила счет.

Сначала его просто качнуло. Легкое головокружение, как если бы он слишком резко встал. Потом волна тошноты подкатила к горлу стремительно и неукротимо. Он не успел да-

же согнуться – его просто вырвало с такой силой, что казалось, наизнанку выворачиваются не только желудок, но и все внутренности. Это была не еда – они почти ничего и не ели. Это была желчь, горькая и едкая, перемешанная с чем-то темным, почти черным.

Пока он стоял, согнувшись в три погибели и давясь судорогами, по его лицу из носа потекла струйка крови. Не капли, а ровная, темная струйка, как из невидимого крана. Она заливала губы, капала на лесную подстилку, и он чувствовал ее теплый, металлический вкус, смешанный с горечью желчи.

Но физическая боль была лишь фоном. Главное происходило внутри.

Сквозь грохот в ушах и спазмы в желудке, в самую глубину его сознания вполз холод. Не тот, что от мороза, а иной – абсолютный, безжизненный. Холод пустого пространства между галактиками. Холод камня, пролежавшего в вечной мерзлоте миллион лет. Он исходил из самого центра его существа, от того места, где секунду назад горела сила, и медленно расползался по венам, замораживая кровь.

И вместе с холодом пришел Шёпот.

Не звук. В ушах у него стоял оглушительный звон. Это было ощущение. Чувство беззвучного голоса, который говорил прямо в его черепную коробку. В нем не было слов, только… *намерение*. Настойчивое, безжалостное, как тиканье часов в комнате умирающего. Оно не угрожало. Оно не обе-

щало. Оно просто *было*. И оно говорило об одной простой вещи: о Ничто.

Оно звало его туда, где нет ни света, ни тьмы, ни времени, ни мысли. Туда, где перестала быть тварь. Оно было голодным. И оно хотело его.

Александр упал на колени, его тело била мелкая дрожь, сотрясающая каждый мускул. Он пытался отдышаться, но легкие отказывались наполняться воздухом, будто вокруг него его и не было. Он сжал голову руками, пытаясь заглушить этот беззвучный зов Пустоты, но он шел не извне. Он шел из него самого. Из той самой дыры в реальности, что он только что пробил.

Он поднял взгляд, затуманенный слезами от рвотных спазмов, и увидел их лица – не ужаснувшиеся, а остолбеневшие. Они видели не героя. Они видели человека, которого рвет кровью, который дрожит от холода в теплую ночь, чьи глаза смотрят куда-то сквозь них, в иную, невыносимую реальность.

И они поняли. Сила, способная стирать врагов, стирала и его. По кусочкам. Сначала физиологию. Потом, возможно, разум. А в конце… в конце ее ждала его душа, чтобы утащить с собой в то самое Ничто, которое она так жаждала заполнить.

Пока Ирина пыталась помочь Александру, подавив собственный ужас, Рунар медленно подошел ближе. Он не смотрел на кровь или рвоту. Его взгляд, остекленевший и невидя-

щий, был прикован к самому Александру, вернее, к тому, что он сейчас представлял из себя в магическом смысле. Старый маг не прикасался к нему, лишь водил перед ним дрожащей рукой, словно ощупывая невидимые раны.

Его лицо, и без того серое, стало землистым. Он отшатнулся, словно от прикосновения к раскаленному утюгу.

– Великие бездны… – его шепот был похож на предсмертный хрип. – Так вот какова цена…

Все взгляды устремились на него. Даже Александр, все еще бьющийся в конвульсиях, поднял на него мутный взгляд.

– Это не разрушение, – проговорил Рунар, и его голос набрал силу, став зловеще размеренным, как заупокойная молитва. – И не творение. Это… правка. Редактура.

Он указал пальцем на то место, где исчезла тварь.

– Он не сжег ее энергией. Не разорвал на атомы. Он… стер ее из повествования. Вычеркнул, как описку. – Маг обвел их всех тяжелым взглядом. – Но рукопись реальности не терпит пустот. Чтобы удалить одно слово, нужно вписать другое. Чтобы стереть врага…

Он повернулся к Александру, и в его глазах читалось нечто, среднее между ужасом и жалостью.

– …нужно предложить чернила. Свои собственные.

Рунар сделал шаг ближе, наклонился над Александром, но смотрел не на него, а сквозь него.

– Ты чувствуешь холод, мальчик? Слышишь шепот? – он не ждал ответа. – Это не побочный эффект. Это – плата. Ты отдаешь им частичку своего тепла. Своей жизни. Своей… *сути*. Каждый раз, когда ты стираешь что-то из мира, ты стираешь что-то и из себя. Твоя связь с реальностью истончается. Ты становишься… менее реальным.

Он выпрямился и посмотрел на остальных, его лицо было маской леденящего прозрения.

– Он не использует силу, как меч. Он использует себя, как ластик. И с каждым разом его… его становится меньше. Рано или поздно, – голос Рунара сорвался, – он сотрет себя полностью. И та Пустота, что сейчас шепчет ему на ухо… она заберет то, что останется. Навсегда.

В воздухе повисло молчание, более тяжелое, чем любая тишина. Они смотрели на Александра, на этого юношу, корчащегося на земле в собственной блевотине и крови, и видели не спасителя, а ходячую жертву. Оружие, которое медленно самоуничтожается с каждым выстрелом.

Ирина смотрела на свои руки, которые только что пытались его поддержать. Она чувствовала его дрожь. Теперь она понимала – это была не просто дрожь истощения. Это была дрожь тления. Распада.

Ключ был не спасением. Он был договором с самоубийством, растянутым во времени. И каждый раз, спасая их, Александр медленно, необратимо стирал себя из мира, который пытался защитить.

Слова Рунара повисли в воздухе, тяжелые и ядовитые, как свинцовые пары. И пока Александр пытался перевести дух, отплёвываясь от вкуса крови и пустоты, в группе произошло молниеносное, безмолвное размежевание.

Ирина смотрела на Александра, и её солдатское сердце, вышколенное оценивать риски и потери, сжималось в ледяной комок. Она видела не мощь. Она видела *износ*. Она видела, как его тело, его плоть и кровь, отвергали эту силу с такой же яростью, с какой организм отвергает яд. И она поняла самую суть.

– Он не оружие, – её голос прозвучал резко, прорезая оглушённую тишину. Все взгляды повернулись к ней. – Он – расходный материал.

Она сделала шаг вперёд, её глаза горели холодным огнём.

– Каждый раз, когда мы будем полагаться на это… эту *штуку*, мы будем терять его. По кусочку. Сначала здоровье. Потом разум. А что потом? – Она обвела взглядом Крага, Рунара, остальных. – Что останется? Пустота, которая шепчет? И что она будет делать, когда его не станет? Может, она захочет… попробовать кого-то ещё?

В её словах не было сострадания к Александру. Был рас-

чётливый, животный ужас перед цепной реакцией, которую они могли запустить. Это был тот же ужас, что она испытывала перед чёрной слизью, пожирающей память. Только здесь пожирали душу.

Но тут свой голос возвысил Краг. Орк встал, всё ещё опираясь на топор, его грудь вздымалась, но в глазах горел уже не страх, а странный, почти религиозный фанатизм.

– Слабый теряет! Сильный использует! – его рык прозвучал грубо и безапелляционно. – Ты видишь износ? Я вижу *силу*! Силу, перед которой Тень – ничто! Пыль! – Он ткнул пальцем в сторону пустоты, где была тварь. – Мы годами сражались, гибли тысячами! А он… он одним взглядом! ОДНИМ!

Он посмотрел на Александра не как на человека, а как на жезл могущественного мага, на священный тотем.

– Да, он платит цену. Всякая мощь имеет цену! Но какая разница, что он потратит себя, если мы успеем стереть саму Тень?! Один человек против спасения всех рас? Это не жертва! Это… это долг!

В его голосе слышалась не просто ярость. Слышалась *жажда*. Жажда конца войны, жажда победы, добытой любой ценой. И Александр с его Ключем виделся ему божественным молотом, который можно обрушить на врага, не считаясь с тем, что рукоять трещит и вонзается в ладонь.

Две правды столкнулись в ночном лесу. Одна – осторож-

ная, испуганная, видящая в силе яд, который убьёт их изнутри. Другая – ярая, отчаянная, готовая принести всё в жертву ради шанса на победу.

И между ними, на холодной земле, лежал мальчик, который был уже не совсем мальчиком, а живым полем битвы. И его тихие, прерывистые всхлипы звучали громче любых аргументов.

Слова Ирины и Крага повисли в воздухе, как два разных вида яда – один холодный и парализующий, другой пылающий и слепящий. И молчание, последовавшее за ними, было хуже крика. Оно длилось ровно столько, сколько требовалось каждому, чтобы понять, на чьей он стороне.

Группа физически сдвинулась, разделившись на поляне, как по невидимой линии. Это не было сознательным решением. Это был инстинкт.

На стороне Ирины встал Рунар. Он не произнес ни слова, просто отошел к ней, и его молчание было красноречивее любой речи. Его поза, его уставшее, испуганное лицо говорили сами за себя: он видел в силе Ключа ту же бездну, что и в каменной нише крепости. Просто здесь исчезновение было растянутым во времени. Для мага, чья жизнь была посвящена знаниям и структуре, мысль о «редактировании реальности» была кощунством. Это было приглашением хаоса, против которого они и сражались.

К ним же примкнули несколько других, в основном те, кто был ближе к Александру, кто видел, как его выворачивало

наизнанку. Они смотрели на него с жалостью и страхом, не решаясь подойти ближе.

На стороне Крага собрались самые отчаянные и озлобленные. В основном воины, на себе испытавшие всю беспощадность Тени, потерявшие сородичей и дома. Они смотрели на Александра не как на человека, а как на шанс. На кнопку, которую можно нажать, чтобы враг исчез. Их не пугала цена, потому что они уже заплатили свою – кровью, болью, горем. Что такое еще одна жизнь, даже его, против возможности отомстить?

– Мы не можем отказаться от такого оружия! – прорычал один из орков, сплевывая. – Мы все умрем в этой войне! Пусть хоть смерть наша будет иметь смысл!

– А его смерть? – бросила Ирина, ее голос был как удар хлыста. – Будет иметь смысл? Или мы просто поменяем одну Тень на другую?

– Может, эта новая будет милосерднее! – парировал гном-инженер, стоявший рядом с Крагом. Его руки были в масле, и он смотрел на Александра с чисто профессиональным интересом, как на сложный, но невероятно эффективный механизм. – Она хотя бы убивает быстро!

Между двумя группами зияла пропасть. Не расовая, не культурная. Экзистенциальная. Одни видели в силе Ключа окончательную потерю человечности, путь, ведущий в никуда. Другие – единственный свет в кромешной тьме, даже ес-

ли этот свет был ядовитым и выжигал глаза.

А в центре этого раскола, все так же сидя на корточках и пытаясь перевести дух, находился Александр. Он слышал обрывки их спора, доносившиеся до него сквозь гул в ушах и беззвучный шепот Пустоты. И самое ужасное было в том, что он понимал обе стороны.

Он чувствовал ту самую пустоту внутри и боялся ее. Но он также видел надежду в глазах Крага и его сторонников. Надежду, которую *он* дал им. Ценой кусочка себя.

Он был полем битвы не только в физическом смысле. Он стал полем битвы за их души. И проигравшим в этой битве, он понимал, будет он сам. Потому что либо его сотрут, используя как оружие, либо отстранят как угрозу. Третьего, казалось, не дано.

Тишина снова воцарилась на поляне, но теперь она была иной – тяжелой, враждебной, полной невысказанных обвинений и страшного выбора, который кому-то предстояло сделать.

Голос Крага не был просто возгласом. Он был глухим подземным гулом, в котором клокотала ярость всех потерянных битв, всех сожженных селений, всех братьев, павших без вести в утробе Тени. Он сделал шаг вперед, и его тень, отброшенная догорающим костром, накрыла группу, словно крыло огромной хищной птицы.

– Оружие! – повторил он, и это слово прозвучало как приговор. – Вы слышите? Не дар, не проклятие. ОРУЖИЕ. –

Он обвел взглядом сторонников Ирины, и в его глазах горел огонь человека, который наконец-то увидел свет в конце тоннеля, даже если этот свет был адским пламенем. – Мы годами тыкали в эту Тень копьями! А она растет! Поглощает новые земли! Что мы сделали за последний год? Отступали! Хоронили своих!

Он ткнул толстым пальцем в сторону, где исчезла тварь.

– А он сделал за одно мгновение то, чего не смогли бы целые легионы! Стер ее! Как грязь с сапога!

К нему присоединился молодой орк с шрамом через глаз, его голос сорванный и полный отчаянной надежды:

– Прагматик-гном прав! Что толку беречь его, если мы все умрем? Лучше он истратится, как хорошая сталь в бою, но мы успеем выиграть! Он солдат, в конце концов! Разве не в этом долг солдата – отдать жизнь за победу?

Еще один, гном с обожженной половиной лица, просипел, глядя на Александра с почти голодным взглядом:

– Нужно не бояться, а учиться! Контролировать! Может, необязательно стирать совсем. Может, можно… ослабить. Или отбросить. Надо экспериментировать! Мы же не отказываемся от пушки, которая дает осечку раз в десять выстрелов! Мы чиним ее и стреляем дальше!

Их аргументы были уродливы, циничны и неоспоримо ло-

гичны в своем роде. Они говорили на языке войны, где счет велся на жизни, а не на души. Они видели в Александре божественную артиллерию, последний резерв, который бросают в бой, когда проиграно все.

– Вы говорите, он стирает себя, – Краг снова повернулся к Ирине, и его голос стал тише, но оттого лишь страшнее. – А разве Тень не стирает нас? Целые кланы, города, память о них? Она уже пожирает реальность! А вы боитесь, что один человек заплатит слишком высокую цену, чтобы остановить это? Какая разница, что он станет пустым, если мы все не станем ничем?!

В его словах не было злобы. Была леденящая душу арифметика геноцида. Одна жизнь против бесконечного множества. Чаша весов, на которой их собственная честь и человечность уже не имели никакого веса.

Они были прагматиками. И в мире, который рушился, прагматизм становился синонимом жестокости. Они готовы были принести Александра в жертву на алтарь победы. И самое ужасное, что в их глазах это выглядело не предательством, а высшей, последней верностью долгу.

Слова прагматиков повисли в воздухе, пахнущим дымом и кровью. И в эту ядовитую тишину Ирина вложила свой голос – не громкий, не яростный, но острый, как лезвие бритвы, и холодный, как прикосновение той самой Пустоты.

– Пожирает, – сказала она, и это слово прозвучало как диагноз. – Вы говорите «истратится», как о патроне. Но он не

патрон. Он – человек. И эта штука ест его. Вы видели? – Она указала на пятна крови и рвоты на земле. – Это не «осечка». Это агония. И с каждым разом ее будет больше.

Она сделала шаг навстречу Крагу, и хотя он был вдвое больше ее, казалось, что сейчас она выше его.

– А что, если в следующий раз, когда он попытается «стереть» тварь, он стрет не ее? – ее голос упал до опасного шепота. – Что, если она держит одного из нас? Или стоит рядом? Вы готовы рискнуть, что ваш брат по оружию просто… исчезнет? По ошибке? Потому что сила дрогнула?

Ее слова нашли отклик. Несколько воинов, стоявших за Крагом, невольно отвели взгляд. Они представляли это. Не абстрактную тварь, а знакомое лицо рядом, которое вдруг растворяется в ничто по воле дрожащей руки союзника.

– Или часть леса, – подхватил Рунар. Его голос был сухим и безжизненным, как скрип старого пергамента. – А что, если под этим лесом проходят силовые линии, о которых мы не знаем? Что, если, стирая врага, он нарушит хрупкий баланс и обрушит склон горы на нас же? Или откроет портал в иное измерение? – Маг покачал головой, и в его глазах читалась вся глубина его профессионального ужаса. – Мы не понимаем механизма! Мы дети, которые нашли кнопку ядерного реактора и тыкают в нее палкой, потому что она красиво мигает!

Он обвел взглядом всех, и его взгляд был полон отчаяния.

– Эта сила не просто убивает. Она *отменяет*. Она нарушает первопринципы бытия. Вы хотите построить нашу победу на фундаменте, который в любой момент может сам себя изъять из уравнения? Мы боремся с Тенью, которая пожирает реальность. А он… он делает то же самое, только точечно! Чем мы тогда от нее отличаемся?

Ирина кивнула, ее лицо было жестким.

– Вы говорите: «Один человек против спасения всех». А я говорю: «Мы можем проиграть, оставшись людьми». Или мы можем победить, став чем-то другим. Чем-то, что стирает своих же по ошибке. Чем-то, что не останавливается, пока не кончится «топливо». – Она посмотрела прямо на Крага. – И кто решит, когда его хватит? Ты? Когда он перестанет узнавать свое имя? Или когда от него останется лишь шепчущая пустота, которая захочет еще?

Их аргументы были не о силе, а о контроле. И о его отсутствии. Они указывали на пропасть между «иметь молот» и «быть наковальней». И в этой пропасти могло оказаться все, что они знали и любили. Они предлагали не трусость, а осторожность сапера на минном поле, где одна ошибка могла стоить не жизни, а самого смысла существования.

Голоса доносились до Александра сквозь толщу ваты, будто кто-то кричал с другого берега широкой, бурной реки. Река эта была его собственным страданием – оглушительный

звон в ушах, металлический привкус крови, леденящий холод, пробирающий до костей, и тот беззвучный, навязчивый Шёпот, что висел в его разуме, как некротическая ткань.

«…ОРУЖИЕ!…» – доносился яростный рык Крага.

«…ПОЖИРАЕТ ЕГО!…» – отсекал холодный голос Ирины.

Он слышал их, и каждая сторона вонзала в него свои крючья.

Желание помочь было не альтруизмом. Это был инстинкт, вбитый в него за месяцы скитаний. Видеть страх в глазах Ирины и не сделать ничего? Допустить, чтобы еще один Краг был прижат к земле? Он чувствовал их боль, их страх – Ключ, даже молчащий, все еще делал его громоотводом для их эмоций. И часть его, измученная и отчаявшаяся, кричала: «ДА! Используй это! Сотри их всех! Сотри саму Тень! Ради них!»

Это был сладкий, пьянящий соблазн. Стать не просто человеком, а решением. Избавителем. Ценой в одну-единственную душу – его собственную.

Но тут же, как ледяной душ, накатывал страх. Не абстрактный. А очень конкретный, физический ужас перед тем, что происходило с его телом. Память о том, как реальность истончалась, становясь бумажной и хрупкой. Память о том, как его собственная плоть и кровь восставали, пытаясь извергнуть нарушу эту чужеродную мощь. И тот беззвучный

зов Пустоты, который теперь стал постоянным фоном его существования. Он боялся, что в следующий раз он не просто сотрет тварь. Он боялся, что не сможет остановиться. Что сила возьмет верх и начнет стирать все подряд, пока от него самого не останется лишь этот голодный Шёпот.

Он был полем битвы, и солдаты на нем сражались его же внутренностями.

Он попытался подняться, опираясь на дрожащие руки. Голова закружилась, мир поплыл. Он видел их лица, обращенные к нему – одни с жаждой, другие со страхом. Никто не видел *его*. Александра. Они видели Ключ. Видели Оружие. Видели Угрозу.

Его рот открылся, чтобы что-то сказать. Возможно, попросить их остановиться. Или согласиться с Крагом. Или поддержать Ирину.

Но из горла вырвался лишь хриплый, беззвучный стон. Язык был тяжелым и одеревеневшим, словно он забыл, как на нем говорить. Вместо слов его разум пронзила чужая, ледяная мысль, пришедшая откуда-то извне, от самого Шёпота: *«…ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ?.. МОЖНО ПРОСТО… УБРАТЬ… СПОР…»*

Он с ужасом отбросил эту мысль, ощутив прилив новой тошноты. Он сжал голову руками, пытаясь выдавить из нее этот голос, эти споры, эту невыносимую тяжесть выбора.

Он хотел помочь. Но боялся себя.

Хотел, чтобы его боялись. Но жаждал, чтобы его поняли.

Он был их единственной надеждой и самой большой угрозой.

И в этом разрывающем душу противоречии не было места простому мальчику по имени Александр. Есть было только носитель. Координатор. Оружие. И тихий, всепоглощающий ужас от осознания того, что, возможно, спасая их, он в конечном итоге станет тем, от кого их придется спасать.

Спор вокруг него затих, превратившись в отдаленный, бессмысленный гул, словно кто-то оставил включенным радио в соседней комнате. Мир сузился до леденящего холода в его груди и того беззвучного Шёпота, что теперь звучал уже не на краю сознания, а в самой его сердцевине.

Это не было сознательным решением. Это была капитуляция. Его воля, истерзанная болью, страхом и давлением, наконец, дрогнула. Вместо того чтобы бороться, он… прислушался.

И Пустота ответила.

Это не было падением или потерей сознания. Это было погружением. Тонкая пленка обычной реальности – запах дыма, холод земли под коленями, цвет ночи – истончилась и порвалась. И он провалился в то, что было под ней.

Здесь не было ни света, ни тьмы. Ни верха, ни низа. Была лишь Информация. Чистая, нефильтрованная, оглушительная.

Он не видел силовые линии, как в крепости. Он *был* ими. Он чувствовал, как пульсирует каждый лист на каждом дереве, как струится энергия в жилах крошечного жука под корой, как медленно умирает сломанная ветка. Он ощущал биологию Ирины – не как тело, а как сложнейший, сияющий узор жизни, с темными пятнами усталости и страха. Он чувствовал яростный, горячий клубок энергии, что был Крагом, и холодную, упорядоченную сеть мыслей Рунара.

И он видел швы.

Тончайшие, серебристые линии, пронизывающие все. Они скрепляли реальность, как нитки скрепляют ткань. Дерево было не просто деревом – оно было сложным узлом, сотканным из этих нитей. Камень. Воздух. Само время.

И он понял. По-настоящему понял, что сделал. Он не «стер» тварь. Он… развязал узел.

Тварь Тени была не существом, а уродливым, чужеродным комком, вплетенным в ткань бытия грубыми, кощунственными стежками. Он просто взял и потянул за одну ниточку. И весь комок распустился. Исчез. Вернулся в небытие, из которого был призван.

Искушение пришло мгновенно, обрушившись на него не как мысль, а как инстинкт, более древний, чем сама жизнь.

Он смотрел на сияющий узор Ирины и видел темное пятно – ее боль, ее усталость. И его «рука» – та часть его сознания, что теперь парила в этом океане информации, – потянулась к этому пятну. Он мог… переткать его. Сделать узор

снова чистым и сияющим. Убрать боль. Убрать страх.

Он видел изможденное лицо Рунара и знал, что может «подштопать» его жизненную силу, вернув магу энергию.

Он видел ярость Крага и понимал, что может «сгладить» этот клубок, превратив его в спокойную решимость.

Он мог все исправить. Сделать их совершенными. Сильными. Неуязвимыми.

Цена сияла перед ним тем же самым холодным светом, что и раньше. Чтобы переткать один узел, нужно было пожертвовать частью нити, что составляла его самого. Его памятью. Его эмоцией. Кусочком его «я».

Соблазн был невыносим. Стать не разрушителем, а Ткачом. Целителем. Творцом.

Но в самом центре этого ослепительного откровения, в самой сердцевине Пустоты, он ощутил нечто еще. Голод. Не его собственный. Тот самый, что шептал ему. Голод самой Пустоты. Она не просто хотела, чтобы он стирал. Она хотела, чтобы он творил *из нее*. Чтобы он заменил живую, яркую, сложную ткань реальности на простую, холодную, безжизненную пряжу Небытия.

Он мог исправить все. Но, сделав это, он стал бы агентом того самого Ничто, с которым они сражались.

Прозрение было столь же сюрреалистичным, сколь и ужасающим. Сила Ключа не была ни доброй, ни злой. Она была инструментом. Но инструментом, который точил своего владельца, чтобы тот мог вырезать из мира куски и заменять

их на вечную, безмолвную Пустоту.

Мысль – или то, что он теперь считал мыслью, – пронеслась в том пространстве, что раньше было его разумом: *«Я не управляю. Я – проводник. Или дверь».*

Управление подразумевало волю, усилие, направление. Здесь же не было ничего подобного. Было лишь… разрешение. Словно он был мембраной, и он позволил чему-то просочиться сквозь себя из одного состояния в другое. Из Небытия в Бытие и обратно. И этот процесс был не пассивным – он выжигал его изнутри, оставляя после себя онемение и тот беззвучный, вечный Шёпот.

И он видел. О, Боже, он *видел*.

Это были не просто силовые линии. Это были швы. Тончайшая, невообразимо сложная вышивка, сотканная из света, времени, памяти и материи. Каждая травинка, каждая пылинка, каждый вздох – все было частью узора. Дерево было не объектом, а медленно пульсирующим воплощением концепции «дерева». Ирина была не женщиной, а гуляющим, дышащим гобеленом из «Ирины» – ее надежд, страхов, шрамов и силы.

И он понял самую суть. Сила Ключа не стирала. Она… редактировала.

Он смотрел на темное, клубящееся пятно, бывшее тварью, и видел, как оно было грубо, уродливо вшито в ткань реальности, как гнойный нарыв. И он просто… *вырезал* его. Актом чистой воли, которая была скорее отказом, чем действи-

ем, он позволил Пустоте забрать этот бракованный кусок обратно.

Но сейчас, глядя на сияющий, но поврежденный узор Ирины, он видел иную возможность. Он мог не вырезать. Он мог переписать.

Ее усталость, та самая, что делала ее плечи такими тяжелыми, была всего лишь несколькими темными, спутанными нитями в общем рисунке. Он мог взять их и… *распустить*. Заменить их на яркие, сияющие нити энергии и бодрости. Он мог взять ее боль – не физическую, а ту, что сидела глубоко внутри, от потери форпоста, от гибели товарищей – и аккуратно *вышить* поверх нее принятие и покой.

Искушение было пьянящим. Он мог стать не разрушителем, а исцелителем. Не солдатом, а богом.

Он мог «исправить» ярость Крага, вплетя в него нити милосердия. Он мог «отремонтировать» сломанную мудрость Рунара, вернув ему уверенность. Он мог сделать их всех совершенными. Сильными. Неуязвимыми для боли и сомнений.

Но цена сияла перед ним тем же самым, леденящим душу светом.

Чтобы переписать реальность, нужны были чернила. И единственные чернила, что у него были, – это он сам.

Чтобы дать Ирине энергию, ему пришлось бы отдать часть своей. Чтобы стереть ее боль, ему пришлось бы стереть какую-то свою собственную память, какое-то свое чувство.

Каждый акт творчества был бы одновременно актом самоуничтожения. Он мог бы переписать весь мир, сделав его раем. Но к тому моменту, когда он закончил, от него самого не осталось бы ничего, кроме пустого места в форме человека, через которое вечно шептала бы та самая Пустота, чьим пером он стал.

Он видел не силу. Он видел симбиоз с бесконечным, равнодушным голодом. И понимал, что любое его действие, даже самое благое, было лишь способом накормить этого голодающего зверя, по имени Небытие, который притаился по ту сторону реальности.

В этом океане чистого восприятия соблазн накатывал не мыслью, а видением – ясным, как вспышка молнии, и таким же ослепительным.

Он смотрел на Ирину и видел не просто рану на ее боку. Он видел разрыв в изысканном ковре ее существа – темную, сочащуюся нить боли, вплетенную в общий узор. И он знал – абсолютной, неоспоримой уверенностью, – что может коснуться этого разрыва. Не пальцем, а самой сутью своего намерения. Он мог взять концы порванных нитей и сшить их. Не просто залатать рану, а сделать так, как будто ее никогда и не было. Кожа сомкнется, мышцы срастутся, без шрама, без воспоминания о боли. Он мог вернуть ей целостность. Ценой чего? Какой-то микроскопической частички его собственной связи с реальностью. Какой-то крошечной боли, которую он примет на себя.

Он перевел внутренний взор на Крага. Орк был сгустком ярости и усталости, его узор колючий и перекошенный. Александр видел темные, тяжелые нити изнеможения, опутавшие его. Он мог… сгладить их. Вытянуть эту усталость, как вытягивают воздух из пакета, и заменить ее ровным, мощным потоком энергии. Он мог сделать Крага снова несокрушимым, каким тот себя помнил. И снова – цена. Капля его собственной жизненной силы. Еще один шаг к онемению.

И тогда он посмотрел на Рунара. И увидел самое сложное. Не рану, не усталость. Вину. Она была не нитью, а целым мрачным узором, вышитым поверх его светящейся сути – уродливым, темным паутинистым наростом, который душил все остальное. Александр видел, как может аккуратно, с хирургической точностью, поддеть этот нарост и снять его. Стереть. Оставить лишь чистый, ясный разум, свободный от груза прошлых ошибок. Он мог даровать ему прощение. Не от Бога, а от самой реальности. Цена? Возможно, какое-то его собственное воспоминание. Может, память об отце. Или ощущение тепла солнечного луча на коже.

Это было высшим искушением. Не уничтожать, а исцелять. Не убивать, а совершенствовать. Он мог стать тем, кто латает дыры в их душах, кто возвращает им силу, кто снимает с них груз. Он мог сделать их счастливыми. Сильными. Непобедимыми.

Он мог стать их ангелом.

Но ангелом, который платил за каждое чудо кусочком сво-

ей человечности. С каждым актом творения он становился бы все ближе к той самой Пустоте, чью мощь он одолжил. Он превращался бы из человека в инструмент, а затем – в жертву, принесенную на алтаре собственного милосердия.

И в глубине этого ослепительного видения, за всем этим сиянием, он чувствовал безразличный, холодный восторг самой Пустоты. Ей было все равно, стирал он или творил. Главное было – действие. Потому что каждое такое действие истончало завесу между мирами. И с каждым разом ее беззвучный Шёпот становился в его разуме чуточку громче.

Соблазн висел в нем тяжелым, сладким ядом. Он был слаще, чем любая мечта о власти, потому что был облачен в одежды милосердия. Сотворить. Не развязать узел, а завязать новый, прекрасный и прочный. Исправить сломанное. Исцелить больное.

Он смотрел на узор Ирины и видел не просто рану. Он видел всю паутину ее страданий – старые шрамы, невидимые шрамы от потерь, трещины усталости, что расходились от ее глаз. Он мог взять и… перевышить все это. Сделать ее цельной. Сияющей. Такой, какой она была до войны, до смерти, до страха. Он мог вернуть ей не просто здоровье, а невинность.

Цена? Еще один кусочек его собственной памяти. Может, воспоминание о первом поцелуе. Или ощущение детского восторга от первого снега. Мелочь. Сущие пустяки в обмен на чье-то счастье.

А Краг… Он мог вышить в него не просто энергию, а уверенность. Не слепую ярость, а непоколебимую веру в победу. Сделать его не просто воином, а знаменем. И за это он, возможно, отдал бы свою способность чувствовать запах дождя. Или вкус материнского супа.

И Рунар… О, Рунар. Он мог стереть с него не только вину, но и всю ту тяжелую мудрость, что гнула его плечи. Вернуть ему легкость юности, жажду открытий без груза ответственности. И все, что потребовалось бы – это пожертвовать каким-нибудь собственным, дорогим убеждением. Может, верой в то, что все в конце концов будет хорошо.

Он мог переписать их всех. Сделать их идеальными версиями самих себя. Счастливыми. Сильными. Свободными.

И он бы стал их богом. Тихим, незримым, жертвующим собой ради их блага.

Но в самой сердцевине этого прекрасного видения таился леденящий душу обман. Потому что, отдавая кусочки себя, он не просто терял их. Он заменял их. Заменял на холодное, безразличное эхо Пустоты. С каждым актом творчества он становился бы все менее Александром и все более… Ничем. Пустым сосудом, который в конечном итоге разобьется, выпустив наружу того голодного зверя, что шептал ему на ухо.

Он понимал теперь. Не было выбора между разрушением и созиданием. Был выбор между тем, чтобы быть человеком с его болью, страхами и утратами, и тем, чтобы стать инструментом совершенства, который медленно самоуничтожает-

ся, творя свой собственный ад под маской рая.

И самое ужасное было в том, что часть него – та, что уже успела прикоснуться к этой мощи, – отчаянно хотела этого. Хотела отдать все, лишь бы увидеть, как они улыбаются. Лишь бы на секунду забыть, что такое боль.

Это была самая изощренная ловушка из всех. Его собственное сострадание превращалось в оружие против него самого.

Прозрение пришло не как вспышка, а как медленное, неумолимое оседание тяжести на дно его существа. Океан сияющих нитей и беззвучного Шёпота начал отступать, как прилив, оставляя после себя холодную, мокрую гальку понимания.

Контроля не существовало.

Эта мысль была проще и страшнее всего, что он видел. Не было рычагов, не было рубильников, не было заклинаний. Было лишь… соглашение. Тихий, безмолвный договор между его волей – той хрупкой, человеческой искрой, что еще оставалась в нем, – и бездонным, равнодушным голодом Пустоты.

Он мог постучаться. Или, вернее, *перестать сопротивляться*. И тогда Мощь просачивалась сквозь него, как вода сквозь треснувший сосуд. Он мог направить ее, задать ей цель – «вот это, убери» или «вот это, исправь». Но это было не управление скакуном. Это было все равно что бросить камень в черное озеро и надеяться, что рябь пойдет в нуж-

ную сторону.

И за каждый такой бросок, за каждое разрешение Мощи пролиться в мир, он платил. Физиологией – кровью, рвотой, болью. Но это была лишь малая часть. Настоящая валюта была иной.

Память. Та самая, что делала его *им*. Вкус первого в жизни пирога. Запах отцовской куртки. Восторг от прочитанной в детстве книги. Все это было нитями в его собственном узоре. И он чувствовал, что каждая из них может истончиться, порваться, исчезнуть, если он будет неосторожен.

Эмоция. Не просто чувство, а сама способность его испытывать. Что, если в следующий раз, заплатив за исцеление Ирины, он навсегда потеряет способность чувствовать к ней что-либо? Ни жалости, ни уважения, ни… ничего. Просто пустота, где когда-то было живое чувство.

Личность. Самое главное. Та совокупность воспоминаний, привычек, страхов и надежд, что была Александром. С каждым использованием Ключа он рисковал стать другим. Чуть более холодным. Чуть более отстраненным. Чуть более… *подходящим* сосудом для вечного Шёпота.

Он не управлял силой. Он заключал с ней сделки. И его личность, его душа, его прошлое – все это было разменной монетой.

Он медленно открыл глаза. Вернулся. К боли в теле, к запаху дыма, к приглушенным голосам спорящих. Но он вернулся другим. Не сильным. Не могущественным. Просчитав-

шимся.

Он понимал теперь, что может использовать Ключ. Но только как последний аргумент. Как ядерную опцию, когда все другие пути исчерпаны и цена уже не имеет значения. Потому что с каждым разом он будет терять то, что делает борьбу осмысленной. Он будет защищать мир, от которого сам будет медленно отдаляться, пока не станет просто призраком у его границ – вечным стражем, который забыл, что именно он охраняет и почему.

Это было не поражение. Это было трезвое, усталое принятие ужасающей реальности. У него в руках был божественный молот. Но каждый удар этим молотом откалывал кусок от его собственного сердца.

На следующее утро, когда серый свет едва разгонял туман над поляной, Александр подошел к Рунару. Он выглядел истощенным, но в его глазах горела не решимость, а мрачная, научная необходимость. Они должны были понять правила этой игры. До того, как игра начнет играть ими.

– Мне нужно попробовать, – сказал он тихо, его голос был хриплым. – Маленькое. Контролируемое.

Рунар, сам бледный и не спавший, лишь кивнул. Он понимал. Они больше не могли просто бояться. Они должны были измерить страх.

Они отошли подальше от лагеря, к опушке. Александр нашел то, что искал – молодой побег папоротника, сломанный пополам кем-то из проходивших накануне. Он лежал, увя-

дая, его жизнь медленно сочилась из него.

– Растение, – сказал Рунар, его голос был безразличным, как у ученого, констатирующего факт. – Простая биологическая форма. Минимальная цена.

Александр кивнул. Он не был в этом уверен. Он сел на корточки, глядя на сломанный стебель. Он не молился. Не концентрировался. Он просто… разрешил. Снова. Как тогда, в бою. Он позволил той силе просочиться сквозь себя, но на этот раз – с крошечной, точечной целью: *«Исправить. Соединить»*.

Эффект был почти незаметен. Сломанные половинки папоротника дрогнули, словно под невидимой рукой, и срослись. Не идеально – остался тонкий, бледный шрам. Но растение было цело. Оно жило.

Александр не упал. Его не вырвало. Он лишь почувствовал, как по его вискам прошелся тупой, давящий удар. Головная боль. Знакомая, почти обыденная. Он вздохнул с облегчением. Это было… терпимо.

Рунар наблюдал, его глаза сузились. Он что-то записывал на клочке пергамента.

– Физиологический отклик – умеренный. Цель достигнута. Что ты чувствуешь?

– Головную боль, – просто сказал Александр. – И… пустоту. Какую-то.

Он встал, и мир на мгновение поплыл. Он вернулся к ла-

герю, к костру, где Ирина молча варила похлебку. Он хотел сказать ей, что все в порядке, что эксперимент прошел успешно.

И тут он это понял.

Он смотрел на нее, и в его сознании была дыра. Зияющая, немотая пустота. Он *знал*, что у него был отец. Он знал, что любил его. Он помнил факты – его имя, как он погиб. Но он не мог увидеть. Он не мог вызвать в памяти его лицо. Оно было смазанным пятном, как старая, выцветшая фотография. Ощущение, что должно быть теплое и дорогое, было холодным и плоским. Он пытался сжать в памяти образ – улыбку отца, морщинки у глаз, – но там ничего не было. Только знание, что когда-то это было.

Его охватила паника. Тихая, внутренняя. Он не закричал. Он просто стоял, пытаясь пробиться через эту стену в своем же разуме. И не мог.

Через несколько часов головная боль прошла. И вместе с ней, как по волшебству, вернулось и лицо отца. Ясное, живое, полное тепла. Он чуть не заплакал от облегчения.

Он нашел Рунара.

– Это сработало, – сказал он, и его голос дрожал. – Растение живое. А я… я на несколько часов забыл лицо своего отца.

Рунар поднял на него взгляд, и в его глазах не было удивления. Только подтверждение самого страшного прогноза.

– Не контроль, – прошептал маг. – Симбиоз. Ты не командуешь силой. Ты кормишь ее. А она… забирает плату. Случайным образом. На этот раз – память. В следующий… кто знает?

Они стояли друг напротив друга, и между ними висела простая, ужасающая истина. Они измерили дозу яда. И теперь знали, что даже самая малая доза калечит. Просто не всегда сразу и не всегда заметно для окружающих.

Это знание осело в нем не как озарение, а как тяжелый, холодный шлак на дне души. Он сидел у потухшего костра, сжимая в руке обычный камень, и перебирал в уме факты, как безжалостные бухгалтерские отчеты.

Факт первый: Сила реальна. Она может стирать тварей Тени. Она может, возможно, нанести удар такой мощи, что изменит ход войны.

Факт второй: Цена реальна. Не абстрактная, а очень конкретная. Его кровь. Его память. Его эмоции. Сама ткань его личности.

Факт третий: Контроля нет. Есть лишь сделка с дьяволом, условия которой диктует дьявол. И с каждой сделкой дьявол забирает себе кусочек его души.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. От усталости? От страха? Или это были уже последствия – тонкое разрушение нервной системы, начавшееся с первого же использования?

И тогда к нему пришло не решение, а приговор.

Он не сможет использовать эту силу в каждой стычке. Он не сможет стать живым оружием, на которое уповают Краг и его сторонники. Потому что, прежде чем он успеет стереть достаточно тварей, чтобы изменить баланс сил, он перестанет быть им. Александром. Тем, кто сражается за что-то.

Он станет пустой оболочкой. В лучшем случае – безумцем, одержимым Шёпотом Пустоты. В худшем… В худшем он станет новым врагом. Существом, которое не просто слушает Шёпот, а *говорит* его голосом. Существом, которое будет не стирать тварей, а переписывать реальность согласно голодной, безразличной логике Небытия. Он станет тем, против чего они сейчас сражаются, только наделенным силой Ключа.

Сила могла изменить исход войны. Но только если ее приберечь. Как последний патрон. Как ядерную кнопку, до которой нельзя дотрагиваться, пока враг не будет стоять в дверях командного бункера.

Ей можно будет воспользоваться лишь однажды. В самый последний, самый отчаянный миг. Когда цена уже не будет иметь значения, потому что альтернативой будет полное уничтожение.

И даже тогда, нажав на эту кнопку, он, скорее всего, уничтожит и себя. Но к тому моменту, возможно, это будет уже не он. А лишь бледная тень, которую не жалко.

Он поднял голову и увидел, как Краг тренируется с топо-

ром, его движения полны новой, обретенной надежды. Он увидел Ирину, которая смотрела на него с тревогой. Он увидел Рунара, который изучал его с магической отстраненностью, как интересный, но опасный феномен.

Они не понимали. Они видели либо оружие, либо угрозу. Они не видели смертника, который уже принес себя в жертву, просто еще не нажал на спуск.

Он сжал камень в ладони до боли. Это была простая, честная боль. Боль живого существа. Вскоре, он знал, и она могла стать для него недоступной роскошью.

Сила была. Но пользоваться ею – значило медленно совершать самоубийство, превращаясь в того, кого придется убить своим же товарищам. И этот вывод был тяжелее любого врага, мрачнее любой Тени. Потому что он означал, что его единственная настоящая битва была не с врагом, а с самим собой. И проиграть ее было страшнее, чем проиграть войну.

Они снялись с лагеря на рассвете, как и планировали. Движение было механическим, лишенным прежней, хоть и хрупкой, общности. Раскол не затянулся. Он замерз, как грязный лед на поверхности реки, скрывая под собой бурные течения.

И теперь, идя по тропе, они образовывали вокруг Александра странный, невидимый периметр. Никто не шел рядом с ним. Ирина и Рунар держались впереди, их спины были напряжены, будто они ожидали удара в спину. Их взгляды,

украдкой брошенные через плечо, были полны не заботы, а бдительности, как смотрят на спящего зверя в клетке.

Краг и его сторонники шли сзади. Но и их взгляды, устремленные на Александра, не несли дружелюбия. В них была жажда. Нетерпеливое, голодное ожидание. Они смотрели на него, как на запертый арсенал, ключ от которого нужно было просто подобрать. В их молчании читался один вопрос: «Когда? Когда ты снова это сделаешь?»

Александр шел в одиночестве в центре этой живой цепи. Он чувствовал их взгляды на своей коже – одни холодные и острые, как иглы, другие – горячие и липкие, как смола. Он был больше не лидером. Он был объектом. Живым оружием, чью мощь они видели своими глазами, но чью цену и непредсказуемость не могли до конца осознать.

Лес вокруг, обычно полный скрытых угроз, теперь казался ему безопаснее, чем его собственные спутники. Каждый шорох, каждый треск ветки заставлял вздрагивать не только его, но и всех остальных. Они ждали, что он среагирует. Что его рука снова потянется к Ключу. Что он снова сотрет какую-нибудь угрозу, заплатив за это новой частью себя.

Он ловил себя на том, что избегает смотреть на них. Особенно на Ирину. Потому что когда он смотрел на нее, его внутренний взор, испорченный прозрением, снова видел не женщину, а узор. И его «рука» – та часть, что была вратами для Мощи, – снова по привычке тянулась к темным, спутанным нитям ее усталости и боли. Искушение «исправить» все

еще висело в нем, сладкий и смертельный яд.

Он сжимал кулаки, чувствуя, как холодный осколок Ключа давит на грудь. Он не был их спасителем. Он был их самой страшной ловушкой. И самым ужасным было то, что они, затаив дыхание, ждали, когда эта ловушка захлопнется, надеясь, что она заберет с собой их врагов, а не их самих.

Путь к Последнему Узлу продолжался. Но теперь они несли с собой не только старые обиды и страх перед Тенью. Они несли с собой тикающую бомбу в облике человека. И все, включая саму бомбу, с замиранием сердца ждали того момента, когда счетчик достигнет нуля.

Осколок Ключа на его груди больше не был просто холодным камнем. За ночь с ним произошла странная метаморфоза. Теперь он был… теплым. Не уютным теплом очага, а тревожным, живым теплом, словно внутри него билось крошечное, чужеродное сердце. Эта теплота была едва заметной, но постоянной, как лихорадочный жар, и Александр чувствовал ее сквозь ткань рубахи – назойливый, неумолимый пульс.

Но это было не самое страшное.

Иногда, когда ветер стихал и в лесу наступала тишина, а его собственные мысли на мгновение умолкали, он улавливал вспышки.

Не в глазах. Глубоко в сознании. Короткие, обрывочные, как кадры из чужого сна.

…вкус крови и страха, не его собственный, а горловой и дикий, орчий…

…ощущение падения с высоты, ветер свистит в ушах, и пронзительный ужас, что это конец…

…лицо эльфийки, не Лэриэль, а незнакомое, искаженное болью, и шепот: «Мать, прости…»

Это были не его воспоминания. Они были чужими. Обрывками того, что он стер.

Тварь, уничтоженная в бою. Ее последнее, животное ощущение себя, ее страх – все это не исчезло бесследно. Оно впиталось в Ключ, как вода в губку. И теперь, когда Ключ «ожил», эти обрывки начали просачиваться обратно в его разум.

Он становился свалкой чужих кошмаров.

Он шел, стиснув зубы, пытаясь отгородиться от этих посторонних вторжений. Но они приходили без предупреждения, вкрадываясь в паузы между его собственными мыслями. Он ловил себя на том, что по непонятной причине ненавидит запах гвоздики – тот самый, что любила та самая незнакомая эльфийка. Или что его рука непроизвольно сжималась в жесте, которым Краг привык держать топор.

Ключ больше не был просто инструментом. Он становился симбионтом. Паразитом, который не только пожирал его самого, но и засорял его сущность обломками тех, кого он уничтожал.

И самое ужасное было в том, что эта чужая боль, эти об-

рывки чужой жизни, начинали ощущаться… привычно. Как будто они всегда были его частью. И он с содроганием думал о том, что будет, когда этих обрывков станет слишком много. Смешается ли его собственное «я» с этим хаосом чужих смертей и страхов? Станет ли он просто сосудом, наполненным эхом уничтоженных им существ?

И в тишине своего разума, за стеной чужих воспоминаний, он слышал тихий, довольный Шёпот. Ему нравилось это смешение. Ему нравилось стирание границ. Потому что в конечном итоге все должно было стать одним. Большим, единым Ничто.

Ночь опустилась на лес, густая и беззвездная. Лагерь затих. Даже Краг и его сторонники, истощенные внутренним напряжением, погрузились в тяжелый, беспокойный сон. Дежурство нес Рунар, сидя у потухшего костра и время от времени бросая на Александра быстрые, скользящие взгляды – проверка состояния опасного оборудования.

Александр не спал. Он сидел, прислонившись к дереву, и смотрел на спящую Ирину. Она лежала, свернувшись калачиком, ее лицо в тени, но лунный свет выхватывал из тьмы линию плеча, сжатые пальцы. Она выглядела уязвимой. По-настоящему уязвимой, без своей обычной солдатской брони.

И тогда это случилось. Без его воли, без усилия. Его восприятие сдвинулось.

Он не видел больше женщину. Он видел… гобелен. Сложный, дышащий узор из сияющих нитей – ее жизнь, ее сила, ее

воля. Но вплетенные в этот узор были другие нити – темные, колючие, оборванные. Шрамы. Не только физические. Более глубокие. Темная, тягучая нить потери форпоста. Острый, колющий узел вины выжившей. Грубое, черное пятно страха, что все повторится.

И его разум, привыкший к новой, чудовищной арифметике, начал подсчитывать.

Вот этот шрам на боку… чтобы его убрать, потребуется, скажем… воспоминание о первом дне в отряде. А эта нить страха… ее можно выжечь. Цена? Возможно, способность смеяться над шутками Крага. А вот этот груз вины… о, это сложный узор. Чтобы его распутать, придется отдать… часть детства. Может, память о том, как учился плавать.

Мысли текли плавно, холодно, с ужасающей эффективностью. Он мог сделать ее целой. Совершенной. Свободной. Он видел, как мог бы переписать ее узор, сделав его чистым, сияющим, без изъянов.

И на мгновение – короткое, порочное, сладкое мгновение – он захотел этого.

Он представил, как протягивает руку – не физическую, а ту, что была у него в новом восприятии, – и касается темной нити ее горя. Как он тянет за нее, чувствуя, как она поддается, и как в ответ где-то в глубине его собственного существа что-то тонкое и хрупкое – память о материнской колыбельной – обрывается и растворяется в Пустоте.

Он физически дернулся назад, ударившись головой о дерево. Сердце бешено колотилось, выбивая дробь чистого, животного ужаса. Он смотрел на Ирину широко раскрытыми глазами, но теперь видел только ее – спящую, раненую, настоящую.

Это была не сила. Это была болезнь. Проказа души. Она заставляла его видеть людей не как людей, а как наборы дефектов, которые нужно исправить. Она превращала его сострадание в калькуляцию, а желание помочь – в сделку по самоуничтожению.

Он сжал Ключ так сильно, что чуть не сломал ногти о камень. Тот был теплым, почти живым. И в его глубине, как отголосок, мелькнул чужой образ – лицо твари, которую он стер, ее последний, немой вопрошающий взгляд.

Он отполз вглубь тени, подальше от всех, и, прижав ладони к лицу, тихо, безнадежно зарыдал. Не от боли. А от осознания того, что самый страшный враг уже не у ворот. Он уже был внутри. И он медленно, неумолимо превращал его в чудовище, для которого даже любовь и жалость были всего лишь валютой в обмен на небытие.

Слезы высохли так же быстро, как и выступили, оставив после лишь солевую корку на щеках и леденящую пустоту внутри. Прорыв был. Он ощущал эту мощь, дремавшую в его груди теплым, живым камнем. Она была реальна, как голодный зверь, прикорнувший у него в ребрах, и он чувствовал каждый ее вздох, каждый поворот в полудреме. Она бы-

ла частью него теперь. Не инструментом, а симбионтом. И она хотела есть.

Следующий шаг, тот, что вел к Последнему Узлу, больше не пугал его перспективой смерти. Смерть была бы милосердием. Он боялся того, что останется *после*. Что он станет тем, кто будет смотреть на мир и видеть лишь швы, подлежащие починке, и узлы, требующие распутывания. Что его друзья станут лишь коллекцией изъянов, которые он обязан исправить, даже ценой собственной души.

Война с Тенью продолжалась где-то там, в большом мире. Но самая страшная битва шла здесь, в тишине его разума. Битва за каждую уцелевшую память, за каждую непроданную эмоцию, за право по-прежнему называть себя Александром.

Он открыл дверь. И тьма по ту сторону теперь смотрела на него его же собственными глазами. Прорыв состоялся. И он принес с собой тишину, в которой был слышен лишь шепот одного, простого, неумолимого вопроса: «Кто кого съест первым?»

Воздух в Зыбучих Топях был густым и неподвижным, словно его выдохло какое-то древнее, спящее в грязи чудовище. Он не просто пах гнилью и разложением; он имел вкус – медный, как старые монеты, застрявшие в горле. Небо, если его можно было разглядеть сквозь желтоватую пелену тумана, было цвета грязной ваты. Ни птиц, ни насекомых. Лишь изредка доносился тихий, пузырящийся звук, будто

что-то большое и ленивое переворачивалось в глубине, и тогда с поверхности воды поднимался пузырь газа, пахнущий тухлыми яйцами и одиночеством.

Они шли. Уже третий день. Молчание было не мирным, а тяжелым, как сырая шерстяная накидка, наброшенная на плечи каждому. Оно впитывало в себя все звуки: скрип доспехов, чавканье сапог по влажной земле, прерывистое дыхание.

Александр шел, как приговоренный к казни, в самом центре этого молчаливого шествия. Он чувствовал себя не лидером, а мишенью. Спина у него горела от взглядов. Одни – быстрые, острые, как уколы булавки, – принадлежали Ирине. Она не смотрела на него с ненавистью. Скорее, с холодным, клиническим интересом, с каким смотрят на нестабильный химический реактив. Другие взгляды, исходившие от Крага и его орков, были иными – тяжелыми, полными немого, нетерпеливого требования. Они ждали, когда он снова превратится в оружие. Когда щелкнет предохранитель, и грянет выстрел. Они уже не видели в нем человека, только функцию. Стену, за которой можно укрыться, или таран, которым можно проломить вражеские ворота.

Их вел Глик. Тщедушный гоблин, похожий на мокрую, испуганную крысу. Он шаркал впереди, его потрепанный плащ волочился по грязи. Он постоянно что-то бормотал себе под нос, облизывал длинные, желтоватые пальцы и вздрагивал от каждого хруста ветки под собственной ногой. Он был их

проводником, их единственной нитью в этом лабиринте гнили, и он же был живым воплощением всего, что они в себе не доверяли.

Краг шел позади, и его ворчание было ровным, как шум далекого водопада. Проклятия, адресованные болоту, эльфам, судьбе и «гоблинской воши», что вела их на убой. Ирина двигалась с солдатской выучкой, но ее рука никогда не покидала рукоять меча, а глаза, уставшие и ввалившиеся, безостановочно сканировали туман, выискивая угрозу, которая, как все чувствовали, уже была среди них. Рунар казался особенно хрупким. Болотная сырость, казалось, проникла в его кости, отяжелила его балахон. Он шел, сгорбившись, и его взгляд был обращен внутрь себя, в лабиринт собственных мрачных мыслей.

Они не были отрядом. Они были скоплением одиноких душ, связанных вместе лишь общим направлением к кошмару и взаимным недоверием, которое витало в воздухе, гуще ядовитого болотного смрада.

Александр шел в своем привычном одиночестве, но теперь это одиночество стало леденящим. Оно было не отсутствием компании, а активной, давящей силой. Он был островом в болоте, и воды вокруг него были ядовиты.

Он чувствовал взгляды на своей коже, как изменения температуры.

Взгляд Ирины был похож на уколы тонкой, ледяной иглы. Быстрые, точные, почти медицинские. Он ловил его краем

глаза – она изучала его затылок, его плечи, его руки. Искала признаки. Тремор? Изменение цвета кожи? Любой намек на то, что «оно» внутри него шевелится. Ее взгляд говорил: «Я здесь, чтобы заметить, когда ты сорвешься. Чтобы решить, что с тобой делать, когда это случится». В ее молчании не было ненависти. Была бдительность, холодная и безжалостная, как сталь ее клинка.

А взгляды Крага и его орков были иными. Они были тяжелыми гирями, висящими на его плечах. Тупыми, давящими, полными немого, голодного ожидания. Они не видели человека. Они видели рычаг. Рычаг, который нужно было вовремя нажать. Сверхоружие, которое нужно было выкатить на поле боя в решающий момент. Когда Краг смотрел на него, Александр почти физически чувствовал, как его собственная воля, его страх, его право выбора стираются, заменяясь одной простой функцией: «Уничтожить».

Между этими двумя видами внимания не было места ему самому. Александру. Тому, кто боялся, кто устал, кто с ужасом чувствовал, как в его груди пульсирует что-то теплое и чужое, жаждущее вырваться наружу.

Он попытался поймать взгляд Рунара, ища в старом маге хоть каплю понимания. Но Рунар смотрел сквозь него. Его взгляд был устремлен внутрь, в лабиринт его собственных мыслей и страхов, и Александр был для него лишь еще одной сложной, опасной и непонятной переменной в уравнении грядущего апокалипсиса.

И так он шел. В буферной зоне между страхом и требованием. В вакууме, где его собственное «я» сжималось, как шагреневая кожа, под давлением чужих ожиданий. Каждый его шаг отдавался в этой тишине громче, чем хлюпанье болота под ногами. Он был центром, вокруг которого вращался весь этот неустойчивый мир, и в то же время – его самой одинокой точкой.

Их вёл Глик. Он был похож на существо, слепленное из самой грязи Зыбучих Топей. Тщедушный, с кожей болотного цвета – серо-зелёной, покрытой шелушащимися пятнами. Его одежда, лохмотья, сшитые из непонятных шкур, насквозь пропиталась запахом гнили и влажной плесени, который был настолько едким, что перебивал даже вонь топи.

Он не вызывал доверия. Ни капли.

Он постоянно шмыгал носом, втягивая обратно струйку мутной жидкости, стекавшей из его ноздрей. Звук был тихим, влажным и отвратительно навязчивым, как тиканье сломанных часов в пустой комнате. Его губы, тонкие и бледные, безостановочно шевелились, будто он вёл бесконечный, безумный диалог с самим собой или с болотом. Доносились лишь обрывки: «…не сюда… не нравится нам… старые кости шепчут…» – произнесенные сиплым, скрипучим шёпотом.

Но самым отталкивающим был его язык. Длинный, бледно-розовый, он то и дело выскальзывал изо рта и медленно, с видом знатока, облизывал его длинные, узкие, жёлтые паль-

цы, будто счищая с них невидимые крошки или пробуя на вкус саму атмосферу болота. Это был нервный тик, от которого сводило зубы.

Он знал тропу. В этом не было сомнений. Он вёл их по, казалось бы, невозможным участкам – кочкам, скрытым под мхом, узким гребням твёрдой глины, невидимым глазу. Он останавливался, вытягивал свою жалкую шею и нюхал воздух, словно гончая, прежде чем сделать следующий шаг.

Краг смотрел на него с таким нескрываемым отвращением, будто гоблин был воплощением всего самого порочного в этом мире. Ирина держалась настороже, её рука не покидала рукоять меча – не из-за внешней угрозы, а из-за этой внутренней, ползучей гадости, что вела их вперёд. Даже Рунар, обычно погружённый в себя, смотрел на Глика с брезгливым научным интересом, как на редкий и ядовитый экземпляр гриба.

Он был их спасителем и их проклятием. Единственной нитью Ариадны в этом кошмаре, сотканной из чего-то липкого и отталкивающего. И с каждым его шмыганьем, с каждым движением жёлтого языка по жёлтым пальцам, доверие к этой нити истончалось, как паутина над пропастью.

Краг был похож на раздраженного медведя, попавшего в капкан. Его низкое, непрерывное ворчание стало саундтреком их путешествия по топи. Это были не просто слова, а серия гортанных проклятий, выдыхаемых с каждым шагом.

– …вонючее болото… гоблинская падаль… лучше бы с тварями драться… – его голос был густым, как смола, и ядовитым, как болотные испарения.

Но страшнее были его взгляды. Он смотрел на спину Глика с такой немой, концентрированной ненавистью, что, казалось, мог прожечь в ней дыру. Его пальцы сжимались и разжимались на рукояти топора, и каждый раз, когда Глик невнятно бормотал или облизывал пальцы, мускулы на челюсти Крага напрягались, словно он пережевывал кости гоблина.

Ирина была его полной противоположностью. Ее молчание было громче любого ворчания. Она шла, как тень, ее движения были беззвучными и эффективными. Но ее правая рука – всегда, без исключений, – лежала на эфесе ее меча. Пальцы не сжимали его, а просто лежали на нем, как на пульсе умирающего. Это был не сознательный жест, а глубоко укоренившийся инстикт. Ее глаза, острые и уставшие, не отрывались от тумана. Они не просто сканировали местность. Они впивались в пелену, выискивая малейшее движение, малейший намек на форму, которая не должна была быть там. Она сражалась с невидимым врагом, который, она чувствовала, уже дышал ей в затылок.

А Рунар… с болотом происходило что-то неладное. Оно не просто окружало его. Оно поглощало его. Его кожа приобрела болезненный, восковой оттенок, а впалые щеки каза-

лись ввалившимися еще сильнее. Он не кашлял, но его дыхание стало поверхностным и хриплым, словно сырость поднималась по его легким, как вода по фитилю. Он шел, сгорбившись, и его взгляд был обращен внутрь, но не в поисках ответов, а будто он наблюдал, как сама его жизненная сила медленно вытекает в ядовитую почву под ногами. Он выглядел не просто старым. Он выглядел простуженным смертью.

Глик внезапно остановился, его жёлтый палец дрожа ткнул вперёд.

– Там! – просипел он. – Твёрдая земля! Остров!

Сквозь пелену тумана и чахлые, искривлённые деревья они действительно увидели его. Островок. Небольшой участок земли, поросший жёстким, бурым мхом, который казался неестественно зелёным на фоне всеобщего упадка. Он выглядел спасительно твёрдым после часов хождения по зыбкой хляби.

На мгновение в группе мелькнула искра надежды. Даже Краг на секунду замолчал, его взгляд с жадностью вымерил расстояние до этого клочка суши.

– Быстро, быстро! – засеменил Глик, первым ступив на мох. – Не задерживаться!

Они потянулись за ним, цепочкой, всё ещё сохраняя дистанцию. Мох под ногами действительно был упругим и надёжным. Ирина слегка расслабила хватку на мече. Александр почувствовал, как на мгновение отпускает леденящее

напряжение в спине. Это была передышка. Маленькая, но такая желанная.

Именно в этот момент, когда молодой орк по имени Горн, один из самых ярых последователей Крага, сделал свой роковой шаг.

Он был молодым, горячим, его мускулы были наполнены нерастраченной силой. Возможно, он захотел догнать Глика. Возможно, просто устал идти с осторожностью. Он ступил не на упругий мох, а на его край, где зелёный покров был чуть тоньше и сливался с чёрной грязью.

Земля под ним не провалилась. Она подалась. С глухим, чавкающим, почти живым звуком. Не с резким хлюпаньем, а с тягучим, неспешным всасывающим движением, будто болото разжало челюсти.

Горн ахнул – не крик, а короткий, удивлённый выдох, – и чёрная, маслянистая жижа схватила его за ногу по самое колено. Он не упал, а словно врос в трясину. Его лицо, секунду назад полное уверенности, исказилось шоком, а затем паникой. Он попытался рвануться, но это лишь утянуло его глубже.

– Не двигайся! – закричала Ирина, но было поздно.

Поднялся переполох. Орки бросились вытаскивать своего собрата, хватая его за руки, за ремни доспехов. Глик, стоя в безопасности в центре островка, заламывал руки, его визгливый голос резал слух:

– Я же говорил! Нельзя тяжелых! Болото не любит тяжелых! Оно живое! Оно чует силу!

Краг, не помня себя от ярости и страха за своего воина, рванулся к гоблину и с силой вдавил его в мох, схватив за шиворот.

– Ты! – его рык был полон такой ненависти, что, казалось, мог воспламенить туман. – Это твоих рук дело, гоблинская падаль! Ты ведёшь нас в ловушку!

Глик затрясся, его глаза стали круглыми от ужаса, но в их глубине, как показалось Александру, на долю секунды мелькнуло нечто иное. Не страх. Удовлетворение.

– Я вёл по тропе! – взвизгнул гоблин. – Он сам пошёл не туда! Виноват тот, кто не смотрит под ноги!

Ирина грубо оттащила Крага.

– Хватит! Он наш проводник. Мы сами должны быть осторожны. Вытаскивай своего воина!

Горна, в конце концов, вытащили. Он стоял, бледный, весь в чёрной, вонючей жиже, его нога была обожжена едкой грязью. Он давился рвотой, его трясло. Он был жив. Но первая кровь – моральная – была пролита. И виноватыми в глазах Крага и его орков были все, кроме них самих: болото, судьба, и этот жалкий, визжащий гоблин, который со своей «безопасной тропы» смотрел на них с непроницаемым лицом.

Это произошло не с громким хлюпаньем, а с низким, глухим чавкающим звуком, который был куда страшнее. Звуком, с каким очень сырое, очень жирное мясо отрывают от кости. Земля под ногой молодого орка Горна не провалилась. Она подалась. Она behaved not like soil, but like the rotten belly of a dead beast. One moment he was there – молодой, горячий, его мускулы, наполненные яростью и скукой, толкали его вперед быстрее осторожных старших. Следующая – чёрная, маслянистая жижа, холодная как могила и пахнущая тысячелетней гнилью, схватила его за ногу. Не просто облепила. Втянула. С той самой неспешной, неумолимой силой, с какой болото переваривало века. Горн ахнул – коротко, удивлённо, по-детски. Его глаза, полные уверенности, расширились от непонимания, а затем – от щемящего, животного ужаса. Он не упал. Он просто погрузился. По пояс. Чёрная жижа облепила его, как смола, и леденящий холод её просочился сквозь кожу, доспехи, прямо в кости. Он попытался рвануться, инстинкт заставил его напрячь свои могучие мускулы. И это была роковая ошибка. Движение, которое на тверди отбросило бы врага на несколько футов, здесь лишь утянуло его глубже. Жижа с тихим, удовлетворенным чавком приняла его бедро. Воздух с шипением вырвался из кармана, образовавшегося под ним, и запах сероводорода стал вдвое сильнее. Горн замер, его дыхание стало частым и прерывистым. Он смотрел на своих товарищей, и в его глазах был уже не ужас, а беспомощность. Беспомощность суще-

ства, попавшего в капкан, который оно не в силах понять. С него, с его волос, с поднятых в отчаянии рук, капала чёрная слизь. Он был не воином. Он был жертвой. И болото медленно, не спеша, втягивало его в свои бездонные, равнодушные внутренности.

На мгновение повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь бульканьем трясины и прерывистым, свистящим дыханием Горна. А потом чаша терпения переполнилась, и всё погрузилось в хаос.

– Горн!

– Держись, брат!

Орки, движимые яростью и ужасом, бросились вперёд, не глядя под ноги. Руки в цепких рукавицах впились в доспехи, в ремни, в любую часть тела товарища, за которую можно было ухватиться. Они тянули, рыча от напряжения, их мускулы вздулись под кожей. Чёрная жижа не хотела отпускать свою добычу, она издавала отвратительные, хлюпающие звуки, словно чьи-то ненасытные губы. Наконец, с громким, рвущим уши чмоком, болото отпустило его.

Горн рухнул на упругий мох, весь в чёрной, липкой слизи. Он не кричал. Он лежал на боку, его тело сотрясали спазмы, и он давился рвотой. Но это была не обычная рвота. Из него извергалась та самая чёрная жижа, смешанная с желудочным соком, густая и блестящая. Она пахла не просто вонью. Она пахла могильным холодом и абсолютной чужерод-

ностью. Зрелище было настолько отвратительным и унизительным, что даже бывалые воины отворачивались.

И в этот момент, когда спазмоты Горна пошли на убыль, все взгляды – медленные, тяжёлые, как удары молота – повернулись к Глику.

Гоблин стоял в стороне, съёжившись, его тщедушное тело казалось ещё меньше. Он не пытался помочь. Он просто смотрел, и его лицо было маской испуганной невинности. Но было уже поздно.

Краг был рядом с ним в два шага. Его мощная рука впилась в потрёпанный воротник Глика, приподняв его так, что жёлтые ступни гоблина забились в воздухе.

– Ты! – прорычал орк, и его голос был низким, обещающим расправу. Слюна брызнула с его губ. – Это ты, гоблинская падаль! Ты вёл нас по гиблому месту! Ты подстроил это!

Глик затрясся, его глаза стали круглыми, как блюдца.

– Нет! Нет, господин! Клянусь костями предков! Остров крепкий! Он сам… он сам пошёл не туда, куда надо! Болото не любит, когда на него наступают с силой!

Но его визгливые оправдания тонули в громе общего возмущения. Ирина не смотрела на Глика. Она смотрела на тропу позади, на туман впереди, её лицо было каменным. Она не знала, кто прав. Но она знала одно: проводник, который ведёт их в места, где земля пожирает людей, – это проблема.

И решать её придётся. Скоро.

Гоблин заламывал руки так, словно пытался вывернуть их из суставов. Его тщедушное тело сжалось в комок нервов и страха. А его голос, всегда сиплый и бормочущий, взвизгнул до пронзительной, разрывающей уши тональности, похожей на скрежет железа по стеклу.

– Путь меняется! – выкрикнул он, и его глаза, широко раскрытые, бегали от одного гневного лица к другому, не находя спасения. – Болото живое! Я же говорил! Оно дышит! Оно шевелится под ногами! Оно… оно не любит тяжелых!

Он ткнул дрожащим пальцем в сторону Горна, которого орки все еще оттирали от черной слизи.

– Оно чует силу! Чует вес! Чует железо! Оно тянет вниз тех, кто громко ступает и тяжело дышит!

Слова лились из него потоком, смесь оправданий и суеверного ужаса. Но в его визге, в этой истерике, была странная, извращенная логика. Зловещая поэзия болота, которое было не просто местом, а существом с капризами и предпочтениями.

Краг, все еще державший его за воротник, тряхнул гоблина, как тряпку.

– Врешь! – его рык был полон презрения. – Ты завел нас сюда нарочно!

– Нет! Клянусь! – Глик захлебнулся, его язык снова

мелькнул, облизывая пересохшие губы. – Я веду по тропе… но тропа… она плывет! Как дым! Я веду вас по спине спящего зверя, а он… а он ворочается!

Он говорил о болоте, как о живом существе. И в тот момент, глядя на неподвижную, зловещую гладь воды и гниющей растительности, слушая его истошный шепот, некоторые – не Краг, никогда не Краг, но, возможно, кто-то из младших воинов или даже Рунар с его знанием древней магии, – могли бы почувствовать, как по спине пробегает холодок. Что если он не врет? Что если это место и вправду живое? И что если их проводник ведет их не через него, а прямо в его желудок?

Но для Крага это были лишь слова. Слова труса, пытающегося спасти свою вонючую шкуру. И его терпение лопнуло.

Они шли уже который день, и топи стали их миром. Миром, состоящим из двух оттенков: грязно-серого неба и ржаво-бурой жижи под ногами. Воздух был густым и влажным, им было тяжело дышать, словно легкие наполнялись не кислородом, а болотным испарением – невидимой, ядовитой плесенью.

Это не было эпическим переходом через пограничные рубежи. Это была изматывающая рутина. Каждый шаг требовал внимания. Нога ставилась не на землю, а на подозрительный комок мха, на зыбкую кочку, на скрытый под плёнкой воды корень. Они не шли – они пробирались, как больные

животные, и каждую минуту ожидали, что почва уйдёт из-под ног.

Их вёл Глик. Он был их глазами в этом слепом царстве. Он не внушал доверия. Его тщедушная фигурка, вечно шмыгающий нос и привычка облизывать длинные жёлтые пальцы вызывали почти физическое отвращение. Но он знал тропу. Тот единственный, призрачный путь, что змеился между трясинами. Он шёл впереди, его походка была шаркающей и неуверенной, но он никогда не колебался в выборе направления. Он вёл их, и они, как проклятые, были вынуждены следовать за ним.

Краг шёл, сжимая рукоять топора до хруста в костяшках. Его ворчание стало фоновым шумом, но в его глазах кипела безмолвная ярость. Он ненавидел это место. Ненавидел свою зависимость от этого жалкого гоблина. Ненавидел вынужденную осторожность, которая была противна его природе.

Ирина двигалась как тень, её рука не покидала эфес меча. Но это уже не была готовность к бою. Это была дремлющая напряжённость, ставшая её вторым «я». Её глаза, уставшие и ввалившиеся, сканировали туман, но уже не искали в нём конкретную угрозу. Они просто констатировали бесконечную, унылую опасность.

Даже Рунар казался частью пейзажа. Болотная сырость пропитала его балахон, сделала его кожу серой и восковой. Он шёл, не поднимая глаз, погружённый в тяжёлые разду-

мья, будто читал заклинание, которое уже не могло их спасти.

А Александр… он шёл, чувствуя, как грань между внутренним холодом Ключа и внешним холодом болота стирается. Он был просто ещё одним телом в этой веренице обречённых, плетущихся через топи, которые могли в любой момент проглотить их без следа и напоминания. Это была не битва. Это было медленное, тоскливое угасание, и последней каплей становился не громкий провал, а это бесконечное, тягучее ожидание его.

Глик вывел их к старому, скрившемуся мосту из черного, отсыревшего дерева, переброшенному через особенно зловонный проток. Вода внизу была неподвижной и мутной, как глаз мертвеца.

– Быстро, быстро! – засеменил гоблин, его голос сорвался в визгливый шепот. – Здесь нельзя медлить! Духи протока не любят, когда тревожат их сон!

Мост выглядел древним, поросшим слизью, но прочным. Балки, вросшие в берега, казались монолитными. Он внушал не доверие, но смутную надежду на продолжение пути.

Ирина ступила на него первой, проверяя весом. Доски слегка прогнулись, заскрипели, но выдержали. Она кивнула остальным. Один за другим они начали переходить. Александр почувствовал, как Ключ на его груди издал едва уловимую вибрацию – не тревогу, а скорее скучающее пощипывание, будто кто-то провел пальцем по струне расстроенного

инструмента.

Краг со своими орками двинулся в середине колонны. И именно в тот момент, когда основная группа была уже на другом берегу, а Краг и еще двое его сородичей оказались в самой середине пролета…

…раздался звук.

Не громкий треск, а тихий, сухой щелчок, словно переломилась кость. Затем – нарастающий, утробный скрежет. Казалось, не мост рушится, а ломается хребет какого-то спящего гиганта.

Центральная часть моста под ногами орков провалилась вниз не с грохотом, а с тяжелым, всасывающим плеском. Двое орков, не успев издать ни звука, исчезли в черной, маслянистой воде, которая тут же сомкнулась над ними, не оставив и пузыря. Краг, обладающий звериной реакцией, отпрыгнул назад, на ту часть моста, что еще держалась, и ухватился за балку. Его лицо исказилось не яростью, а немым шоком.

Наступила тишина. Гробовая. Нарушаемая лишь тихим потрескиванием оседающих обломков и тяжелым дыханием Крага.

Все обернулись на Глика. Гоблин стоял на безопасном берегу, его рот был открыт, а глаза – круглы от «ужаса». Но его руки были странно спокойно сложены на животе. И в этой неестественной позе, в этой идеально сыгранной маске, читалось нечто иное. Знание.

Это был не несчастный случай. Это была демонстрация. Мелкий, но чудовищно подозрительный инцидент. Кто-то знал. Кто-то рассчитал. И теперь все они понимали – их ведут не просто через болото. Их ведут по лезвию ножа, и рука, что держит этот нож, готова в любой момент его повернуть.

Шока хватило ровно на три секунды. Потом воздух разорвал гортанный рев Крага, цеплявшегося за остатки моста. Это был не крик ярости, а звук чистейшего, животного унижения. Его сородичи, его боевые братья, исчезли. Не в честном бою, а в тихом, удушающем объятии болота, как последние подонки.

Орки на берегу бросились к краю, протягивая руки, но между ними зияла чёрная, неподвижная вода. Ни всплеска, ни пузырей. Болото проглотило их и переварило за мгновение.

– Ты! – завыл Краг, его взгляд, полный безумия, впился в Глика. – Я разорву тебя на куски!

Он попытался перебраться обратно, но мост под ним с треском осел ещё сильнее, угрожая окончательно обрушиться.

– Стой! – скомандовала Ирина, её голос был резким, как удар кнута. В нём не было сочувствия, только холодный расчёт. – Ты тоже погибнешь! Все, назад от края!

Их положение было отчаянным. Они были разделены. Основная группа – Александр, Ирина, Рунар и часть отряда – на одной стороне. Краг и ещё несколько орков – на другой,

на полуразрушенном мосту, который в любой момент мог рухнуть окончательно. А между ними – проток, вода в которой внезапно казалась не просто грязной, а сознательно враждебной.

Рунар подошёл к воде и провёл рукой над её поверхностью. Его лицо стало ещё мрачнее.

– Магия здесь… инертна. Как будто её высосали. Я не могу создать даже простейший ледяной мост.

Они оказались в ловушке. Не в ловушке из стали и засовов, а в ловушке из топи и двенадцати ярдов непроходимой, отравленной воды. Они потеряли людей. Они потеряли время, которое было на вес золота. Они потеряли ресурсы – снаряжение погибших орков теперь лежало на дне протока.

И всё это из-за «несчастного случая». Из-за старого моста. Из-за проводника, который сейчас смотрел на них с тем же испуганным выражением лица, но в чьих глазах, если приглядеться, можно было разглядеть странное, почти аптекарское спокойствие. Он сделал свою работу. Замедлил их. Посеял раздор. И все его действия можно было списать на коварство болота.

Они не просто стояли на двух берегах. Они стояли по разные стороны пропасти недоверия, и моста через неё уже не существовало.

На другом берегу Краг был похож на раненого быка, загнанного в угол. Его ярость, не найдя выхода в действии, об-

рушилась на ближайшую мишень. Он повернулся не к Глику – тот был вне досягаемости, – а к своим спутникам, его глаза, налитые кровью, выискивали чужака, врага, причину этого унижения.

– Видите?! – его голос гремел, сотрясая влажный воздух. – Видите, что творят эти твари?! Это их рук дело! Их гнилая магия или гоблинские уловки!

Он не конкретизировал, но его взгляд, тяжелый и обвиняющий, скользнул по Рунару, потом по немым, напряженным эльфийским лучникам, и, наконец, через проток, к съежившемуся Глику.

– Они ведут нас на убой! Сначала болото, теперь мост! Они заманивают нас в ловушку, чтобы не делить «славу» у Последнего Узла! Или чтобы отдать Тени в обмен на свои жалкие шкуры!

Его слова, грубые и параноидальные, тем не менее, падали на благодатную почву. В сердцах его орков, видевших, как гибнут их братья, зрело то же темное семя. Им нужен был виноватый. И проще всего было винить тех, кто не был орком.

– Краг, замолчи! – голос Ирины прозвучал резко, но без прежней силы. Она стояла, сжав кулаки, и ее собственный взгляд был не спокоен. Он метался от Глика к Рунару, к молчаливым эльфам, и в нем не было призыва к порядку, а лишь горькое, разъедающее подозрение.

– Мы не знаем, что это было, – сказала она, но в ее тоне

слышалось: «Но я тоже никому не верю».

– Может, это была просто случайность. Старое дерево. Или… – она не закончила, но все поняли. *Или кто-то устроил это.*

Она не поддерживала Крага в его яростных обвинениях, но и не защищала остальных. Она оказалась в подвешенном состоянии – между солдатским долгом сохранить отряд и животным инстинктом, который шептал, что опасность не только впереди, но и рядом.

И в центре этого назревающего шторма стоял Александр. Он видел, как трещина, пролегавшая между ними с крепости, не просто углубилась. Она расколола их на два лагеря, разделенные не только водой, но и ядовитым недоверием. И он, с его силой, которая могла бы, возможно, создать мост или просто стереть проток, чувствовал себя абсолютно беспомощным. Потому что любое его действие теперь было бы воспринято одной из сторон как доказательство ее правоты или как акт агрессии. Он мог бы спасти их из физической ловушки, но как спасти от ловушки, что была у них в головах?

После того как ярость Крага немного утихла, сменившись леденящим, молчаливым бешенством, наступила фаза вынужденного бездействия. Они не могли идти вперёд. Они не могли вернуться назад. Они были парализованы.

Именно в этой гнетущей тишине, пока одни безуспешно пытались найти способ переправить Крага, а другие просто

сидели, уставившись в воду, Ирина заметила нечто.

Она подошла к тому месту, где мост ещё держался, к скрюченным, почерневшим балкам. Её взгляд, вышколенный годами службы, уловил странную аномалию. Не на самом дереве, а под ним. На поверхности воды, в тени обломков, плавало нечто, напоминавшее комок тины или спутанные водоросли. Но течение здесь было нулевым, а этот комок… он был слишком правильной формы.

Она молча достала длинную ветку и, преодолевая отвращение, подцепила его. То, что она вытащила, заставило её кровь похолодеть.

Это была не тина. Это была кукла.

Слепленная из болотной глины и тины, скреплённая чёрными, жёсткими волосами, похожими на конский волос. У куклы не было лица, лишь три углубления – два для глаз и одно для рта. Но самое жуткое было в её «руках». Они были сложены вместе и сжимали миниатюрную, идеально вырезанную из тёмного дерева копию их моста. И центральная часть этой крошечной копии была переломлена.

Кукла была тёплой. Не от солнца, а будто её только что держали в руках.

– Рунар, – тихо позвала Ирина, и в её голосе не было ни страха, ни паники. Был холодный, безразличный ужас.

Маг подошёл и, увидев куклу, замер. Его лицо вытянулось.

– Фетиш, – прошептал он. – Примитивное, но… эффективное колдовство. Кто-то не просто подпилил балки. Кто-то… символически сломал мост. Намерение, воплощённое в глине и грязи.

Он осторожно взял куклу. Она была липкой и на удивление тяжёлой.

– Это не магия эльфов. И не гномья работа. Это… древнее. Народное. Болотное.

Все взгляды снова, медленно и неумолимо, поползли к Глику. Гоблин, увидев куклу в руках Рунара, издал тонкий, завывающий звук и отшатнулся, крест-накрест сложив руки на груди – древний жест, отгоняющий сглаз.

– Это не я! – запищал он. – Это Болотная Старуха! Она следит за нами! Она не пускает!

Но его слова уже ничего не значили. Улика была найдена. И она была хуже, чем записка с планами. Она была материальным доказательством намеренного, ритуального зла. Кто-то не просто хотел их задержать. Кто-то провёл тёмный, грязный обряд, чтобы обречь их на гибель. И этот кто-то был среди них.

Пока одни с ужасом разглядывали зловещую куклу, Рунар отошёл в сторону, его ум, несмотря на усталость, лихорадочно работал. Знак на кукле… три углубления… Он что-то знал об этом. Что-то из глубоких, пыльных архивов, куда не заглядывали века.

Он опустился на корточки у воды, не глядя на неё, и начал водить пальцами по влажной земле, рисуя знаки, вспоминая. И тут его взгляд упал на клочок пергамента, застрявший в расщелине коряги у самого уреза воды. Не белый, чистый лист, а грязный, потрёпанный клочок, будто вырванный из самой старой и потрёпанной книги в мире. Его почти не было видно – он сливался с грязью и мхом.

Рунар подобрал его. Пергамент был грубым на ощупь, пахнущим плесенью и чем-то кислым. На нём были начертаны строки на забытом наречии, которое он с трудом узнал – языке магов-отступников, изучавших запретные грани реальности. Но это было не просто послание. Оно было зашифровано. Символы плясали перед глазами, их значение ускользало.

И тогда он увидел его. В углу пергамента, почти стёртый, но узнаваемый. Знак.

Три впадины, расположенные в виде треугольника. Такие же, как на лице куклы. Тот самый знак, что красовался на печати в отчётах о «Болотных Смотрителях» – секте магов-отступников, которые столетия назад пытались заключить договор с «древним сознанием топей», как они это называли. Их считали уничтоженными. Их труды – сожжёнными.

И вот их знак. Здесь. Сейчас.

Рунар поднял голову, его лицо было пепельно-серым. Он посмотрел на группу, на Глика, на Ирину, на Александра.

– Это не просто колдовство, – его голос был беззвучным шёпотом, но он прозвучал громче любого крика. – Это… наследие. Ритуал Болотных Смотрителей. Они не исчезли. Их знание… живет.

Он не смотрел ни на кого конкретно, но его слова повисли в воздухе обвинением. Это означало, что предатель – не просто наемник или шпион. Это был кто-то, причастный к древним, тёмным культам. Кто-то, кто верил в то, что делал. И этот кто-то обладал знанием, способным не просто сломать мост, а, возможно, и навлечь на них нечто гораздо более страшное, чем простая смерть в трясине.

Пока Рунар изучал зловещий пергамент, а напряжение нарастало, один из молодых орков, помогавший осматривать место обрушения, наклонился, чтобы поднять свою флягу. И замер.

Из грязи, выброшенной на берег коллапсом моста, торчал край чего-то знакомого. Он наклонился ниже, сгрёб липкую грязь и вытащил предмет.

Это была погремушка-талисман.

Не детская игрушка, а ритуальный предмет орков Пятого Гребня. Сделанная из кости крупного зверя, обтянутая кожей и украшенная резьбой, изображающей сцены охоты. Внутри что-то мелкое и сухое перекатывалось с тихим, шелестящим звуком – косточки ящериц, по поверьям, отводящие злых духов.

Все узнали её. Это был талисман Горна. Молодого орка,

что первым провалился в трясину у мшистого острова. Талисман, который, как он сам с гордостью говорил, носил с детства и никогда не снимал. Талисман, который должен был уйти на дно болота вместе с ним.

Но он был здесь. Чистый. Слишком чистый для предмета, пролежавшего в болотной жиже. Кость была белой, резьба – отчётливой. Лишь у основания, где он торчал из грязи, виднелись свежие, влажные пятна.

Орк, нашедший его, протянул талисман Крагу. Тот взял его своей огромной, покрытой шрамами рукой. Его пальцы сомкнулись вокруг кости, и по его лицу пробежала судорога. Он помнил, как Горн хвастался им у костра всего несколько дней назад.

– Как? – единственное слово вырвалось у Крага. Оно было тихим и полным чего-то худшего, чем ярость. Холодного недоумения.

Это было невозможно. Течение здесь отсутствовало. Даже если бы талисман каким-то чудом отцепился, он должен был лежать на дне в метре от того места, где погиб Горн. А не здесь, на берегу, будто его аккуратно положили.

Ирина подошла ближе, её глаза сузились.

– Он был на нём, когда… когда его затянуло? – спросила она, и в её голосе не было сомнений. Она знала, что был.

Краг молча кивнул, не отрывая взгляда от талисмана.

Это была не просто улика. Это было послание. Жестокое,

насмешливое и бесконечно злобное. Кто-то не просто убил Горна. Кто-то забрал сувенир. А теперь подбросил его им, как молчаливый упрёк, как доказательство своей власти над жизнью и смертью. И этот кто-то был здесь, среди них, и, возможно, с улыбкой наблюдал, как они разглядывают этот жуткий трофей, поднятый из могилы их товарища.

Пока другие с ужасом разглядывали то зловещую куклу, то древний манускрипт, то насмешливый талисман, Александр стоял в стороне. Шум споров, крики Крага, шепот Рунара – всё это доносилось до него как сквозь толстое стекло. Его внутренний взор был обращён вовнутрь, на ту странную, болезненную «зоркость», что открылась в нём.

Он смотрел на группу, и его восприятие снова сдвигалось. Он видел не просто людей. Он видел их силуэты, сотканные из переплетающихся нитей жизненной силы, воли, страхов. Ирина сияла ровным, но уставшим светом. Рунар был сложным, древним узором, местами потускневшим. Краг – сгустком яростной, багровой энергии.

И тогда он увидел это.

На одном из спутников – не на Глике, что было бы слишком очевидно, и не на яростном Краге – висел едва заметный, фантомный шлейф. Он был цвета гниющей фиалки и мокрого пепла, и тянулся он не к болоту, а куда-то вглубь, в сторону, откуда, как они знали, надвигалась Тень. Этот шлейф был похож на паутину, невидимым якорем впившуюся в душу этого человека. Он был следом. Следом контакта.

Это не было активным заклинанием. Это было клеймо. Отметина, оставленная прикосновением Тени. Как шрам от ожога, который светится в ультрафиолете. Этот человек не просто служил Тени по принуждению или за плату. Он был отмечен ею. С ним говорили. Ему что-то обещали. И он носил эту метку, этот невидимый ошейник, даже не подозревая, что Александр теперь может его видеть.

И самое ужасное – этот шлейф пульсировал. Словно по нему передавалась информация. Их местоположение. Их слабости. Их страх.

Александр почувствовал, как по его спине пробежал ледяной пот. Он знал. Он знал, кто предатель. И это знание было тяжелее любого камня. Потому что сказать это – значит обречь этого человека на немедленную смерть от руки Крага. Но промолчать – значит вести их всех прямиком в пасть к врагу.

Он стоял, разрываясь между ужасающей ясностью своего нового зрения и страшной ответственностью, что оно на него возложило. И тихий Шёпот в его голове, казалось, усмехался, наблюдая за его мукой.

Шлейф чужеродной магии, тот самый, что видел только Александр, тянулся не к Глику. Не к яростному орку. И даже не к молчаливому эльфийскому лучнику.

Он исходил от Элвина.

Молодого эльфа-целителя, которого они нашли полусмерти на окраине сожжённой Тенью рощи несколько недель

назад. Он был ранен, истощён, почти безумен от горя. Они подобрали его, выходили. Ирина лично делилась с ним своей скудной едой. Рунар пытался вернуть свет в его потухшие глаза. Он был тихим, благодарным, всегда готовым помочь – перевязать рану, найти съедобные коренья, спеть успокаивающую песню на своём мелодичном языке. Он стал своим. Тихой, безобидной частью их отряда.

Именно на нём Александр видел тот фантомный, сиреневый шлейф. Он исходил из старой раны на его плече – раны, которую, как он говорил, ему нанесли когти твари. Но теперь Александр видел истину. Это была не просто рана. Это была печать. Врата, через которые Тень впустила в него свою частичку.

Элвин даже не подозревал, что он – марионетка. Тень не просто завербовала его. Она инфицировала его. Его благодарность, его желание помочь, его тихая преданность – всё это было настоящим. Но поверх этого, как паразит, жила воля Тени, которая использовала его как свой глаз и уши. Возможно, во сне он слышал шёпот, который он принимал за собственные мысли. «Предупреди их о опасности… помоги им найти короткий путь… положи этот камень у костра, чтобы отогнать злых духов…»

И он, добрый, сломленный Элвин, верил, что помогает своим спасителям. А на самом деле вёл их прямиком в ловушку. Он был идеальным шпионом. Не потому что был искусным лжецом, а потому что даже не знал, что лжёт.

Александр смотрел на него и видел не монстра, а жертву. Ещё одну жертву в этой бесконечной войне. И мысль о том, чтобы выдать его Крагу, который разорвёт его на куски за предательство, которого тот даже не осознавал, была невыносимой.

Но что же тогда делать? Молчать? Пока этот заражённый, не ведающий того враг ведёт их всех к гибели?

Улики – кукла, пергамент, талисман – лежали на мшистом камне, как обвинительный акт. Им не хватало лишь имени. Но ярости Крага имя было не нужно. Ему нужна была кровь.

– Довольно! – его рёв перекрыл все споры. – Мы тут сидим, как старухи на базаре, а среди нас змея! Шпион Тени! Он уже двух моих братьев в грязь утопил! Я больше не буду ждать, пока он зарежет нас во сне!

Его сторонники, орки и несколько самых озлобленных гномов, подхватили крик. Их оружие было уже наготове.

– Смерть шпиону!

– Покажи его!

– Пусть заплатит кровью!

Они сбились в тесную, агрессивную группу, их глаза горели жаждой расправы. Они образовали стихийный суд Линча, и приговор был предрешен еще до того, как назвали имя подсудимого.

Ирина пыталась вставить слово, её голос пытался прорваться через этот гвалт.

– Мы не знаем, кто это! Бездоказательные обвинения погубят нас вернее любого предателя!

– Доказательства?! – завопил Краг, ткнув пальцем в зловещие артефакты. – А это что?! Подарки?! Он насмехается над нами!

Но даже Ирина, призывая к спокойствию, не смотрела на Глика. Её взгляд, полный тяжёлого подозрения, скользил по другим – по молчаливым эльфам, по бледному Рунару, по самому Александру. Она больше не верила никому.

Рунар стоял в стороне, его лицо было маской усталого отвращения. Он видел, как рушится не просто отряд, а сама идея союза. Его знания были бесполезны против этой животной ярости.

А в центре этого безумия, прижавшись к стволу дерева, стоял Элвин. Его изящные руки дрожали, а глаза были полены слезами настоящего, неподдельного ужаса. Он видел, как смотрят на него некоторые из орков, и съёживался, будто пытаясь стать невидимым.

– Я… я не… – попытался он прошептать, но его голос утонул в рёве.

И все взгляды, в конце концов, как по команде, устремились на Александра. На того, у кого была сила. Сила узнать

правду. Сила положить конец этим спорам одним махом. В их глазах читался немой вопрос, а в глазах Крага – прямое требование: «Используй это! Сделай что-нибудь!»

Александр стоял, чувствуя, как тяжесть их ожиданий давит на него сильнее, чем вся тяжесть болота. Он знал имя предателя. Но, глядя на перекошенное от страха лицо Элвина, он видел не врага. Он видел проклятую душу. И самый страшный выбор в его жизни висел на волоске.

Когда взгляды и ярость толпы наконец сфокусировались на нём, Элвин не попытался бежать. Он просто… съёжился. Слёзы текли по его бледным щекам, но его голос, когда он заговорил, был тихим и ясным, как звон хрусталя.

– Нет… – прошептал он, глядя на зловещие улики. – Я… я не знаю, что это. Клянусь светом не угасших звёзд моей рощи…

Он посмотрел на куклу, и его лицо исказилось от искреннего отвращения.

– Это… мерзость. Я не прикасался к такой тьме.

Потом его взгляд упал на пергамент. И тут в его глазах мелькнуло нечто иное – не вина, а горькая, личная боль.

– Знак… – его голос дрогнул. – Я видел его. Однажды. В книге, что хранилась в самой дальней, пыльной комнате нашей библиотеки. Её показывали нам, юным ученикам, как предостережение. Как символ того, во что может скатиться

наш народ, впав в отчаяние. – Он обвёл взглядом всех, и в его глазах читалась чистейшая, незамутнённая правда. – Я поклялся тогда, что никогда не допущу такой тьмы в своё сердце. Моя роща пала, но моя клятва – нет.

Он говорил так убедительно, с такой пронзительной искренностью, что даже некоторые из орков перестали потрясать оружием. Его горе было настоящим. Его знание – глубоким и трагичным.

А потом он посмотрел на талисман Горна, и его слёзы потекли с новой силой.

– Я… я перевязывал его раны у костра, когда он хвастался этим. Он… он был так молод. Как я когда-то. – Элвин сглотнул. – Я бы никогда… Никогда не посмел осквернить память павшего. Это… это бесчеловечно.

Его защита была не просто оправданием. Это была исповедь. Исповедь того, кто потерял всё, но пытался сохранить хоть крупицу света в кромешной тьме. Он выглядел не предателем, а жертвой – жертвой обстоятельств, жертвой совпадений, жертвой того, что его знания и его боль сделали его идеальным подозреваемым.

И для всех, кроме Александра, его слова звучали абсолютно правдоподобно. Даже Ирина смотрела на него с нахмуренным, но задумчивым лицом. Рунар кивнул, вспомнив, что и в его архивах были подобные «учебные» экспонаты.

Лишь Александр, видя тот самый фантомный шлейф, исходящий из его раны, знал страшную правду. Элвин верил в каждое своё слово. Он был невиновен в своём сознании. Но его душа, его тело были заражены, и он был орудием в руках истинного врага, даже не подозревая об этом. Сказать правду сейчас – значило убить невинного человека. Промолчать – позволить бомбе тикать рядом с ними.

Гоблин заламывал руки так, словно пытался вывернуть их из суставов. Его тщедушное тело сжалось в комок нервов и страха. А его голос, всегда сиплый и бормочущий, взвизгнул до пронзительной, разрывающей уши тональности, похожей на скрежет железа по стеклу.

– Путь меняется! – выкрикнул он, и его глаза, широко раскрытые, бегали от одного гневного лица к другому, не находя спасения. – Болото живое! Я же говорил! Оно дышит! Оно шевелится под ногами! Оно… оно не любит тяжелых!

Он ткнул дрожащим пальцем в сторону Горна, которого орки все еще оттирали от черной слизи.

– Оно чует силу! Чует вес! Чует железо! Оно тянет вниз тех, кто громко ступает и тяжело дышит!

Слова лились из него потоком, смесь оправданий и суеверного ужаса. Но в его визге, в этой истерике, была странная, извращенная логика. Зловещая поэзия болота, которое было не просто местом, а существом с капризами и предпочтениями.

Краг, все еще державший его за воротник, тряхнул гобли-

на, как тряпку.

– Врешь! – его рык был полон презрения. – Ты завел нас сюда нарочно!

– Нет! Клянусь! – Глик захлебнулся, его язык снова мелькнул, облизывая пересохшие губы. – Я веду по тропе… но тропа… она плывет! Как дым! Я веду вас по спине спящего зверя, а он… а он ворочается!

Он говорил о болоте, как о живом существе. И в тот момент, глядя на неподвижную, зловещую гладь воды и гнющей растительности, слушая его истошный шепот, некоторые – не Краг, никогда не Краг, но, возможно, кто-то из младших воинов или даже Рунар с его знанием древней магии, – могли бы почувствовать, как по спине пробегает холодок. Что если он не врет? Что если это место и вправду живое? И что если их проводник ведет их не через него, а прямо в его желудок?

Но для Крага это были лишь слова. Слова труса, пытающегося спасти свою вонючую шкуру.

Рука Крага, огромная и покрытая шрамами, впилась в потрёпанный воротник Глика. Мускулы орка напряглись, и он с силой приподнял гоблина, так что его жёлтые, грязные ступни забились в воздухе, словно у пойманного паука. Хруст костей и испуганный визг Глика слились в один отвратительный звук.

– Ты! – прорычал Краг, и его лицо, искажённое яростью и горем, приблизилось к лицу гоблина. Пахло потом, кровью и безумием. – Ты ведёшь нас в ловушку, тварь? Говори, пока я не разорвал тебя на куски для твоих болотных духов!

Глик затрясся в его железной хватке, его глаза стали круглыми, полными панического, животного страха. Слюна брызнула с его губ.

– Нет, господин! Клянусь! Клянусь черепом моей матери! – он захлёбывался, слова вылетали пузырями. – Я веду вас по единственному пути! Самому безопасному! Но болото… оно не слушается меня! Оно живое!

Он пытался вырваться, но хватка Крага была подобна тискам. Его визг перешёл в отчаянный, непрерывный поток:

– Оно шевелится под ногами! Меняет тропы! Оно не любит железо и громкие голоса! Ваши шаги… ваша ярость… она будит его! Оно тянет вниз тех, кто тяжелый и громкий!

Это была мольба, смешанная с суеверным ужасом. И в его словах, таких же скользких и вонючих, как само болото, снова проскользнула та самая извращённая логика. Что если он и вправду всего лишь проводник, пытающийся провести стадо разъярённых быков по хрупкому льду, а быки сами виноваты, что ломают его под собой?

Но для Крага, видевшего смерть своих братьев, это были лишь слова. Оправдания труса. И его терпение лопнуло.

Голос Ирины прозвучал не как крик, а как удар хлыста – резкий, точный и пронзительный. Она не бросилась между

ними, а мощным движением ударила ребром ладони по запястью Крага, заставляя его на мгновение ослабить хватку. Глик с писком рухнул на мох, захлёбываясь кашлем и рыданиями.

– Хватит! – повторила она, её грудь вздымалась, но взгляд был холодным и острым, как лезвие. Она стояла, слегка расставив ноги, готовая к тому, что ярость Крага обрушится теперь на неё. – Он наш проводник. Единственный, кто знает дорогу. Убьёшь его – сгниём здесь все.

Она перевела взгляд с разъярённого орка на съёжившегося гоблина, и в её глазах не было ни капли сочувствия. Была лишь усталая, вынужденная прагматичность.

– Болото и правда коварно, – сказала она, и её слова повисли в напряжённом воздухе, обращаясь ко всем. – Мы все это видели. Оно не подчиняется нашим правилам. Оно живёт по своим. И пока мы не выберемся, он, – она кивнула на Глика, – нам нужен.

Но даже произнося эти слова, её собственный взгляд, скользнув по гоблину, был полон неослабевающего подозрения. Она не верила ему. Она просто использовала его. Как используют нож с кривой рукоятью, пока не найдётся прямой. Она призывала к спокойствию не ради Глика, а ради их общего, хрупкого шанса на выживание. И все это понимали. Её защита была не оправданием, а временной мерой, и срок её действия истекал с каждой новой каплей крови, пролитой в этом проклятом месте.

После инцидента с трясиной напряжение в отряде достигло точки кипения. Каждый шаг по зыбкой почве отдавался в ушах гулким эхом ожидания новой беды. Глик, всё ещё всхлипывая и потирая шею, куда впились пальцы Крага, вёл их теперь с удвоенной осторожностью, постоянно оглядываясь и бормоча заклинания под нос.

И вот, раздвинув завесу спутанных лиан и чахлых болотных берёз, он показал им его.

Мост.

Он был древним, скрившимся от времени, словно костяной хребет гигантского ископаемого ящера, навеки застывший над чёрной, маслянистой гладью протока. Сколоченный из чёрного, отсыревшего дерева, поросший густым мхом и лишайником цвета запёкшейся крови. От него пахло сыростью, гнилью и чем-то металлическим, словно старыми гвоздями.

Но, несмотря на свой возраст и зловещий вид, он выглядел прочным. Массивные балки, вросшие в оба берега, казались монолитными. Настил, хоть и потрёпанный, не прогибался под взглядом. После часов хождения по зыбкой хляби, эта конструкция казалась воплощением надёжности, даром богов, спасительным якорем в море неустойчивости.

На мгновение в группе мелькнула искра надежды. Даже Краг перестал бормотать проклятия, его взгляд с жадностью вымерил расстояние до другого берега. Ирина с облегчением выдохнула. Даже Александр почувствовал, как на мгновение

отпускает леденящее напряжение в спине.

– Быстро, быстро! – просипел Глик, его голос сорвался на визгливый шёпот. – Здесь нельзя медлить! Духи протока не любят, когда тревожат их сон!

Он первым ступил на скрипучие доски, которые слегка прогнулись, но выдержали. Оглянулся и кивнул.

Это была передышка. Маленькая, хрупкая, но такая желанная. И, как оказалось, смертельно опасная.

– Быстро, быстро! – торопил Глик, его голос сорвался на визгливый, почти птичий щебет. Он не просто шёл по мосту – он семенил, его тщедушная фигурка металась по скрипучим доскам, словно его поджаривали на раскалённой сковороде. – Здесь нельзя медлить! Ни секунды!

Его паника была заразительной и неестественной. После неспешного, осторожного перехода через топи эта лихорадочная спешка била по нервам. Он оборачивался, его глаза-бусинки выскакивали из орбит, следя, чтобы они шли за ним.

– Духи протока просыпаются! – бормотал он, облизывая пересохшие губы. – Они чуют живую плоть! Они ненавидят железо и громкие шаги! Тихо! И быстрее!

Его слова неслись сплошным потоком, смесь предупреждений и суеверного бреда. Он не просто советовал не медлить – он внушал им необходимость бежать. Создавал атмосферу нависшей угрозы, которая вот-вот обрушится, если они не преодолеют этот мост немедленно.

И это сработало. Даже Краг, всё ещё пылая яростью к гоблину, инстинктивно ускорил шаг, его тяжёлые сапоги гулко застучали по доскам. Ирина шла следом, её спина была напряжена, рука на рукояти меча. Она не доверяла Глику, но его паника была настолько искренней, что игнорировать её казалось глупым.

Они ускорились, превратившись в беспорядочную толпу, бегущую по хлипкому настилу над чёрной бездной. А Глик, достигнув середины моста, обернулся к ним, и на его лице на мгновение мелькнуло нечто иное, кроме страха. Нетерпение. Словно он ждал, когда последний из них окажется в самой уязвимой точке.

Поддавшись лихорадочной панике Глика, отряд, всё же сохраняя остатки дисциплины, начал переходить мост. Они двигались цепочкой, оставляя между собой пространство – печальный опыт трясины научил их не собираться кучно.

Александр шёл одним из последних. И пока остальные, затаив дыхание, прислушивались к каждому скрипу доски, он чувствовал нечто иное.

Осколок Ключа на его груди не жужжал тревогой. Он издавал едва уловимую, низкочастотную вибрацию. Она была похожа не на предупреждение, а на… любопытство. Словно камень нащупывал что-то своим внутренним зрением, что-то невидимое для других.

И тогда Александр обратил внимание на сам мост. Доски под его ногами, которые должны были хоть немного пружи-

нить под тяжестью воинов в доспехах, были неестественно твёрдыми. Не как камень, а как нечто, застывшее в состоянии абсолютной неподвижности. Он ступал, а отдачи, ожидаемого прогиба – не было. Словно мост был не деревом, а точной копией моста, вырезанной из цельного куска чёрного, мёртвого материала.

Это была не надёжность. Это была ненатуральность. Та самая, что он начал ощущать с тех пор, как его восприятие изменилось. И Ключ, этот проводник в иные слои реальности, отзывался на эту фальшь не страхом, а холодным, аналитическим интересом, с каким учёный рассматривает странный, неизвестный образец.

Он был, возможно, единственным, кто чувствовал, что под ногами у них не спасение, а нечто совершенно иное. Но крикнуть, предупредить? Его бы не поняли. Они видели лишь твёрдую опору после часов зыбкой хляби. Они бежали по этому обманчивому островку стабильности, не подозревая, что он может оказаться вершиной айсберга, скрывающего в своих глубинах нечто невыразимо чужое.

Колонна растянулась по мосту. Ирина, Рунар и большая часть отряда, включая Александра, уже ступили на твёрдую (или, по крайней мере, более надёжную) землю на противоположном берегу. Они обернулись, чтобы убедиться, что все переправляются благополучно.

В этот момент в самой середине пролёта находились Краг и двое его самых верных орков – братья, сражавшиеся вме-

сте с ним ещё со времён первых стычек с Тенью. Они были обременены не только своим снаряжением, но и яростью, и горем, что делало их шаги особенно тяжёлыми.

И всё замерло.

Ветер стих. Болото замолчало. Даже назойливое жужжание насекомых прекратилось. Была лишь звенящая тишина, нарушаемая мерными, гулкими шагами трёх орков по неестественно твёрдому настилу.

Александр, стоя на берегу, почувствовал, как вибрация Ключа изменилась. Любопытство сменилось… ожиданием. Холодным, безразличным ожиданием неминуемого.

Именно в этот идеально рассчитанный миг, когда вес трёх самых массивных и эмоционально нагруженных членов отряда пришёлся на центр моста, это и произошло.

…раздался звук.

Но это был не просто скрежет ломающегося дерева. Это был оглушительный, сухой хруст, похожий на то, как будто пополам ломают кость великана. Звук был настолько громким и резким, что физически больно ударил по ушам. Он не имел ничего общего с естественным разрушением старой древесины. Это был звук насильственного разрыва, сломанного заклинания, лопнувшей иллюзии.

Казалось, треснул не мост, а само пространство в его центре.

Это был не медленный провал, а мгновенный, безжалостный обрыв.

Словно невидимый гигантский палец щёлкнул по натянутой струне, на которой держался центр моста. Одна секунда – орки были на твёрдых досках. Следующая – под их ногами зияла пустота.

Центральная часть моста – метров пять – просто исчезла. Обрушилась вниз с оглушительным, пожирающим звуком, увлекая за собой двух орков. Они не успели издать ни звука. Один миг – их лица, ошеломлённые, уже понимающие. Следующий – их поглотила чёрная, маслянистая вода, которая сомкнулась над ними с тем же безразличным плеском, что и над Горном.

Краг, обладающий звериной реакцией, инстинктивно рванулся назад. Не вперёд, к спасению, а назад, к той части моста, что ещё держалась. Его тело, могучий мускулистый блок, совершило неестественно резкий прыжок. Он рухнул на уцелевшие доски, едва не срываясь вниз, и вцепился в балку так, что его пальцы впились в гнилое дерево, как когти. Он повис над пропастью, его ноги болтались в пустоте, а в глазах, широко раскрытых, не было ни ярости, ни страха. Только шок. Глубокий, оглушающий, животный шок от того, что два его брата, два жизненных пути, переплетённых с его собственным, были перерезаны в одно мгновение.

Наступила тишина. Гробовая. Нарушаемая лишь тихим потрескиванием оседающих обломков и прерывистым, свистящим дыханием Крага, цепляющегося за жизнь.

На секунду воцаряется оглушительная тишина. Она была

густой, тяжелой, как свинцовый колокол, накрывший всех. Звук обрушения был таким чудовищным, что за ним последовала абсолютная, оглушающая пустота.

И в эту пустоту ворвались другие звуки. Всплески. Не громкие, а приглушенные, словно болото смаковало свою добычу, нехотя проглатывая её. И потом… хрипы. Короткие, булькающие, полные леденящего ужаса и невыносимой боли. Они доносились снизу, из чёрной воды, и длились всего несколько секунд – ровно столько, сколько требовалось лёгким наполниться не водой, а той густой, едкой жижей, что была в протоке.

Потом и они смолкли.

Воцарилась настоящая тишина. Та, что наступает после. Та, в которой слышен только стук собственного сердца, готового вырваться из груди, и свист воздуха, входящего в онемевшие лёгкие. Никто не двигался. Никто не дышал. Они просто смотрели на зияющую дыру в мосту, на повисшего над пропастью Крага, на воду, успокоившуюся так быстро, будто ничего и не произошло.

Это была тишина, в которой рождалось новое, чёрное знание. Что смерть здесь не драматична. Она быстра, тиха и безразлична. И что они все находятся в одном шаге от того, чтобы стать просто очередным тихим всплеском в этом забытом богом месте.

Тишина была взорвана.

Из груди Крага вырвался нечеловеческий рев. В нём не

было ни слов, ни смысла. Это был чистый, концентрированный звук, в котором сплелись в один клубок ярость от бессилия, боль невыносимой потери и отчаяние загнанного зверя. Звук был настолько мощным, что, казалось, всколыхнул застоявшийся болотный воздух.

Его глаза, и без того тёмные, налились кровью. Белки превратились в багровые сетки, а зрачки стали чёрными точками безумия. Слюна брызнула с его перекошенных губ. Он был больше не воином, не лидером. Он был воплощённой яростью.

И вся эта ярость устремилась в одну точку.

Он повернул голову, и его взгляд, горящий адским огнем, впился в Глика. Гоблин стоял на безопасном берегу, в метре от Александра и Ирины. Он не убежал. Он просто дрожал, его тщедушное тело билось в мелкой, беспомощной дрожи, словно осиновый лист на ветру. Его рот был открыт в беззвучном крике, а глаза были полены таким животным страхом, что его невозможно было подделать.

– ТЫ!!! – это было единственное слово, которое Краг смог выжать из своего сжатого яростью горла. Оно прозвучало не как обвинение, а как приговор.

В его помутнённом сознании не было места случайностям, коварству болота или древним ритуалам. Был только он, его мёртвые братья и гоблин, который привёл их сюда. В этой простой, чудовищной арифметике не могло быть другого ответа.

«ТЫ!!!»

Рев Крага был не словом, а раскалённым гвоздём, вбитым в оглушённую тишину. Его рука, огромная и покрытая шрамами, с таким хрустом впилась в рукоять топора, что казалось – кость вот-вот треснет.

– Это ты, гоблинская падаль! – его голос сорвался на гортанный, безумный вопль. Слюна брызнула с его перекошенных губ. – Ты нас сюда привёл! Сначала болото, теперь мост! Ты указуешь тварям, где нас резать!

Он сделал шаг вперёд, по направлению к Глику, но мост под ним с угрожающим скрипом осел, напоминая, что он всё ещё висит над пропастью. Это физическое препятствие лишь подлило масла в огонь его бешенства. Он был подобен прикованной цепи́ зверю, рвущемуся к добыче.

– Я вырву твой язык и скормлю его болоту! – рычал он, его глаза, налитые кровью, не отрывались от съёжившегося гоблина. – Выпотрошу тебя и набью твоей вонючей шкурой камней!

Его ярость была настолько примитивной и всепоглощающей, что даже его собственные орки на берегу на мгновение отпрянули. Это был не гнев лидера. Это была месть животного, слепая и безрассудная. И в этой ярости была своя, уродливая правда – ведь это Глик вёл их. И смерть шла по их следам именно с тех пор, как он к ним присоединился.

Ирина рванулась вперёд, вставая между яростью Крага и съёжившимся от страха Гликом. Её движение было резким,

но её голос, когда она заговорила, пытался быть ровным и властным, хотя в нём проскальзывала напряжённая дрожь.

– Краг, остынь! – её слова прозвучали как удар хлыста, пытающийся усмирить разъярённого зверя. – Мост просто не выдержал! Он старый, гнилой! Ты сам видел!

Она протянула руку в его сторону, не в угрозе, а в попытке успокоить, но сама оставалась в боевой стойке, готовой в любой момент отпрыгнуть или обнажить меч.

– Довольно крови! Убьёшь его – мы все сгнием здесь! Он – единственный, кто знает путь!

Но даже произнося это, её собственный взгляд, брошенный на Глика, был полон не защиты, а холодного, неослабевающего подозрения. Она не верила в его невиновность. Она верила в необходимость. Он был ключом, пусть и запачканным кровью, и сломать его сейчас значило запереть себя в этой тюрьме из топи и тумана навсегда. Её защита была не оправданием, а вынужденной тактикой, и каждый в этом болоте понимал это с полуслова.

Пока ярость Крага бушевала, а Ирина пыталась вставить голос разума, Рунар стоял в странном оцепенении. Он не смотрел на гоблина. Он не смотрел на орка. Его взгляд был прикован к чёрной, неподвижной воде, поглотившей двух воинов. В его глазах не было горя – лишь глубокая, леденящая мысль.

– Слишком… своевременно, – его шёпот был на удивление спокоен, но от этого лишь страшнее. Он резал воздух,

как скальпель. – Словно кто-то знал… где и когда нанести удар.

Он медленно повернул голову, его старый, уставший взгляд скользнул по мосту, по группе, по Глику.

– Не просто знал о слабом месте. Знал наш вес. Наше расположение. Момент, когда нагрузка станет критической… – Он замолчал, давая своим словам повиснуть в воздухе.

Это было не обвинение. Это был холодный анализ. И он был куда страшнее ярости Крага. Потому что ярость слепа. А анализ Рунара указывал на чёткий, безжалостный интеллект, стоящий за трагедией. На того, кто не просто вредил, а просчитывал. Кто наблюдал за ними, знал их порядок движения и выбрал идеальный миг для удара.

И этот кто-то, по логике, должен был находиться здесь. Среди них.

Пока хаос бушевал вокруг, Александр стоял недвижимо. Его взгляд, отягощённый новым, проклятым зрением, был прикован к Глику. Он не видел ауру, не видел шлейфов магии. Он видел мельчайшие, микроскопические движения лицевых мышц. Игру света и тени на коже.

И в этот момент, в крошечный промежуток между рыком Крага и попыткой Ирины вмешаться, он уловил это.

Уголки тонких, бледных губ гоблина дрогнули. Всего на миллиметр. На его лице, искажённом маской абсолютного, животного страха, на долю секунды проступило нечто иное.

Микроскопическая, почти невидимая улыбка. Быстрая, как вспышка, исполненная невыразимого, глумливого удовлетворения.

А затем – щёлк. Маска вернулась на место. Глаза снова округлились от ужаса, губы задрожали. Он снова был просто испуганным, затравленным существом.

Сердце Александра ёкнуло. Он видел. Он был уверен.

Или это ему просто показалось? В этом аду из ярости, горя и страха, где его собственное восприятие было искажено силой Ключа, мог ли он доверять своим глазам? Эта улыбка была такой мимолётной, такой неуловимой, что её можно было принять за нервный тик, за гримасу страха.

Но семя было посажено. Глубоко. И оно пускало корни в самой плодородной почве – в почве всеобщей паранойи и его собственного, растущего безумия.

И мысль, холодная и отравленная, проползла в его сознании: *а что, если это не Глик?* Что, если его зрение, искажённое силой Ключа, начинает показывать ему не истину, а его собственные страхи? Что, если он сам, сам того не ведая, становится источником паранойи, которая разъедает отряд изнутри вернее любого предателя?

Он стоял, разрываясь между ужасающей уверенностью и столь же ужасающим сомнением. И понимал, что неважно, что он видел на самом деле. Важно было то, что он больше не мог доверять даже самому себе. А если он не может доверять себе, то как он может быть стержнем, на котором держится

этот рассыпающийся союз?

Семя было посажено. И оно прорастало не только в почве общего недоверия, но и в тёмном, удобренном страхом грунте его собственной души.

Тишина обрушилась на лагерь подобно савану. Она была густой, липкой, впитывая в себя отзвуки недавних яростных криков Крага и дрожащие, но твердые слова защиты Элвина. Воздух, и без того насыщенный болотной вонью, теперь наполнился еще и ядом взаимного недоверия. Он был почти осязаем.

И тогда, как по незримой команде, все головы повернулись.

Медленно, неотвратимо, словно стрелки компасов, находящих свой Север, все взгляды уперлись в Александра.

Он стоял, чувствуя, как под этим грузом ожидания у него перехватывает дыхание. Он был не человеком в эту секунду, а точкой схождения, центром тяжести этого маленького, гибнущего мира. В глазах одних читался немой вопрос, в глазах других – обвинение, в глазах третьих – отчаянная надежда. Его человечность, его собственные страх и неуверенность, были стерты, выброшены за ненадобностью. Снова. Всегда.

Краг, его лицо все еще было багровым от гнева, сделал шаг вперед. Его палец, толстый и грязный, ткнул в воздух по направлению к Александру, как копье.

– Ты же можешь узнать! – его голос прорвал тишину, как топор – лед. – Хватит пялиться, как баран на новые ворота!

Загляни в него! Используй свою проклятую силу и покажи нам правду!

Его сторонники, два угрюмых лесоруба с потухшими глазами, тут же подхватили, как эхо: «Да! Покажи!», «Докажи!».

Александр искал поддержки у Ирины. Их лидерша стояла неподвижно, скрестив руки на груди. Ее лицо было маской, высеченной из гранита усталости и холодного расчета.

– Нам нужна уверенность, Александр, – произнесла она, и каждый ее звук падал, как капля ледяной воды на его душу. – Любая цена сейчас кажется разумной, чтобы остановить это безумие.

И даже Рунар, обычно погруженный в свои свитки и логические построения, смотрел на него не как на союзника, а как на уникальный и дьявольски интересный инструмент. В его взгляде читалось научное любопытство: «Ну же, диковинка, покажи, на что ты способен. Сделай то, чего не может наша магия».

Александр оказался в вакууме. Звук его собственного сердца грохотал в ушах, заглушая шепот болота. Он был инструментом. Всегда был. И сейчас от него ждали, что он совершит чудо, даже если чудо это будет стоить ему клочка души.

Краг не просто говорил – его слова впивались в плоть, как зазубренные кинжалы. Он шагнул вперед, отрезая Александру путь к отступлению. Грязь хлюпала под его сапогами, и

этот звук был отвратительно громок в наступившей тишине.

– Ты же можешь узнать! – его голос сорвался на крик, и слюна брызнула из углов рта. – Не пялься на меня, как придурок! Ты носишь в себе эту штуку, этот ключ! Так воспользуйся им! Загляни в него! Используй свою силу и покажи нам, наконец, правду!

Его сторонники, двое угрюмых братьев-лесорубов с потухшими глазами, тут же подхватили, как дрессированные псы, почуявшие кровь. «Да, покажи!», «Довольно прятаться за спинами других!», – их голоса слились в угрожающий гул. Один из них, помоложе, с обветренным лицом, сжал рукоять топора так, что костяшки побелели.

Александр почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Он искал спасения взглядом у Ирины. Их лидерша стояла неподвижно, скрестив руки на груди. Ее лицо было высечено из гранита усталости и холодного расчета. В ее глазах не было поддержки – лишь тяжелое, неумолимое ожидание.

– Нам нужна уверенность, Александр, – произнесла она, и каждое слово падало, как капля ледяной воды на его душу. – Любая цена сейчас кажется разумной, чтобы остановить это безумие. Любая.

И даже Рунар, обычно погруженный в свои свитки и логические построения, смотрел на него не как на союзника, а как на уникальный и дьявольски интересный инструмент. В его взгляде читалось ненасытное научное любопытство: «Ну же, диковинка, покажи, на что ты способен. Сделай то, чего

не может наша магия. Дай мне данные для наблюдения».

Александр оказался в вакууме. Звук его собственного сердца грохотал в ушах, заглушая шепот болота и тяжелое дыхание окружающих. Он был инструментом. Всегда был. Сначала для одних, теперь – для других. И сейчас от него ждали, что он совершит чудо, даже если чудо это будет стоить ему очередного клочка его собственной, и без того истерзанной, души.

Взгляд Ирины был тяжелее приговора. Он не горел фанатичным огнем, как у Крага, не сверкал любопытством, как у Рунара. Он был сплошным свинцовым ожиданием, в котором тонула последняя надежда Александра.

Она не поддержала Крага. Не бросилась к нему с криком «Да!». Но в ее молчании была страшная ясность. Она наблюдала. Взвешивала. И ее весы склонились в пользу одной-единственной цели – выживания отряда, даже если это выживание будет стоить души одного из них. Его души.

– Нам нужна уверенность, Александр. – Ее голос был ровным, безжизненным, будто высеченным из льда. В нем не было приказа. Не было просьбы. Был констатация факта, от которой кровь стыла в жилах. – Любой ценой.

Эти два слова повисли в болотном воздухе, став приговором. *Любой ценой*. Ценой его рассудка. Ценой его памяти. Ценой клочка человечности, который он пытался сохранить в себе, нося этот проклятый Ключ.

И в этот миг Александр почувствовал это. Физически. Тя-

желый, холодный комок Ключа на его груди словно шевельнулся. Он не просто висел – он *прислушивался*. К коллективному страху, к яду недоверия, к этому удушающему ожиданию, что сгустилось вокруг него, как желе. Сила внутри него, всегда дремавшая, тревожная и живая, отозвалась на это давление. Она захотела вырваться. Ей *понравилось* это требование.

Его взгляд, против его воли, сорвался с лица Ирины и устремился к Элвину. К раненому эльфу, который стоял, прижимая руку к окровавленному плечу, его глаза, полые от страха и предательства, были прикованы к Александру. И Александр уже видел. Он даже не активировал свое «зрение» сознательно – оно открылось само, под давлением всеобщего взора.

Он снова увидел Этю. Тот самый фантомный шлейф Тени, вплетенный в ауру эльфа, похожий на ядовитую чернильную нить. Но сейчас он видел больше. Гораздо больше. Нить пульсировала. Мерцала. Она была не статичным шрамом – она была живым каналом. И ему почудилось, что он почти слышит… нет, не слышит, а *ощущает* беззвучный шепот, исходящий из раны Элвина. Шепот, полный чужих образов и намерений.

Искушение накатило волной, горькой и сладкой одновременно. Оно было физическим, почти сексуальным. Он чувствовал, что может… *потянуться*. Не просто видеть эту нить, а коснуться ее. Прочесть ее, как книгу. Узнать, что

именно шепчет Тень, увидеть лицо того, кто держит другой конец.

Но за искушением, как тень, следовала Цена.

Холод Ключа просочился сквозь кожу, через мышцы, вонзился ледяными иглами в самое ядро его сознания. И вместе с холодом пришло знание. Ясное и неоспоримое. Чтобы дотронуться до этой информации, чтобы сорвать ее, ему придется отдать что-то свое. Что-то настоящее. Часть себя.

Возможно, память. Не о битвах или ужасах, а о чем-то светлом. О первом дне этого путешествия, когда они еще были товарищами, а не подозревающими друг друга врагами. О запахе соснового леса до болот, о шутке, брошенной кем-то у костра.

Или… способность. Не сила, нет. А способность испытывать радость. Чистую, простую радость от вкуса еды, от тепла огня, от простого человеческого прикосновения.

Одно «простое» действие. Один короткий путь к ответу. И он станет точкой невозврата. Потом будет проще. Потом он будет искать оправдания, чтобы сделать это снова. И снова. Пока от него, Александра, ничего не останется. Останется только Ключ и его цена.

И тогда его взгляд встретился со взглядом Рунара.

Ученый не кричал, не требовал. Он просто *наблюдал*. Его глаза, обычно скрытые за линзами очков, сейчас были широко раскрыты, и в них горел холодный, бездушный огонь научного интереса. Он смотрел на Александра не как на че-

ловека, не как на союзника в беде. Он смотрел на него как на уникальный прибор, который вот-вот должен был выдать показания, недоступные его свиткам и магическим формулам.

В этом взгляде не было злобы. Не было ненависти. Было лишь ненасытное любопытство. Рунар видел перед собой живую загадку, феномен, который можно было изучить, и моральная цена этого изучения, похоже, волновала его меньше, чем погрешность в расчетах.

И в этот миг Александр почувствовал это с пугающей ясностью. Он оказался в абсолютном вакууме.

Звуки болота – кваканье лягушек, шелест камыша, чье-то тяжелое дыхание – все это ушло, затянутое воронкой этого всеобщего ожидания. Он был центром этой маленькой, умирающей вселенной. Единственной точкой, от которой ждали спасения. Ждали чуда.

Но его человечность – его страх, его сомнения, его усталость, его право сказать «нет» – все это было грубо отсечено, выброшено за ненадобностью. Его личность растворилась под тяжестью этих взглядов. Он снова стал *инструментом*. Орудием. Ключом, который должен открыть замок.

И самое ужасное заключалось в том, что часть его, та самая, что была связана с Ключом, откликалась на это. Она жаждала быть использованной. Она хотела доказать свою ценность. Холодный металл на его груди будто шептал: «Посмотри, как они в тебе нуждаются. Только ты можешь это сделать. Разве это не твое предназначение?»

Он стоял, зажатый между молотом ярости Крага и наковальней холодного ожидания Ирины и Рунара, и чувствовал, как последние остатки его воли тают, как воск под пламенем этой коллективной, удушающей нужды.

Это началось не как решение, а как рефлекс. Под грузом этих голодных взглядов – требовательных, подозрительных, отчаянных – холодный металл Ключа на его груди внезапно *сжался*. Не физически, нет. Это было похоже на то, как сжимается сердце от страха, только это было не его сердце. Это был безмолвный, мощный отклик на коллективное желание, витавшее в воздухе – желание правды, уверенности, простого ответа в этом запутанном клубке страха и предательства.

И его зрение… *включилось*.

Не по его воле. Не с той сфокусированной концентрацией, которую он пытался выработать за недели мучительных тренировок. Это было самопроизвольное, дикое раскрытие, словно зрачок, расширяющийся в полной темноте. Его взгляд, все еще устремленный на Элвина, вдруг изменился. Осязаемый мир – грязные лица, мокрая одежда, туман над болотом – поплыл, потерял четкость, стал полупрозрачным фоном.

А на передний план выступило Другое.

Он уже видел это раньше – тот фантомный шлейф Тени, вплетенный в сияющую, искаженную болью ауру эльфа, похожий на чернильную полосу, растекшуюся в чистой воде. Но сейчас… сейчас он видел *больше*. Шлейф не был статич-

ным. Он *пульсировал*. Медленно, ритмично, как ядовитая жила. Он был не просто меткой, не шрамом. Он был каналом.

И тогда он это *почувствовал*. Он не слышал этого ушами – звук родился прямо у него в черепе, тонкий, как паутина, и леденящий душу. Беззвучный шепот. Он исходил из самой раны Элвина, просачивался сквозь его ауру, стекал по той самой чернильной нити и терялся где-то в далеком, скрытом мраком болот конце.

Искушение нахлынуло на него с такой физической силой, что он едва не пошатнулся. Оно было сладким и горьким одновременно, как привкус крови на губах. Он чувствовал, что может… *потянуться*. Не просто видеть эту нить, а коснуться ее своим внутренним взором, обвить ее своим сознанием. Прочесть ее, как свиток. Узнать, что именно шепчет Тень. Увидеть лицо, форму, намерение того, кто держит другой конец этой нити и тянет за нее, как за марионетку.

Но за искушением, неотступной тенью, следовала Цена.

Холод Ключа, до этого лишь давивший на грудину, вдруг просочился *внутрь*. Он пробрался сквозь плоть, сквозь кость, вонзился ледяными иглами в самую сердцевину его разума. И вместе с холодом пришло знание. Ясное, неоспоримое, как закон физики: чтобы дотронуться до этой информации, чтобы сорвать ее, ему придется отдать что-то свое. Что-то настоящее. Часть своей сущности.

Возможно, память. Не о битвах или ужасах, а о чем-то

светлом и хрупком. О первом дне этого путешествия, когда солнце еще не казалось таким тусклым, а шутка, брошенная у костра, вызывала настоящий смех, а не усталые усмешки. Он мог потерять запах сосновой хвои, сменившийся навсегда болотной вонью.

Или… способность. Не сила, нет. А способность испытывать простую, немудреную радость. Тепло от чашки с чаем в холодных пальцах. Удовольствие от вкуса черствого хлеба. Чувство облегчения от дружеского похлопывания по плечу.

Одно «простое» действие. Один короткий, предательский путь к ответу, который требовали от него все. И он понимал – это станет точкой невозврата. Потом будет проще. Потом он будет искать все новые и новые оправдания, чтобы сделать это снова. И снова. Пока от Александра, человека, ничего не останется. Останется только Ключ. И его бесконечная, ужасающая цена.

Шлейф был не просто пятном. Он был живым. Чёрная, маслянистая нить, вплетённая в переливающееся сияние ауры Элвина, пульсировала мертвенным, но неумолимым ритмом. Каждая пульсация была похожа на удар крошечного сердца, выкачивающего не кровь, а информацию. Это был канал. Дверь, приоткрытая в самую душу эльфа.

И тогда он это *услышал*.

Не ушами – они были заполнены лишь тяжёлым дыханием отряда и шепотом болота. Этот звук родился прямо в его сознании, обойдя все физические барьеры. Беззвучный шепот.

Он струился из раны на плече Элвина, тонкий, как паутина, и холодный, как ледяная крошка под кожей. Он был лишён слов, но переполнен намерением – чужим, враждебным, методичным. Он был самой сутью наблюдения, переданной в виде чистого ощущения.

Искушение нахлынуло с такой силой, что у Александра перехватило дыхание. Оно было физическим, почти сексуальным – тягучее, сладкое желание *потянуться*. Не просто видеть эту нить, а коснуться её своим разумом, обвить её, слить с ней своё сознание. Прочесть её, как книгу, написанную на языке тьмы. Узнать каждую крупицу переданной информации. Увидеть то, что видит Элвин. Узреть лицо, форму, холодный разум того, кто держит другой конец этой нити и дергает за неё, как за нитку марионетки.

Он мог это сделать. Сила бушевала в нём, требуя выхода, требуя *применения*. Ключ на его груди был уже не холодным металлом, а раскалённым углём, жаждущим действия.

Но за искушением, неотступной тенью, следовала Цена.

Тот самый холод, что исходил от Ключа, внезапно просочился *внутрь*. Он пробрался сквозь плоть, сквозь кость, вонзился ледяными иглами в самую сердцевину его разума, его памяти, его души. И вместе с холодом пришло знание. Ясное, неоспоримое, как приговор: чтобы дотронуться до этой информации, чтобы сорвать её, ему придётся отдать что-то своё. Что-то настоящее. Часть своей сущности.

Возможно, память. Не о битвах или ужасах, а о чём-то

светлом и хрупком, о том, что ещё напоминало ему, что он – человек. О первом дне этого путешествия, когда солнце ещё не казалось таким тусклым, а шутка, брошенная кем-то у костра, вызывала настоящий, не forced смех. Он мог потерять запах сосновой хвои, сменившийся навсегда болотной вонью.

Или… способность. Не сила, нет. А способность испытывать простую, немудреную радость. Тепло от чашки с чаем в холодных пальцах. Удовольствие от вкуса черствого хлеба. Чувство облегчения от дружеского похлопывания по плечу. Всё это могло потухнуть, стать просто воспоминанием о чувстве, которое он больше не способен пережить.

Одно «простое» действие. Один короткий, предательский путь к ответу, который требовали от него все. И он понимал – это станет точкой невозврата. Стоило ему заплатить эту цену один раз, дверь захлопнется за ним навсегда. Потом будет проще. Потом он будет искать все новые и новые оправдания, чтобы сделать это снова. И снова. Пока от Александра, человека, ничего не останется. Останется только Ключ. И его бесконечная, ужасающая расплата.

Искушение было физическим – тягучий, сладкий яд, разливающийся по жилам. Он буквально чувствовал, как его сознание протягивает незримые щупальца к тому чёрному, пульсирующему шлейфу, жаждая обвить его, слиться с ним, вырвать у него все тайны. Узнать лицо врага. Положить конец распре. Стать героем.

«Сделай это, – шептал ему какой-то внутренний голос, холодный и разумный, как голос Рунара. – Они просят правды. Ты можешь её дать. Одна маленькая память… разве она стоит жизни Элвина? Разве она стоит спокойствия всех нас?»

Желание помочь, столь же сильное, как и отвращение к себе, гнало его вперёд. Он мог положить конец этому кошмару. Сейчас. Одним усилием воли.

Но вместе с искушением, неотступной тенью, следовала Цена.

Холод Ключа, до этого давивший на грудину, внезапно просочился *внутрь*. Он пробрался сквозь плоть, сквозь кость, вонзился ледяными иглами в самую сердцевину его разума. И это был не просто холод – это было знание. Ясное, неоспоримое, как приговор. Чтобы дотронуться, нужно отдать.

Его сознание, отравленное силой, тут же принялось подсчитывать, словно перебирая монеты в кошельке:

Память о первом дне путешествия. Не об ужасах, а о том, как они шли по солнечной тропе, и Ирина, тогда ещё не измождённая лидерша, а просто спутница, указала на орла в небе. И он, Александр, на секунду забыл о своей ноше, просто поднял голову и почувствовал… свободу.

Способность испытывать радость. Не временное облегче-

ние, не злорадство, а ту самую, чистую, немудрёную радость. От вкуса спелой ягоды. От тепла костра на промокшей коже. От простого человеческого прикосновения.

Внутренняя борьба разрывала его на части. С одной стороны – спасти Элвина, остановить Крага, восстановить хрупкий мир. Стать тем, кем они хотят его видеть. Спасителем. Инструментом, который работает.

С другой – страх. Не просто страх боли или потери, а страх *самоуничтожения*. Он с ужасом понимал, что это «простое» действие станет точкой невозврата. Это будет первый шаг. Потом, в следующий раз, когда возникнет проблема, он снова будет вынужден использовать силу. И снова. И снова. «Всего лишь одна память… всего лишь одно чувство…» – будет шептать ему тот холодный, разумный голос. Пока от Александра, человека, ничего не останется. Останется лишь пустая оболочка, набитая чужими секретами и оплаченная клочьями его собственной души.

Он стоял на краю, и пропасть зияла перед ним не тьмой, а страшной, бездушной ясностью. Помочь другим ценой собственного уничтожения. Или сохранить себя, обрекая их на хаос.

Одно «простое» действие. И он уже чувствовал, как его воля, подточенная страхом и желанием, начинает сдаваться.

Шаг назад был крошечным, почти незаметным движением, но в напряженной тишине он прозвучал громче любого

крика. Пыль на земле сошно переместилась под его каблуком. Это был жест отречения. Побега.

Александр отвел взгляд от Элвина, разрывая ментальную связь с той чудовищной реальностью, что он видел. Его лицо, мгновение назад искаженное внутренней борьбой, стало восковым и пустым. Он смотрел в грязь у своих ног, словно надеясь, что она поглотит его.

– Нет, – его голос был хриплым, лишенным силы, просто выдохом. – Я не могу.

Эти два слова повисли в воздухе, став приговором. Сначала была тишина – секунда шокированного, абсолютного непонимания. Они ждали чуда. Они требовали ответа. А он дал им… отказ.

И тогда взорвался Краг.

– НЕ МОЖЕШЬ?! – его рык был полон такой чистой, неподдельной ярости, что, казалось, раскалывал саму болотную мглу. Он шагнул вперёд, сжимая свой топор так, что пальцы побелели. – Или НЕ ХОЧЕШЬ?! Ты что, с ними заодно?! Ты покрываешь шпиона?! Или ты просто боишься своей же силы, мальчишка?!

Каждое его слово било, как молот. «С ними заодно». «Покрываешь». «Боишься». Они падали на благодатную почву всеобщего страха. Александр видел, как меняются лица тех, кто ещё минуту назад смотрел на него с надеждой. В глазах родилось подозрение, холодное и липкое. Его отказ не выглядел как акт самосохранения. В их глазах это было призна-

нием. Признанием вины Элвина. Или его собственной несостоятельности. Слабости.

Его взгляд метнулся к Ирине, ища хоть каплю понимания, хоть тень сомнения. Но нашёл лишь каменное разочарование. Она не видела его внутренней битвы, не чувствовала цены, о которой он не мог им рассказать. Она видела только то, что он отказался дать ответ. Отказался спасти то, что осталось от отряда, когда у него были все средства для этого. В её холодном, оценивающем взгляде он прочитал приговор: «Ненадёжный. Бесполезный».

Даже Рунар смотрел на него теперь иначе – не как на уникальный инструмент, а как на бракованный механизм, который отказал в самый нужный момент. Научный интерес сменился холодным презрением к вышедшему из строя прибору.

Александр стоял, сжимаясь под тяжестью их взглядов, более тяжёлых, чем любая физическая ноша. Его попытка сохранить свою душу, свою человечность, была воспринята всеми как самое страшное предательство. И в горле у него стоял горький комок, потому что он понимал – он только что бросил Элвина в волчью стаю. И волки уже оскалили клыки.

Словно плотина, не выдержавшая напора, тишина взорвалась.

– НЕ МОЖЕШЬ?! – Рев Крага был не просто громким. Он был физическим ударом, от которого, казалось, задрожал воздух. Его лицо, багровое от прилива крови, исказилось в

маске первобытной ярости. Он сделал шаг вперед, тяжелый, звериный, сжимая рукоять топора так, что сталь скрипнула под давлением. – Или НЕ ХОЧЕШЬ?!

Его глаза, горящие безумием, впились в Александра, сверля его, пытаясь выжечь правду.

– Ты что, с ними заодно?! – он ядовито выкрикнул это, его голос сорвался на визгливую, почти истеричную ноту. – Ты покрываешь шпиона?! Или… – тут он сделал театральную паузу, и его губы растянулись в оскале, полном ненависти и презрения, – …или ты просто боишься своей же силы, мальчишка?!

Слова «боишься своей же силы» прозвучали особенно унизительно. Они не просто обвиняли – они разоблачали. Они били по самому больному, по тому страху, что Александр носил в себе с самого начала.

И эти слова, как искра в бочке с порохом, нашли отклик.

Александр видел, как меняются лица. Те самые люди, что минуту назад смотрели на него с надеждой, теперь смотрели с растущим подозрением. Один из молодых солдат, тот, что всегда делился с ним водой, теперь отводил взгляд, его лицо было мрачным. Другая, женщина-лучница, сжала лук так, что костяшки побелели, её взгляд метался между Александром и Элвином, и в нем читалась уже не неуверенность, а растущая уверенность в их вине.

Его отказ – его попытка сохранить свою душу – в их глазах превратился в доказательство. Слабость стала синони-

мом вины. Он видел, как рушится последняя хрупкая надежда на доверие, и на его месте вырастает стена страха и ненависти.

Его взгляд метнулся к Ирине, ища хоть каплю понимания, последний оплот разума. Но он нашел лишь гранитное разочарование. Она не видела его внутренней битвы, не чувствовала леденящего прикосновения Ключа и цены, о которой он не мог рассказать. Она видела только то, что он отказался действовать. Отказался быть их оружием в момент крайней нужды. В ее холодном, оценивающем взгляде он прочитал безмолвный приговор: «Ненадежный. Бесполезный. Предатель».

Даже Рунар смотрел на него теперь иначе. Научный интерес в его глазах погас, сменившись холодным, почти брезгливым разочарованием. Он смотрел на Александра не как на сломанный инструмент, а как на испорченный реагент, который не оправдал возложенных на него ожиданий.

Александр стоял, сжимаясь под тяжестью их взглядов, более тяжелых, чем любая физическая ноша. Его молчание, его «нет», intended как акт самосохранения, стало спичкой, брошенной в бензин. Он бросил Элвина в волчью стаю. И теперь волки, почуявшие кровь, повернулись и к нему самому.

Слова Крага не просто повисли в воздухе. Они упали на благодатную почву, удобренную страхом и усталостью, и мгновенно проросли ядовитыми побегами.

Тишина, последовавшая за его взрывом, была уже иной.

Не шокированной, а тяжелой, зловещей. Она была наполнена шепотом – не звуковым, а взглядами, жестами, сжатыми кулаками.

Александр видел, как меняются лица. Молодой солдат, тот самый, что еще вчера делился с ним своим скудным пайком и тихо рассказывал о своей невесте в далекой деревне, теперь не смотрел на него вовсе. Он уставился в землю, но его скулы были напряжены, а плечи подняты в защитном жесте. Он не был на стороне Крага, но теперь он был и не на стороне Александра. Он отступил, и в его молчании читалось обвинение.

Женщина-лучница, всегда сдержанная и профессиональная, медленно, почти неосознанно, провела рукой по колчану, будто проверяя количество стрел. Ее взгляд, обычно ясный и цепкий, теперь метался между Александром и связанным Элвином, и в нем не было прежней аналитической остроты – лишь нарастающая, серая уверенность. Уверенность в том, что они окружены. Что предатель не один.

«Он мог бы положить конец этому, – читал Александр в их глазах. – Но он не стал. Почему?»

И этот безмолвный вопрос имел только два возможных ответа, и оба были ужасны.

Первый: он покрывает Элвина. Значит, они заодно. Значит, предательство глубже, чем кажется. Значит, тот, кому они доверяли свою безопасность, на чью силу возлагали последние надежды, оказался врагом.

Второй: он просто слаб. Его сила – фарс, иллюзия, или он слишком труслив, чтобы применить ее. А если он слаб, то он бесполезен. А бесполезность в этой гиблой трясине была смертным приговором. Славный человек был таким же грузом, как и предатель.

Его отказ, рожденный из желания сохранить свою человечность, в глазах отряда превратился в акт предательства или в доказательство его никчемности. Он не просто сказал «нет» Крагу. Он сказал «нет» всем им. Их надеждам. Их потребности в уверенности, пусть даже ложной.

Даже те, кто несколько минут назад сомневался в обвинениях Крага, теперь смотрели на Александра с новым, жестким выражением. Страх – великий объединитель. И он нашел себе нового врага. Врага, который не кричал и не угрожал, а просто стоял бледный и безмолвный, не в силах дать им то, в чем они так отчаянно нуждались. И в этой немой сцене рождался новый, еще более страшный раскол.

И тогда он встретился взглядом с Ириной.

И в ее глазах он не увидел ни ярости Крага, ни подлого шепота толпы. Он увидел нечто куда более страшное – разочарование.

Холодное, тяжелое, как свинцовая плита. Оно было лишено гнева, потому что гнев еще предполагает какую-то страсть, какую-то вовлеченность. Это было разочарование хирурга, видящего, что инструмент, на который он рассчитывал, сломался в самый критический момент.

Она не видела его внутренней борьбы. Не видела леденящего прикосновения Ключа, не слышала беззвучного шепота Тени, не чувствовала, как его душа металась между молотом долга и наковальней самоуничтожения. Для нее все было до примитивного просто.

Был вопрос. Был человек с уникальной силой, способный дать ответ. И этот человек сказал «нет».

Ее взгляд говорил яснее любых слов: *«Ты мог спасти то, что осталось от нас. Мог остановить этот хаос. И ты отказался. Ты выбрал себя вместо нас»*.

И в этом был самый горький парадокс. Впервые за все время Александр открыто, сознательно, отказался быть инструментом. Он попытался поступить *как человек*, сохраняя свою душу, свою целостность. И этот поступок, самый человечный из всех возможных, был воспринят как высшая форма предательства.

Его попытка сохранить себя обернулась ударом по всем им. В ее глазах он был уже не загадочным носителем Ключа, не потенциальным спасителем, а просто еще одной проблемой. Ненадежным элементом, который вышел из-под контроля и поставил под угрозу всю миссию.

И это разочарование, это ледяное отчуждение со стороны того, кого он считал лидером и чей авторитет признавал, ранило глубже, чем любая ярость Крага. Это был приговор не только его поступку, но и ему самому.

Он стоял, чувствуя, как последние мосты доверия рушат-

ся и сгорают у него на глазах. Его молчаливый отказ не положил конец распре. Он стал горючим для нового, еще более страшного витка хаоса. И он понимал, что теперь за этот хаос спросят с него.

Молчание, последовавшее за разочарованным взглядом Ирины, было густым и зловещим. Оно длилось всего несколько секунд, но ими воспользовался тот, кто никогда не сомневался в своей правоте.

Краг. Он почуял слабину, как хищник чует кровь. Его взгляд скользнул по лицу Ирины, зафиксировал ее нерешительность и холодное отчуждение, и он понял – его час пробил. Власть, та самая, что держалась на хрупком авторитете и странной силе парня с Ключом, теперь висела в воздухе, ничья. И он протянул руку и схватил ее.

– Хватит! – его голос, хриплый от недавнего крика, прорвал тишину, но теперь в нем не было одной лишь ярости. В нем была непоколебимая уверенность, железная воля, не отягощенная сомнениями. – Раз твое оружие, – он бросил уничижительный взгляд на Александра, – бесполезно, мы будем решать по-старому!

Фраза «по-старому» прозвучала как удар топора по стволу дерева. Примитивно. Жестоко. Неоспоримо. Это был закон сильного, закон страха, тот самый, что правил в темных углах мира, пока цивилизация строила свои хрупкие стены.

И он сработал.

Его сторонники, два угрюмых лесоруба, тут же двинулись

за ним, их топоры уже не просто висели за спинами, а были зажаты в готовых к бою руках. К ним присоединился тот самый молодой солдат, что минуту назад отводил взгляд – его лицо было искажено решимостью, рожденной от страха. Он предпочел ясную жестокость неопределенности.

– Да, хватит ждать! – крикнул один из них.

– Решаем здесь и сейчас!

Они не просто соглашались с Крагом. Они *сплачивались* вокруг него. Его сила и уверенность стали их новым компасом в этом море хаоса.

Александр и Рунар попытались возразить. Александр сделал шаг вперед, его рот уже открывался, чтобы что-то сказать – что именно, он и сам не знал, – но его голос потонул, был сметен и раздавлен общим хором ярости и страха. Рунар начал что-то говорить о «недостаточности доказательств» и «иррациональности поступка», но его научный лепет звучал жалко и неуместно на фоне нарастающего звериного рыка.

Ирина все еще стояла неподвижно. Она не поддержала Крага, но и не остановила его. Она наблюдала, взвешивая. И ее молчание стало молчаливым одобрением. Иногда бездействие – самый громкий приказ.

Группа, и без того расколотая, теперь окончательно распалась на два лагеря. Лагерь тех, кто был готов «решать по-старому», и лагерь тех, кто был слишком слаб, слишком растерян или слишком ошеломлен, чтобы что-то противопоста-

вить этой лавине. Доверие, та самая невидимая нить, что связывала их в некое подобие отряда, была не просто порвана. Она была растоптана в грязи болота под тяжелыми сапогами страха.

Это произошло стремительно, с пугающей, отлаженной жестокостью. Словно по незримому сигналу, Краг и его сторонники – уже не двое, а четверо, к ним примкнули еще двое напуганных и озлобленных людей – сомкнули круг вокруг Элвина.

Они не бежали. Они двигались медленно, тяжело, как жнецы, подходящие к спелому колосу. Их тени, отброшенные угасающим светом Рунара, сплелись в единое чудовищное пятно, поглотившее эльфа. Элвин отступил на шаг, его спина уперлась в колесо повозки. Глаза, широко раскрытые от ужаса, метались по лицам, ища хоть каплю пощады, но находили лишь окаменевшие маски решимости.

Приговор был очевиден. Он витал в воздухе, густой и удушливый, как запах грозы перед смерчем. Его не нужно было провозглашать. Он читался в сжатых кулаках, в блеске запотевших лезвий, в молчаливом кивке Крага. Это был не суд. Это был ритуал изгнания. Очищения через жертвоприношение.

Александр и Рунар попытались вклиниться. Александр крикнул: «Остановитесь! Вы же не знаете наверняка!» Но его слова, полные отчаяния, разбились о сплошную стену спин. Кто-то из людей Крага грубо оттолкнул его, даже не

обернувшись. Рунар, пытавшийся апеллировать к логике, был осмеян коротким, злым рыком: «Прикрой свой ученый рот, колдун! Твои фокусы нам не помогли!»

Ирина все еще стояла в стороне. Ее лицо было бледным, пальцы сжаты в белые кулаки. Она видела, как рушится всё, что она пыталась сохранить. И в этот миг ее авторитет испарился, как капля воды на раскаленном камне. Власть теперь принадлежала тому, у кого хватало духу взять ее. Крагу.

Элвина не стали убивать на месте. Возможно, в них еще теплилась искра той самой цивилизации, что они пытались спасти. Или, что более вероятно, они просто боялись пролить кровь здесь и сейчас, суеверно опасаясь, что она привлечет тварей из болота.

Его вырвали из центра круга, грубо скрутили руки за спиной толстой веревкой, впивавшейся в плоть. Его изящный клинок был отобран и брошен в грязь – символичный жест отречения.

– Предатель, – прошипел Краг, вставая прямо перед ним. – Твоя судьба решена. Мы оставим тебя здесь, в этих болотах. Молись своим богам, чтобы смерть пришла быстро.

Группа не воссоединилась. Она окончательно раскололась на два враждебных лагеря: палачей и тех, кто молчаливо позволил этому свершиться. Правосудие было совершено, но оно было слепым и глухим, рожденным из страха, а не из истины. И в воздухе, пахнущем гнилью и отчаянием, повисло тяжелое знание: доверие было мертво. И они убили его сво-

ими собственными руками.

Александр рванулся вперёд, его собственный страх затмевался ужасом за другого.

– Остановитесь! – его голос, обычно такой сдержанный, сорвался на высокую, почти истеричную ноту. – Вы не знаете наверняка! Вы сами делаете за Тень её работу!

Его слова, полные отчаяния и правды, достигли нескольких ушей, но не достигли ни одного разума. Они разбились о сплошную, непроницаемую стену ярости и страха, будто камешек, брошенный в бушующее море. Кто-то из людей Крага, широкоплечий дровосек, даже не обернувшись, грубо оттолкнул его плечом, заставив споткнуться.

– Отстань, юнец! – прорычал он через плечо. – Мешаешь!

Рунар, в свою очередь, пытался взывать к логике, его тонкий голос пробивался сквозь гул:

– Коллеги! Прошу вас, подумайте! Это иррационально! Мы не проверили альтернативных гипотез! Наши действия основаны исключительно на умозрительных подозрениях и эмоциональной…

Он не успел договорить. Один из бывших солдат, его лицо искажено ненавистью, повернулся к нему и прошипел, брызгая слюной:

– Прикрой свой учёный рот, колдун! Твои фокусы и фор-

мулы нам не помогли! Твой «уникальный инструмент» оказался браком! Теперь мы решаем так!

Слово «так» прозвучало как приговор всему, за что стоял Рунар – разуму, анализу, знанию. В этом хоре ярости не было места для доводов. Истина перестала быть категорией факта, она стала категорией силы. А сила сейчас была на стороне Крага и его уверенности.

Александр стоял, тяжело дыша, глотая горький комок бессилия. Он видел, как Элвина, его глаза полные немого ужаса и предательства, грубо хватают, скручивают руки. Он видел, как его изящный клинок, предмет гордости воина, бросают в грязь. Он слышал рыдания эльфа, но они тонули в победном, злом гуле толпы.

Их голоса – голос разума и голос совести – потонули. Их не услышали. Их просто… затопили. И в этом оглушительном рёве, в этом триумфе самого примитивного страха, Александр с ужасом осознал, что они уже проиграли. Битва была проиграна не тогда, когда на них напала Тень, а вот сейчас, в этот миг, когда они позволили страху заткнуть себе рот.

Краг не стал добивать Элвина. В его жестокости была своя, звериная прагматика. Смерть на месте могла бы вызвать всплеск жалости, последние угрызения совести у тех, кто еще не до конца ожесточился. Нет, он выбрал более изощренное наказание – приговор с отсрочкой.

– Предатель, – провозгласил он, и это слово прозвучало

как печать на официальном документе. – Твоя судьба решена.

Элвина не просто разоружили. Его изящный клинок, предмет гордости воина, вырвали из ножен и с презрением швырнули в грязь. Это был не просто жест – это был акт символического изгнания из их общности. Затем его руки грубо скрутили за спиной толстой веревкой, которая впивалась в запястья, и поставили под караул двух самых ярых сторонников Крага. Не для защиты от внешней угрозы, а чтобы он не сбежал от своего приговора.

«Мы оставим тебя в болотах, – бросил Краг, – как только найдем подходящее место». Эти слова были страшнее немедленной казни. Они означали, что Элвину предстоит пройти еще несколько часов или даже дней, глядя в спины тех, с кем он делил хлеб и опасности, зная, что каждый шаг ведет его к гибели.

И группа… не воссоединилась.

Не было общего вздоха облегчения, не было попыток наладить разрушенное. Вместо этого лагерь застыл, расколотый на два враждебных берега, разделенных невидимой, но непреодолимой пропастью.

На одном берегу – Краг и его люди. Они не праздновали победу, но в их позах читалась мрачная удовлетворенность. Они *действовали*, пока другие колебались. Они восстановили порядок – пусть и ценой чьей-то жизни. Их взгляды, брошенные в сторону Александра и Рунара, были полны презре-

ния и подозрения.

На другом – Александр, Рунар и несколько других, кто не присоединился к расправе, но и не смог ей помешать. Они стояли поодаль, объятые стыдом и ужасом. Их молчание было красноречивее любых слов. Они понимали: то, что только что произошло, было не правосудием. Это был акт коллективного страха, наряженный в его одежды.

Правосудие свершилось. Но оно было слепым, глухим и основанным не на истине, а на удушающем страхе перед невидимым врагом. И самое страшное заключалось в том, что все это понимали. Даже сторонники Крага в глубине души знали, что они поступили не по совести, а по необходимости, рожденной паникой.

И в тяжелом, пропитанном болотными миазмами воздухе, висела невысказанная, но очевидная для всех истина: доверие было мертво. Они убили его своими руками, позволив страху разорвать последние нити, что связывали их в некое подобие братства. Отныне они были не отрядом, а случайной группой людей, вынужденных идти вместе, но не доверяющих друг другу. И этот яд был куда страшнее любой внешней угрозы.

Они устроили привал. Не потому, что были силы идти дальше, а потому, что идти дальше в этом состоянии было бессмысленно. Это был не отдых, а просто прекращение движения – капитуляция перед наступившей тьмой и внутренним хаосом.

Костёр, который развели, не давал тепла. Его пламя, обычно символ уюта и безопасности, сегодня плясало зловещими, нервными тенями по осунувшимся лицам. Оно не собирало их вместе, а лишь подчёркивало пропасть, разделявшую лагерь.

Сторонники Крага сидели плотной группой, поглощая скудную пищу и бросая угрюмые взгляды по сторонам. Они охраняли не только периметр, но и свою правду – жестокую, но дававшую им иллюзию контроля.

Александр, Рунар и те немногие, кто не участвовал в расправе, устроились поодаль. Они не смотрели друг на друга. Стыд и чувство собственного бессилия висели между ними тяжёлым, невысказанным грузом.

И в этой гнетущей, почти полной тишине, сквозь треск огня и привычные ночные шорохи болота, прорезался другой звук.

Тихие, сдавленные рыдания.

Элвин сидел, прислонившись к коряге, в двадцати шагах от костра. Его руки были грубо скручены за спиной, голова опущена на колени. Его плечи время от времени вздрагивали, и из его горла вырывались короткие, разбитые всхлипы, которые он тщетно пытался подавить. Он не кричал, не роптал. Он просто плакал. От страха. От предательства. От осознания неминуемой, одинокой смерти в этом проклятом месте.

Эти звуки были тише шепота листьев, но слышны были

абсолютно всем. Они висели в воздухе, как ядовитый туман, проникая в уши, в мозг, в самое сердце. Каждый всхлип был обвинением. Каждое вздрагивание его плеч – напоминанием о том, что они совершили.

Некоторые отворачивались, делая вид, что не слышат. Другие сжимали челюсти, их лица каменели, – они заглушали голос совести яростью. Но никто не мог игнорировать этот звук. Он был громче любого крика. Это был звук их собственной, умершей человечности.

Александр сидел, сжавшись в комок, и смотрел в огонь, но видел лишь искаженное страхом лицо эльфа. Он слышал эти рыдания, и каждый тихий стон отзывался в нем ледяной пустотой. Он был прав. Он знал, что был прав, видя шлейф Тени. Но его правота не спасла Элвина. Она ничего не стоила перед лицом стадного страха.

И в этой мрачной тишине, разрываемой лишь сдавленными рыданиями приговоренного, стало окончательно ясно: Тень не нужно было нападать на них. Они сами сделали за нее всю работу.

Александр сидел, не чувствуя холода земли под собой, не слыша треска огня. Весь мир сузился до одной простой, ужасающей истины, которая вонзилась в его сознание, как отточенный клинок.

Тень победила.

Она не нападала мясными ордами из трясины. Не насылала ядовитые испарения. Не обрушивала на них древнюю

магию. Она даже не показала своего лица.

Она просто шепнула. Один раз. В нужное ухо.

И они, гордые, сильные, объединенные общей целью, сделали за нее всю работу.

Он смотрел на расколотый лагерь. На людей, которые съежились от страха перед невидимой угрозой и теперь с подозрением косились друг на друга. На Ирину, чей авторитет был растоптан грубой силой страха. На Рунара, чей разум был осмеян и отброшен как ненужный хлам. На Крага, который стал марионеткой, уверенной, что дергает за ниточки сам.

И на Элвина. На его связанную фигуру и тихие, разбитые рыдания, которые были саундтреком к их общему поражению.

Они были армией, которая проиграла битву, даже не выстроившись в боевые порядки. Они убили своего товарища – сначала морально, объявив предателем, а скоро и физически, обрекая на гибель. Они убили доверие, растоптали разум, отдали власть самому громкому и самому запуганному из них.

И всё это – без единого выстрела со стороны врага.

Страх и недоверие, которые Тень посеяла, проросли с чудовищной скоростью и принесли свой ядовитый урожай. Они сами стали орудиями в руках того, кого даже не видели.

Александр сжал руки в кулаки так, что ногти впились в ладони. Он чувствовал себя не просто свидетелем провала. Он

чувствовал себя частью механизма, который позволил этому случиться. Его сила, его Ключ… они стали не решением, а катализатором. Его неспособность заплатить цену привела к тому, что цену заплатил Элвин. А его способность видеть правду оказалась бесполезной перед лицом той лжи, в которую люди так отчаянно хотели верить.

Он сидел и смотрел, как умирает не просто эльф. Умирала их общая цель. Их человечность. И он понимал, что это – куда страшнее, чем любая физическая смерть. Тень не просто отняла у них одного воина. Она отняла у них душу. И они добровольно протянули ее, дрожащими от страха руками.

Взгляд Александра, тяжелый от отчаяния и вины, зацепился за Элвина. Эльф сидел, сгорбившись, его плечи всё ещё вздрагивали от сдерживаемых рыданий. Голова была опущена, светлые волосы скрывали лицо. Казалось, в нём не осталось ничего, кроме животного страха и горя.

Но затем Александр заметил движение.

Рука Элвина, всё ещё скрученная за спиной, была неестественно вывернута. Пальцы, почти невидимые в темноте, шевелились. Не пытаясь освободиться – движения были слишком слабыми, слишком лишёнными цели. Они просто… чертили что-то на влажной, чёрной земле.

Александр присмотрелся, сердце его замерло.

Палец Элвина, дрожа, снова и снова выводил один и тот же узор. Три впадины. Три углубления, образующие простой, но чужеродный знак. Тот самый знак, что Александр

видел в своих видениях, что преследовал его с самого начала этого кошмара.

Это не было сознательным действием. Это был нервный тик, автоматизм, проявление какой-то чужой воли, глубоко въевшейся в его подсознание. Элвин делал это не по своей воле. Он был марионеткой, и кукловод, даже не глядя, дёргал за ниточки, заставляя его тело выдавать свою тайну.

И это было доказательством. Абсолютным и неоспоримым.

Вот она, правда, которую Александр не смог донести. Вот подтверждение того, что Элвин – не предатель, а жертва, пешка в чужой игре. Она была здесь, нарисована на земле дрожащим пальцем самого обвиняемого, у всех на виду.

Александр медленно перевёл взгляд с земли на лица своих спутников.

Краг мрачно чистил свой топор, его взгляд был пуст и сосредоточен на одном – на ожидании расправы. Его сторонники перешёптывались, украдкой поглядывая на связанного эльфа с ненавистью.

Ирина, сидя у огня, смотрела в пламя, её лицо было маской усталой отрешённости. Она видела Элвина, но не видела знака. Или не хотела видеть.

Рунар что-то бормотал себе под нос, делая заметки в потрёпанном журнале, пытаясь найти утешение в логике и фактах, но его взгляд избегал самого главного факта, что был прямо перед ним.

Никто не смотрел. Никто не видел. А если кто-то и видел, то не придавал значения судорожным движениям пальца обречённого.

Правда была здесь. Она царапала свою историю на грязной земле, тихую и отчаянную. И она была абсолютно, совершенно никому не нужна.

Они уже вынесли приговор. Они уже выбрали удобную ложь, которая оправдывала их страх и их жестокость. И никакие доказательства, даже самые очевидные, не могли пробить броню их собственного самооправдания.

Александр смотрел на этот узор, и в его горле вставал горький ком. Это была не победа. Это было надгробие. Надгробие их разуму, их доверию и его последней надежде на то, что правда вообще что-то значит.

Финальный кадр застыл в сознании Александра, более четкий и реальный, чем любая картина перед его глазами. Он сидел, не чувствуя своего тела, отгороженный от мира невидимой стеной из этого осознания.

Его сила. Проклятый Ключ, врученный ему судьбой или случайностью. Он был не спасением. Он не был оружием. Он был палкой о двух концах, заточенной с обеих сторон, и любая хватка была смертельной.

Первый конец: использовать ее.

Протянуть сознание к шепчущей нити Тени. Узнать правду. Спасти Элвина. Стать героем в их глазах.

Цена: Отдать память о первом солнечном дне. Или способность чувствовать радость. Сделать первый шаг в пропасть, откуда нет возврата. Превратиться из человека в инструмент, в исступленного служителя силы, который с каждым разом будет терять всё больше себя, пока не станет просто пустой оболочкой, набитой чужими секретами. Уничтожить себя.

Второй конец: не использовать.

Сохранить свою душу. Остаться человеком, а не орудием.

Цена: Видеть, как подозрение отравляет разум друзей. Как страх рождает чудовищ. Как невинного уводят на смерть. Как группа разрывается на части, а Тень торжествует, не сделав ни единого выстрела. Позволить уничтожить других.

И он сидел, зажатый между этими двумя безднами, и не знал, что хуже.

Стать монстром, чтобы спасти людей? Или остаться человеком и наблюдать, как мир вокруг превращается в ад по твоей вине?

Его внутренний конфликт, эта тихая, невидимая для других битва в его душе, не осталась его личной трагедией. Она стала тем катализатором, той трещиной, в которую хлынул яд. Его нерешительность, его отказ – это была искра, но го-

рючим для пожара стал страх, уже копившийся в каждом.

Он смотрел на угасающий костер, на черный узор из трех впадин, что Элвин вывел на земле, на мрачные силуэты своих спутников, и понимал, что его личная дилемма только что стоила жизни одному из них и, возможно, погубит их всех.

И самый ужасный вопрос, который не давал ему покоя, был не «что делать?». А «кем я стану?», когда этот кошмар закончится. Если он вообще закончится.

Или он уже стал тем, кем должен был стать – палачом, принесшим одного в жертву, чтобы не принести в жертву себя? И был ли это вообще выбор? Или просто иллюзия выбора, замаскированная ловушка, из которой нет выхода?

Он не знал. Он знал только, что тихие рыдания Элвина будут звучать в его ушах вечно. И что холод Ключа на его груди теперь будет напоминать ему не о силе, а о цене. Всегда.

Тишина после ухода Элвина была не облегчающей, а гнетущей, как перед бурей. Она была наполнена невысказанными обвинениями и страхом, который, лишившись одного объекта, тут же начал искать новый. Взгляды, скользящие по чужим лицам, стали острее, подозрительнее.

И они остановились на Ллойде.

Тихий, замкнутый скрибент, день за днём скрупулёзно заполнявший свои свитки аккуратным почерком. Он редко говорил, часто просто наблюдал, его глаза, увеличенные толстыми линзами очков, казалось, всё записывали и ничего не

выдавали.

Причины для подозрений были зыбкими, как болотный туман, и оттого ещё более страшными в своей иррациональности.

– Он странно смотрит, – прошипела одна из женщин, закутываясь потрёпанным плащом. – Никогда не смотрит в глаза. Всё что-то высматривает.

– Слишком много записывает, – мрачно добавил один из бывших солдат Крага. – Всё подряд. Кто что сказал, кто куда пошёл. Как на допросе.

Этого было достаточно. В атмосфере всеобщего психоза логика умерла. Любой, кто выделялся, кто был тише или страннее, автоматически становился мишенью.

И снова вперёд выступил Краг. Но на этот раз в его поведении не было яростного, слепого гнева. Была леденящая душу уверенность. Успех с Элвином, пусть и основанный на лжи, убедил его – и многих других – в его правоте. Он был не просто самым громким, он был «пророком», выявляющим скверну.

Он подошёл не к Ллойду, а к Александру. Его голос был низким, доверительным, словно он делился неким страшным секретом, который был очевиден лишь им двоим.

– Хватит, – сказал он, и в этом слове была не ярость, а усталая, железная решимость. – Хватит этих шёпотов, этих намёков, этой гнили. Мы вырезали один нарыв, но яд ещё в теле.

Он посмотрел на перепуганного Ллойда, а затем снова на Александра, и его глаза горели фанатичным огнём.

– Ты можешь положить конец этому. Раз и навсегда. Не гадать по следам, не строить догадки. Используй свою силу не для того, чтобы увидеть след, а чтобы прочесть саму душу. Загляни в него. Узнай. Скажи нам – виновен он или нет?

Это было новое, ужасающее искушение. Раньше от него требовали быть сканером, детектором. Теперь ему предлагали стать судьёй. Верховным арбитром истины, с правом последнего слова, которое не оспаривается.

И самое страшное, что в его измученном, уставшем от неопределённости сознании, эта идея начала казаться не чудовищной, а… спасительной. Единственным способом остановить это бесконечное падение в бездну взаимных подозрений.

Краг подошел не как буря, а как тень. Его шаги были почти бесшумными по влажной земле. Он остановился перед Александром, и в его глазах не было прежнего слепого бешенства – лишь тяжелая, утомленная решимость человека, взявшего на себя бремя грязной работы.

Его голос был не яростным ревом, а низким, доверительным и оттого еще более жутким внушением. Он звучал так, словно он делился с Александром не обвинением, а неким горьким, необходимым знанием.

– Хватит гаданий, – выдохнул он, и в этих словах слышалась усталость всего отряда, всех их страхов и сомнений. –

Мы все устали от этого. От этих шепотов за спиной, от взглядов, полных подозрений. Мы вырезали один нарыв, но яд… яд все еще здесь. Он отравляет нас изнутри.

Он сделал паузу, давая своим словам просочиться в сознание Александра, в его собственную усталость, в его собственное желание, чтобы все это прекратилось.

– Но ты… ты можешь положить этому конец. Раз и навсегда. – Краг слегка наклонился вперед, понизив голос до интимного, почти заговорщицкого шепота. – Используй свою силу не для того, чтобы просто увидеть след… а чтобы прочесть саму душу.

Фраза «прочесть саму душу» повисла в воздухе, тяжелая и кощунственная.

– Загляни в него, – Краг кивнул в сторону Ллойда, не удостаивая того взглядом, как будто тот был уже не человеком, а предметом, объектом исследования. – Узнай. Всю правду. И скажи нам. Скажи нам раз и навсегда – виновен он или нет?

Это было не требование. Это было искушение, одетое в одежды спасительного решения. Краг предлагал ему не просто использовать силу. Он предлагал стать живым божеством, верховным судьей, арбитром, чье слово станет окончательной, неоспоримой истиной. Он предлагал власть положить конец хаосу. И в измученной, полной вины и страха душе Александра, это предложение начало находить отклик. Оно казалось единственным якорем в этом море безумия.

Александр, оглушённый чудовищностью предложения

Крага, инстинктивно искал взгляд Ирины. Он искал в её глазах ту самую твёрдую опору, запрет, моральный барьер, который бы остановил это безумие. Он ждал, что она встанет между ним и этой пропастью, как лидер, как голос разума.

Но то, что он увидел, заморозило кровь в его жилах хуже любого крика.

Ирина стояла неподвижно, её руки скрещены на груди. Она не смотрела на него. Её взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх головы Ллойда, в болотную мглу. Её лицо, обычно выражавшее решимость или усталую озабоченность, теперь было пустым. Выветренным. На нём не было ни гнева, ни одобрения, ни даже разочарования. Лишь тяжёлая, безразличная усталость.

И в этом молчании, в этом отказе встретиться с его взглядом, Александр прочитал всё.

Она не остановит Крага. Она не произнесёт слова осуждения. Её молчание было не нейтральным. Оно было *соглашающимся*.

Она была готова на всё. На всё ради призрака порядка, ради иллюзии контроля. Если цена остановки сползания в хаос – превращение одного из её людей в орудие пыток, а другого – в его объект, то она готова её заплатить. Её долг – сохранить отряд как боевую единицу, любой ценой. А что такое душа одного человека по сравнению с выживанием всех?

Это молчаливое одобрение было страшнее любого приказа Крага. Оно лишало Александра последней внешней опо-

ры. Теперь не было никого, кто мог бы сказать «это переходит все границы». Границы были стёрты. Оставался только он, его сила и этот ужасающий выбор, который от него ждали.

Он был один. Совершенно один перед лицом самой тёмной двери, в которую его теперь приглашали войти.

Под давлением – тяжёлым, как свинцовый саван, – исходящим и от Крага, и от молчаливого одобрения Ирины, и от собственного измотанного сознания, Александр медленно повернул голову.

Его взгляд упал на Ллойда.

Скрибент съёжился, его глаза за толстыми стёклами очков были полы от чистого, животного ужаса. Он прижимал к груди свои свитки, как щит, его пальцы белели от напряжения. Он был воплощённым страхом, живой трагедией.

Но зрение Александра сработало – и всё исказилось.

Мир вокруг Ллойда поплыл, потерял чёткость, стал размытым фоном. Сам Ллойд не исчез, но… преобразился. Его аура, обычно просто сияние, теперь выглядела как плотный переплёт из светящихся линий, испещрённых мерцающими рунами. Он был похож на древний, запертый на множество замков фолиант. Или на сложный сундук с потайными отделениями. Или на шифр, составленный из движущихся, переливающихся символов.

Испуганный человек исчез. На его месте был объект. Сосуд. Хранилище информации.

И этот объект… *призывал* его. Манил. Внутри была Истина. Ответ. Ключ к прекращению этого кошмара. Всё, что нужно было сделать, – это «вскрыть» его. Приложить силу Ключа к этому «замку» и заставить его раскрыться.

Холод амулета на его груди пульсировал в такт этому новому, уродливому видению, подстёгивая его, шепча на языке чистого инстинкта: *«Прочти. Узнай. Вскрой»*.

Холод Ключа был уже знакомым ощущением, предвестником боли и потери. Но сейчас это было нечто иное. Мерзкий металл на его груди не просто леденил кожу – он *пульсировал*.

Тусклый, глубокий ритм, в точности совпадающий с учащённым, почти болезненным стуком его собственного сердца. *Удар.* Пульсация. *Удар.* Пульсация.

Это не было пассивным откликом. Это было *соучастие*. Активное, почти разумное.

С каждым ударом в его сознание вплетался тонкий, не имеющий звука, но ощутимый посыл:

«Они правы… Посмотри на него. Он уже не человек. Он – загадка. А ты… у тебя есть отгадка.»

Пульсация усиливалась, становясь навязчивой, соблазняющей.

«Хватит страдать. Хватит сомневаться. Одним движением… одним приказом… и всё станет ясно. Ты положишь конец их страхам. Ты станешь тем, кто принесёт определённость. Они будут бояться тебя… но они будут

слушаться. Они будут ненавидеть… но они перестанут сомневаться.»

Это был шепот чистого, безразличного могущества. Ключ предлагал ему не просто узнать правду о Ллойде. Он предлагал стать *арбитром реальности*. Тому, чьё слово становится окончательной истиной, потому что он может силой вырвать её из чужой души.

Искушение стало физическим, тягучим и сладким. Его рука, будто помимо его воли, дрогнула и потянулась к амулету. Пальцы сомкнулись вокруг холодного металла, и в ту же секунду пульсация слилась с ним воедино. Он больше не чувствовал, где заканчивается его плоть и начинается Ключ. Они были одним целым – человек и инструмент, готовые совершить акт насильственного откровения.

Он стоял на острие ножа. С одной стороны – испуганный, дрожащий человек, чье внутреннее пространство он собирался разрушить. С другой – уставшая, озлобленная группа, жаждущая простого ответа. А внутри него – древняя сила, шепчущая, что могущество оправдывает любые средства.

И его пальцы сжимали Ключ

Искушение перестало быть абстрактным. Оно стало физическим, почти сексуальным позывом. Его рука, будто помимо его воли, дрогнула и потянулась к амулету. Пальцы сомкнулись вокруг холодного металла, и в ту же секунду пульсация слилась с ним воедино. Он больше не чувствовал, где заканчивается его плоть и начинается Ключ. Они были од-

ним целым – человек и инструмент, готовые совершить акт насильственного откровения.

Он стоял на острие ножа. С одной стороны – испуганный, дрожащий человек, чье внутреннее пространство он собирался разрушить. С другой – уставшая, озлобленная группа, жаждущая простого ответа. А внутри него – древняя сила, шепчущая, что могущество оправдывает любые средства.

И его пальцы сжимали Ключ всё туже.

И в тот самый миг, когда его воля, закалённая в горниле отчаяния, уже готова была скомандовать – *ВСКРЫТЬ* – его пронзило новое знание.

Оно пришло не как мысль, а как физическое ощущение – внезапная, острая пустота в висках, словно кто-то вырвал клок из самой ткани его памяти. И вместе с пустотой пришла ясность, холодная и безжалостная, как лезвие:

Цена.

Чтобы прочесть его душу, чтобы силой вырвать все тайны Ллойда… ты забудешь голос своего лучшего друга.

Не память о нём. Не его имя, не образ его лица, не события, которые они пережили вместе.

Именно голос.

Тот самый, что когда-то звал его через шумную улицу, полный смеха и жизни. Тот, что шептал слова ободрения в самые тёмные ночи, становясь якорем в бушующем море. Тот уникальный тембр, те интонации, что были звуковым воплощением всего, что значила эта дружба.

Самое живое, самое сокровенное, что связывало его с тем, кем он был когда-то, до Ключа, до этого кошмара. Это был не просто звук – это был мост к его собственной, неискажённой душе.

И этот мост предлагали сжечь. Обменять на насильственное проникновение в душу другого.

Внутренняя борьба достигла пика. С одной стороны – ужасающая власть, способная положить конец распрям, стать богом и судьёй для этих людей. С другой – призрачный шёпот из прошлого, последний обломок его собственной, неосквернённой человечности.

Он стоял, сжимая Ключ, его лицо исказилось от агонии. Он чувствовал, как его разум раскалывается надвое. Одна часть кричала: «Сделай это! Положи конец этому безумию!», другая, тихая и разбитая, шептала: «Не отдавай последнее, что делает тебя тобой».

И он не знал, какая часть победит.

Внутри Александра бушевала гражданская война. Две части его существа, разорванные искушением, сражались не на жизнь, а на смерть.

Одна часть – Уставший Страж.

Она измотана до предела. Она видела смерть Элвина, видит страх в глазах Ллойда и ненависть в глазах остальных. Эта часть умоляла, требовала, *жаждала* положить конец этому кошмару. Она шептала соблазнительные аргументы:

«Они сами этого хотят! Они просят порядка! Ты можешь его дать!

Одним движением мысли ты прекратишь эти пытки подозрений. Ты станешь гарантом истины. Они будут бояться тебя, но они перестанут бояться друг друга.

Разве это не меньшая цена? Пожертвовать одним призраком из прошлого, чтобы спасти живых? Ты будешь как хирург, отрезающий гниющий палец, чтобы спасти тело. Это больно, но необходимо.»

Эта часть жаждала той тишины, что наступит после окончательного вердикта. Власти, которая принесет покой.

Другая часть – Последний Свидетель.

Она была тише, но её голос пронзал до мозга костей. Она не кричала, а лишь с ужасом показывала на ту пустоту, что должна была образоваться.

«Они просят тебя стать палачом. Не тела – души.

Ты собираешься вломиться в чужой внутренний мир с топором и выдрать оттуда всё, что захочешь. Ты станешь насильником сознания.

И плата… плата – это не «память». Это сам цвет твоей души. Голос друга… это не просто звук. Это доказательство, что ты когда-то был способен на доверие, на любовь. Это последняя нить, связывающая тебя с тем Александром, который умел смеяться без причины.

Отдашь это – и следующей ценной будет твоя способность отличать добро от зла. Ты станешь чистым, холодным разумом. Инструментом. И ты больше никогда не сможешь плакать.»

Он стоял на лезвии бритвы. С одной стороны – божественное, всевидящее знание о другом человеке и иллюзорная власть прекратить распри. С другой – жалкая, хрупкая, но последняя крупица его собственной, неподдельной человечности.

Он должен был выбрать: получить абсолютную власть над правдой, потеряв часть своей души. Или остаться человеком, обречённым на сомнения и хаос.

И оба выбора вели в разные, но одинаково ужасные версии ада.

В лагере воцарилась мёртвая тишина. Такая, что был слышен лишь треск догорающих углей да отдалённый, болотный скрип невидимой твари. Воздух стал густым, тяжёлым, им было трудно дышать.

Все замерли.

Краг стоял, скрестив руки на груди, его взгляд был пристальным и тяжёлым, как гиря. В его глазах не было сомнений – лишь холодная уверенность в том, что должно произойти.

Ирина отвернулась, делая вид, что проверяет снаряжение, но напряжение в её спине выдавало её. Она слушала. Она ждала.

Сторонники Крага затаили дыхание, их глаза блестели в полумраке – от страха, от ненависти, от жажды окончательного ответа.

Даже Рунар замолк, его научное любопытство на мгновение подавлено осознанием чудовищности происходящего.

И Ллойд… Ллойд смотрел на Александра.

Его глаза за толстыми стёклами были огромны, полны немого, животного ужаса. В них не было вопроса. Был ответ. Он *понимал*. Он видел, как рука Александра сжимает Ключ, видел искажённое борьбой лицо, чувствовал на себе тот пронзающий, бездушный взгляд, который превращал его из человека в объект. Он видел, что его душа, его самые сокровенные тайны, его страхи и мысли вот-вот будут вывернуты наизнанку, как карманы, перед всеми этими людьми. И он был абсолютно бессилен это остановить.

В этой тишине, под давлением всех этих взглядов – требовательных, испуганных, ожидающих, – Александр медленно, почти ритуально, поднял свою свободную руку и обхватил Ключ. Пальцы сомкнулись вокруг холодного металла. Он

закрыл глаза, его лицо исказилось от последней, отчаянной внутренней битвы. Он был на самой грани. Вершине. Готовый шагнуть в бездну или отступить в хаос.

И все они, каждый в лагере, застыли в ожидании его выбора. Судьба Ллойда, душа Александра и последние остатки доверия в этом отряде висели на этом острие.

Время замедлилось до ползучей, медовой капли. Каждый звук – собственное дыхание, треск угля, сдавленный вздох Ллойда – отдавался в ушах Александра оглушительным грохотом.

Его рука поднялась, движение было неестественно медленным, словно он преодолевал сопротивление плотной воды. Пальцы, холодные и одеревеневшие от напряжения, сомкнулись вокруг Ключа.

Металл встретил его прикосновение не пассивной прохладой, а *активным холодом*, который обжигал кожу, словно раскалённое железо, но обжигал ледяным пламенем. Это был холод небытия, пустоты, той самой цены, что он вот-вот собирался заплатить. Холод, который обещал выжечь в нём всё человеческое и оставить лишь чистую, безразличную силу.

Он закрыл глаза.

Внешний мир – замершие фигуры, полные ожидания лица, искажённый ужасом взгляд Ллойда – исчез. Осталась только внутренняя вселенная, разрываемая на части.

Перед ним стояли два пути, яркие и чёткие:

Путь Силы. Он видел его ясно, как сон наяву. Он отдаёт приказ. Его сознание, усиленное Ключом, как таран, обрушивается на хрупкие защиты разума Ллойда. Он слышит хруст ломающихся психических барьеров. И затем… знание. Полное, абсолютное. Все страхи Ллойда, его тайные мысли, его невинные грешки, его самые постыдные воспоминания – всё это становится его собственным достоянием. Он видит истину. И он провозглашает её вслух: «Он чист». Или «Он виновен». И хаос прекращается. Наступает тишина. Цена? Всего лишь призрак. Всего лишь голос, который он и так почти забыл.

Путь Человечности. Он отступает. Открывает глаза, разжимает пальцы, чувствуя, как по ним пробегает судорожная дрожь. Он говорит «нет». И тогда хаос обрушивается с новой силой. Краг взорвётся яростью. Подозрения падут на него самого. Ллойда, возможно, всё равно растерзают. А он останется с собой. Со своим бессилием. Но… с тем самым голосом в памяти. С последним обломком своего «я».

Он стоял на самой грани. Его воля, как натянутая струна, готовая либо лопнуть, либо сорвать смычок и издать звук, который изменит всё.

Его пальцы сжали Ключ так, что костяшки побелели. Дыхание замерло в груди.

Он был готов. Готов заплатить цену.

Крупный план его лица.

Каждая мышца напряжена, будто высечена из мрамора

под ударами невидимого молота. Веки сомкнуты так плотно, что в уголках глаз собрались лучики морщин, влажный блеск проступает сквозь ресницы. Губы поджаты в белую, тонкую нить, но уголок правой чуть подрагивает, выдавая нервный тик.

Это лицо агонии. Лицо человека, разрываемого изнутри.

Но это не всё.

Сквозь маску страдания, сквозь гримасу боли, на его лицо пробивается нечто иное. Нечто куда более опасное.

Проблеск надежды.

Не светлой и чистой, а тёмной, тяжёлой, как расплавленный свинец.

В этом проблеске – обещание конца. Конца сомнениям. Конца этим изматывающим спорам, этим взглядам, полным подозрения, этому вечному страху перед неизвестностью.

Он видит это с поразительной ясностью, как искусительное видение: он использует силу. *Один раз*. Всего один. И всё меняется.

Он произносит вердикт. «Виновен» или «Нет» – неважно. Важно, что это слово становится законом. Больше не нужно голосований, не нужно доводов, не нужно мучительных поисков доказательств. Есть он – и есть Истина, которую он провозглашает.

Краг замолчит. Ирина получит свой порядок. Все они… все они будут смотреть на него не с ненавистью или страхом, а с благоговейным ужасом. С пониманием, что он держит в

своих руках ключ к самой их сути.

Он сможет установить окончательный, неоспоримый порядок. Жестокий, возможно. Основанный на страхе – без сомнения. Но это будет порядок. Тишина после бесконечного грома.

И этот проблеск, эта тёмная надежда, почти, *почти* перевешивает агонию. Почти заставляет его пальцы сжаться ещё туже, его волю – скомандовать: *«Сделай это»*.

Он висит на волоске. И перевесит его чашу весов – жажда порядка или ужас потери себя – не знает даже он сам.

В последний момент, когда его воля, закалённая в аду соблазна, уже была готова отдать роковой приказ – *ВСКРЫТЬ* – его пронзило.

Это было не воспоминание. Не чёткий образ, не голос. Это было ощущение.

Внезапное, стремительное, как удар кинжала.

Ощущение тяжёлой, дружеской ладони, хлопающей его по плечу. Мимолётное чувство тяжести, тепла, доверия, которое когда-то было таким обыденным, а теперь – утраченным навсегда.

Смутный, размытый контур улыбки. Ни лица, ни имени – только сама геометрия радости, отпечатанная где-то в глубине души.

Обрывок смеха. Не сам звук, а его *эхо* – вибрация, которая когда-то заставляла его собственное сердце биться в унисон.

Тень того, что он собирался продать. Призрак той самой

человечности, которую он был готов обменять на могущество.

И этого оказалось достаточно.

Его рука дёрнулась, как от удара током. Пальцы, впившиеся в металл, с силой разжались, отшвырнув Ключ прочь, словно он был не холодным металлом, а раскалённым докрасна железом, прожигающим плоть до кости.

Он отступил на шаг, споткнулся, его тело содрогнулось от подавленного, надорванного стона, вырвавшегося из самой глотки:

– Я… не могу.

Эти слова прозвучали не как признание слабости. Они прозвучали как отречение. Отказ от короны. Отказ от божественного суда.

Он стоял, тяжело дыша, опустошённый, глядя на свои дрожащие пальцы, на которых остался ледяной ожог от прикосновения к Ключу. Он не сделал этого. Он сохранил в себе тот обрывок смеха, тот призрак улыбки. Но цена… цена была ясна. Он только что подписал приговор хрупкому перемирию в лагере. Хаос, который он надеялся остановить, теперь обрушится на них с новой, удвоенной силой.

И он, и все они, были обречены. Но в эту секунду он был человеком. Разбитым, испуганным, но человеком.

Воздух, который секунду назад был наэлектризован ожиданием чуда, теперь выдохся, оставив после себя тяжёлую, гнетущую пустоту.

– Я… не могу, – прозвучало не как шёпот, а как приговор. Приговор их последней надежде на простой выход.

Александр стоял, опустошённый, его рука всё ещё дрожала, но его голос приобрёл твёрдость, рождённую не силой, а отчаянием. Он смотрел не на Крага, а на Ирину, взывая к последним остаткам её здравомыслия.

– Я не могу этого сделать. Я не буду… верховным судьёй. Это не та сила, которую можно использовать для вынесения приговоров.

Краг издал звук, средний между рыком и презрительным смехом. Но Александр продолжил, его слова были обращены ко всем, кто ещё способен был слушать:

– Мы не знаем правды. Мы лишь боимся. И страх – плохой советчик. Мы свяжем его, – он кивнул на Ллойда, который, казалось, вот-вот лишится чувств от облегчения и нового страха. – Мы будем охранять его. Будем искать настоящие, неопровержимые доказательства. Но мы не станем вершить скорый суд, основанный на… на этом. – Он с отвращением посмотрел на Ключ у себя на груди. – Мы не станем палачами без доказательств.

Это было решение, принятое по-человечески. Попытка сохранить хоть крупицу справедливости в аду паранойи. Последний оплот цивилизации перед лицом хаоса.

И оно было трагической ошибкой.

На лицах сторонников Крага читалось разочарование, переходящее в ярость. Они видели не благоразумного лидера,

а слабака, который в решающий момент дрогнул. Они жаждали действия, определённости, а им предложили неопределённость и ожидание.

Ирина смотрела на Александра, и в её глазах не было благодарности. Была лишь усталая, безжалостная ясность. Она видела, как её последний шанс сохранить контроль над ситуацией утекает сквозь пальцы. Его благородный порыв был для неё не принципиальностью, а непозволительной роскошью, катастрофой.

– Как хочешь, – холодно бросила она, и её молчаливое одобрение сменилось ледяным отчуждением. – Тогда он твоя ответственность. И всё, что произойдёт дальше, – на твоей совести.

Это была точка невозврата.

Отказавшись стать их богом, Александр не вернул их к человечности. Он лишь окончательно расколол группу. Теперь у них не было ни божественного арбитра, ни сильного лидера. Были лишь страх, злоба и связанный пленник, который стал живым воплощением их раздоров.

Они сделали «правильный» выбор. И этим подписали себе приговор.

Словно плотина, не выдержавшая напора, тишина взорвалась. Но на этот раз это был не единый рёв, а хаотичный хор гнева, страха и разочарования.

– СЛАБАК! – прорвался Краг, его лицо снова исказилось знакомой гримасой ярости, но теперь в ней была ещё и горь-

кая победа. – Я так и знал! В тебе нет стали! Ты готов погубить всех нас из-за своих химер! Ты боишься силы, которая дана тебе!

Его слова, как искры, упали в бочку с порохом.

– Он прав! – крикнул один из лесорубов, сжимая свой топор. – Мы доверились тебе, а ты нас предал!

– Он покрывает его! – заверещала женщина-лучница, её палец дрожащей рукой был направлен то на Александра, то на Ллойда. – Они заодно! Оба они!

– Нам нужна была правда! – кто-то простонал из толпы, и в его голосе слышалось отчаяние. – А ты оставил нас в неведении!

Буря была не только направлена на Александра. Она раскалывала саму группу. Те, кто ещё сохранял остатки рассудка, пытались возражать, но их голоса тонули в общем хоре ярости. Обвинения летели уже не только в Ллойда, но и в самого Александра. В его слабость. В его нерешительность. В его «предательство».

Решение, принятое «по-человечески», стало керосином, вылитым в костёр их страхов. Они чувствовали себя преданными. Им предложили всемогущего бога, который наведёт порядок, а он отказался, оставив их один на один с хаосом. И теперь этот хаос обрушился на того, кто его не остановил.

Александр стоял, принимая на себя этот шквал, и чув-

ствовал, как почва уходит у него из-под ног. Он пытался поступить правильно. А правильное оказалось самым разрушительным из всех возможных выборов.

Ночь поглотила лагерь, но не принесла покоя. Раскол был слишком глубоким, чтобы его можно было залатать дежурствами. Сторонники Крага мрачно дежурили по своим углам, бросая злые взгляды на Александра и его «подопечного». Сам Александр, измотанный морально и физически, не мог уснуть, его бдительность была притуплена внутренней борьбой. Ирина устранилась, предоставив им самим разбираться с последствиями.

Именно этой разобщённостью и воспользовались.

На рассвете их разбудил не крик часового, а леденящее душу ощущение пустоты. Место, где сидел связанный Ллойд, было пусто. Веревки лежали на земле, аккуратно разрезанные.

Сначала – шок. Потом – тихий, сдавленный стон Рунара:

– Свитки… Мои исследовательские свитки… Они исчезли.

Он рылся в своей поклаже, его лицо становилось всё бледнее. Исчезли не все. Только самые ценные. Те, что содержали расшифровки древних руин, карту с маршрутом к Укрытию и заметки о слабостях Тени.

Или, возможно, это было нечто иное. Краденый предмет менялся, но суть оставалась прежней:

Если это карта – они слепы и обречены блуждать в болотах.

Если это лекарства – следующий раненый умрёт в муках.

Если это ключевой артефакт – их миссия обречена на провал с самого начала.

Неважно, что именно было украдено. Важен был факт.

Правда, которую Александр пытался защитить, оказалась ловушкой.

Краг не кричал. Он подошёл к Александру, и его лицо выражало уже не ярость, а нечто более страшное – ледяное, безразличное торжество.

– Ну что, судья? – его голос был тихим и острым, как лезвие. – Доволен своим решением? Ты так боролся за его невиновность… и он отблагодарил нас. Он забрал у нас шанс на спасение.

Он медленно обвёл взглядом бледные, полные ужаса лица остальных.

– Он был предателем. А ты… ты его главный сообщник. Может, и не по злому умыслу. По глупости. Но от этого не легче.

Александр стоял, глядя на пустое место и разорванные верёвки, и в его ушах звучал тот самый, едва уловимый обры-

вок смеха, который он сохранил. И сейчас он казался не утешением, а самой горькой насмешкой. Он сохранил свою душу и отдал их шанс на выживание.

Тень не просто наблюдала. Она использовала его принципы как оружие против них всех. И это оружие оказалось смертоноснее любого клинка.

Ярость, копившаяся ночь, вырвалась наружу с утроенной силой. Она была уже не хаотичной, а сфокусированной, целенаправленной – и оттого ещё более страшной.

– Я же говорил! – взревел Краг, но на этот раз его рёв был подхвачен единодушным рыком толпы. Его палец, словно копьё, был направлен прямо в грудь Александру. – Я говорил! Но ты, со своим гуманизмом, со своей жалостью! Ты своими руками вложил в него нож, который он воткнул нам в спину!

Слова «нож в спину» вызвали физическую реакцию. Несколько человек инстинктивно почувствовали спины, их лица исказились гримасами ненависти и страха.

– Он украл карту! Мы заблудимся и сгинем в этой трясине!

– Из-за тебя! Все из-за тебя!

– Ты предатель! – это крикнула уже не Краг, а одна из женщин, её голос сорвался на визг. – Хуже того шпиона! Ты притворялся своим, а на деле ты ему потворствовал!

Фраза «потворствующий врагу» повисла в воздухе, ядовитая и прилипчивая. Она была страшнее прямого обвинения в шпионаже. Она рисовала Александра слабым, наивным глупцом, чья сомнительная мораль оказалась дороже жизней товарищей.

Все обвинения, все страхи, вся горечь от потери Элвина и теперь – от побега Ллойда – обрушились на одного человека. На Александра.

Он стоял, окружённый кольцом оскаленных лиц, и видел в их глазах уже не подозрение, а уверенность. Уверенность в его вине. Его гуманизм, его попытка сохранить человеческое достоинство в этом аду, стал в их глазах доказательством его предательства.

Краг подошёл вплотную, его дыхание было тяжёлым и горячим.

– Твоя «справедливость» стоила нам единственного шанса, – прошипел он так, что слышал только Александр. – Ты не достоин быть с нами. Ты – дыра в нашей обороне. Ты – угроза.

В этих словах не было вопроса. Был приговор. И Александр с ужасом понимал, что для этой обезумевшей толпы он теперь был не носителем Ключа, не странным парнем с силой, а главным врагом. Позорным козлом отпущения, на которого можно было свалить весь свой страх и всю свою ярость.

Он пытался спасти душу Ллойда и сохранить свою. В итоге он потерял и то, и другое, и приобрёл ненависть всех, кто остался.

Их ярость была слепой и стремительной. Не нужно было уговоров – всё, что осталось от группы, как один организм, рванулось в погоню. Гнев был топливом, страх – кнутом. Александр был втянут в этот поток, затравленный взглядами, живое воплощение их общей ошибки.

Они мчались по следам, оставленным на влажной земле, глухие ко всему, кроме жажды мести. И тогда они наткнулись на него.

Ллойд. Он стоял посреди небольшой поляны, спиной к ним, неподвижный. Его фигура казалась неестественно прямой.

– Держите его! – проревел Краг, и они, как стая гончих, бросились вперёд, чтобы окружить его.

Именно тогда мир перевернулся.

Тела первых преследователей, ворвавшихся на поляну, вдруг бессильно рухнули на землю, не издав ни звука. Не от стрелы или клинка – они просто падали, как подкошенные. Остальные, в том числе Александр и Краг, замерли на краю, в ужасе вглядываясь в происходящее.

И тогда «Ллойд» обернулся.

Это была не его плоть. Это была кукла, слепленная из грязи, мха и болотного тумана, с грубо налепленными чертами лица. И она таяла на глазах, расползаясь вязкой чёрной жи-

жей по земле.

Засады не было. Не было и заговорщиков, поджидавших их в укрытии.

Была лишь эта жуткая, бессмысленная инсценировка.

И тогда Рунар, его голос дрожал от осознания чего-то ужасного, прошептал:

– Это… ловушка-призрак. Ментальная мина. Она не причиняет физического вреда… Она просто… вышибает разум. Оставляя тело невредимым.

Они осторожно подошли к упавшим. Их товарищи были живы. Они дышали. Но их глаза были пусты и широко раскрыты, в них не было ни капли осознания. Они были пустыми сосудами.

Шок сменился леденящим душу откровением.

Ллойд не убегал *от них*. Он… или то, что им управляло… заманило их сюда. Целью была не кража. Целью было *это*. Вывести из строя ещё нескольких. Увеличить их страх. Показать им, что они бессильны.

И самая горькая ирония заключалась в том, что если бы они не поддались ярости, если бы остались вместе, рационально оценили ситуацию… этой ловушки можно было бы избежать.

Александр смотрел на пустые глаза своих товарищей, а затем на разлагающуюся куклу-приманку, и его охватила новая, всепоглощающая волна ужаса. Это была не война. Это была жестокая, расчётливая игра. И они были в ней пешка-

ми, подталкиваемыми к самоуничтожению.

Они отступали от поляны с «умственной миной», таща за собой тела ошеломлённых товарищей, как разбитая армия после сокрушительного поражения. Ярость сменилась глухим, безнадёжным ужасом. Они брели, почти не глядя по сторонам, их бдительность была убита шоком.

Именно поэтому они почти наткнулись на него.

Тело Ллойда лежало в неглубокой канаве, всего в сотне шагов от лагеря. Его шея была неестественно вывернута, а на лице застыла маска немого ужаса. Он не выглядел как хитрый предатель, совершивший побег. Он выглядел как жертва.

Рунар, всё ещё дрожа, опустился на колени. Он не стал осматривать тело. Вместо этого его взгляд упал на предмет, зажатый в окоченевшей руке скрибента. Не украденные свитки. Не карта.

А маленький, грубо вырезанный из тёмного дерева значок. Три впадины.

И рядом с телом, на земле, валялся смятый, испачканный грязью клочок пергамента. На нём было нацарапано несколько слов, почерк был нервным, торопливым:

«ОНИ ЗАСТАВИЛИ МЕНЯ. ПРОСТИТЕ. ОН СРЕДИ…»

Фраза обрывалась.

Наступила тишина. Но на этот раз это была не тишина шока, а тишина страшного, окончательного прозрения.

Ллойд не был предателем. Он был пешкой. Приманкой. Настоящий враг, тот, кто дергал за ниточки Тени, заставил его сыграть свою роль – вызвать подозрения, спровоцировать раскол, а затем и побег, который заведёт их в ловушку. А потом устранил его, чтобы замести следы и оставить их в уверенности, что виновный «справедливо» наказан.

Все обвинения, вся ярость, всё моральное превосходство Крага и чувство вины Александра – всё это оказалось фарсом. Жестоким спектаклем, разыгранным настоящим предателем, который всё это время наблюдал за ними и смеялся.

Александр медленно поднял глаза от тела и встретился взглядом с Крагом. В глазах воина не было торжества. Был лишь животный, немой ужас. Ужас от осознания, что его «правосудие» с самого начала было ошибкой. Что он, своими руками, загнал в угол и обрёк на смерть невинного человека.

А потом, медленно, как один человек, все выжившие повернули головы и оглядели друг друга.

Фраза «ОН СРЕДИ…» висела в воздухе, невысказанная, но видимая каждому.

Настоящий предатель был здесь. Среди них. И он только что заставил их собственными руками уничтожить друг друга.

Тишина после обнаружения тела Ллойда была громче любого взрыва. Она была тяжёлой, густой, наполненной леденящим душу осознанием. Все обвинения, все подозрения,

всё это время они смотрели не туда.

И тогда Александр, всё ещё чувствуя жгучий стыд за свою ошибку, почувствовал знакомый холодок Ключа. Но на этот раз это был не зов силы, а тихий, настойчивый сигнал. Предупреждение.

Его взгляд, почти против его воли, скользнул по лицам. Мимо перепуганных, мимо опустошённых Крага и Ирины… и остановился на *нем*.

На Торгене. Молчаливом, непоколебимом стороннике Крага. Том самом, что всегда был на шаг позади своего лидера, чьё лицо всегда было каменной маской преданности. Том, кто первым бросался выполнять любой приказ, чья ярость казалась самой искренней.

И сейчас, пока все остальные были сломлены или в ярости, на лице Торгена была… *пустота*. Ни страха, ни гнева. Лишь холодная, отстранённая ясность. И в его руке, сжимающей рукоять меча, не было готовности к бою против внешней угрозы. Была собранность хищника, приготовившегося к последнему, решающему удару *внутрь*.

– Торген… – имя сорвалось с губ Александра не как обвинение, а как горькое прозрение.

Все взгляды устремились на воина. Краг с недоумением посмотрел на своего самого верного товарища.

– Что? – буркнул Торген, но его голос был лишён привычной грубоватой теплоты. Он был ровным и холодным, как сталь.

– Это… ты, – прошептал Рунар, его мозг, наконец, сложил все нестыковки. – Это ты подбросил первые «улики» на Элвина. Это ты громче всех кричал о предательстве Ллойда. Ты… ты вёл нас.

Торген не стал отрицать. Он медленно кивнул, и в его глазах вспыхнула не ненависть, а нечто более сложное и страшное – бездонная, всепоглощающая *скорбь*.

– Они у меня жена, – его голос был тихим, но слышным каждому. – Две дочери. В Укрытии. Тень… нашла их. Показала мне… знак. Три впадины, выжженные на стене их комнаты.

Он сделал паузу, глотая воздух.

– Мне дали выбор. Или все вы… или они. – Он посмотрел прямо на Крага, и в его взгляде была просьба о прощении, которую он сам себе никогда не позволит. – Ты бы поступил так же, Краг. Ради своей семьи. Любой бы поступил.

Или, возможно…

– Нет, – вдруг сказал Торген, и его голос приобрёл странную, фанатичную твёрдость. – Я не ради семьи. Я… ради нас. Наших. Союз обречён. Все эти эльфы, маги… они слабость. Они принесут нам гибель. Тень… она сильна. Она неизбежна. И я выбрал сторону победителя. Чтобы хоть кто-то из нашего народа выжил. Я не предатель. Я… спаситель.

Истинным предателем оказался не тот, кто жаждал власти, а тот, кем двигала либо безграничная любовь, либо искренняя, пусть и извращённая, вера. И от этого его преда-

тельство было в тысячу раз страшнее. Потому что его нельзя было просто ненавидеть. Его нужно было… понимать. И это понимание было самым горьким ядом.

Разоблачение Торгена повисло в воздухе тяжёлым, ядовитым облаком. Не было криков ярости, не было немедленной расправы. Была оглушительная тишина, в которой тонули последние остатки доверия и братства.

Краг смотрел на человека, которого считал своим братом, и в его глазах не было гнева. Был шок, столь глубокий, что он парализовал даже его ярость. Он видел не врага, а пустоту, где когда-то был союзник.

– Торген… – его голос сорвался, звуча хрипло и беспомощно.

Торген стоял, не пытаясь бежать или защищаться. Его миссия была выполнена.

– Они знают, – тихо, но чётко произнёс Рунар. Он смотрел не на Торгена, а на Александра и Ирину, его лицо было пепельно-серым. – Все наши планы. Расположение Укрытия. Наши слабые места. Силы. Всё. Он всё передал.

Осознание ударило с силой физического удара.

Это была Пиррова победа.

Да, они нашли предателя. Да, они положили конец его игре. Но враг уже получил всё, что хотел. Каждый их шаг, каждая тайна, каждая уловка – всё это теперь было известно Тени.

Их миссия была не просто скомпрометирована. Она была

обречена.

Они шли вслепую, в то время как противник видел каждую их карту. Любая засада, любая ловушка, которую они могли приготовить, была уже известна и просчитана. Враг знал их маршрут, их цели, их численность и моральный дух, который сейчас лежал в руинах.

Ирина закрыла глаза, её плечи опустились под тяжестью этого знания. Она, лидер, привела свой отряд прямиком в пасть гибели, даже не подозревая об этом.

Александр смотрел на Торгена, и его охватило не чувство триумфа, а глубокая, всепоглощающая усталость. Он был прав. Его подозрения, его попытки остановить скорый суд – всё это было верно. Но эта правота не спасла их. Она лишь оттянула неизбежное и сделала его ещё более горьким.

Расплата за их недоверие, за их страх, за их готовность искать козлов отпущения, наступила. Они заплатили за правду жизнями Элвина и Ллойда, потерей доверия и теперь – потерей любого стратегического преимущества.

Они выиграли битву с призраком в своих рядах. Но проиграли войну, даже не успев вступить в настоящее сражение. И теперь им предстояло идти вперёд, зная, что впереди – лишь гибель, на которую они сами себя и обрекли.

Группа «воссоединилась».

Слово это теперь звучало как горькая, циничная шутка. Они стояли вместе – Краг, Ирина, Александр, Рунар, немногие оставшиеся. Торгена сковали и поставили под отдельную

стражу, но он был уже не важен. Яд, который он нёс в себе, уже отравил их всех.

Не было объятий, не было вздохов облегчения. Было лишь тяжёлое, усталое молчание, в котором повисал один-единственный, невысказанный вопрос: *«Кто следующий?»*

Они смотрели друг на друга, и в их взглядах была уже не прежняя, горячая подозрительность, а нечто новое. Усталая подозрительность.

Она была похожа на болезнь, перешедшую в хроническую стадию. Острая боль ушла, сменившись постоянной, ноющей тяжестью. Они видели не лица соратников, а потенциальные маски. За преданностью Крага мог скрываться очередной Торген. За разумностью Рунара – холодный расчёт. За силой Александра – неконтролируемая угроза.

Доверие было мертво. Его не просто убили – его растоптали, сожгли и пепел развеяли по болотам. То, что осталось, было не группой, а случайным скоплением людей, которых судьба и общий враг заставили идти в одном направлении. Они могли прикрывать друг другу спины, но лишь потому, что это было необходимо для выживания. Они могли говорить, но каждое слово будет пропущено через фильтр сомнения.

Они отправились в путь. Их шаги были тяжёлыми. Они шли, не как отряд с общей целью, а как процессия призраков, каждый из которых нёс в себе гроб с тем, во что он когда-то верил – в дружбу, в долг, в товарищество.

Враг добился своего, даже не нанеся решающего удара. Он посеял страх и недоверие, и они сами сделали за него всю работу. И теперь они брели вперёд, неся это знание внутри, как незаживающую рану, понимая, что худший враг был не снаружи, а в них самих. И он всё ещё был с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.